ФОНД РУССКИЙ МИР

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 201
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

Об условиях и стоимости подписки можно узнать С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным адресам, а также на сайте:

http://ropryal.ru/journal_mirs/

Подписной индекс в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы”»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ”»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

№ 2
2013

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru

[официальные материалы]

4 XIII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» (13–20 сентября 2015 года, г. Гранада, Испания)

[лингвистические заметки]

9 А. В. Жуков
О мотивировке и выводимости фразеологизмов
14 И. Н. Завязкина
Постмодернистские тенденции в современном топонимообразовании (на примере наименований чайных магазинов и клубов)
19 Д. И. Иванов
Вербальный компонент синтетической языковой личности: специфика функционирования концептуальных фраз

[культура речи]

25 Е. Н. Стрельчук
Вопросы речевой культуры за рубежом: прошлое и настоящее
29 Л. Н. Колесникова
Риторическая личность
34 Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова
Интенциональность и стилистико-речевой облик досугового медиадискурса
39 И. Ю. Артемова
Коммуникативные тактики речи в семиотическом пространстве устного публичного дискурса в телевизионном формате

[взаимосвязь литературы и языка]

45 А. В. Калашников
Новелла о Гризельде из «Декамерона» в русских переводах (к 700-летию со дня рождения Дж. Боккаччо)
53 М. И. Меднис
Жанр юмористического афоризма и его эволюция в русской периодике XX века
59 Н. А. Володько
Языковая игра на основе имен собственных в прозе современных писателей-сатириков

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
К. А. Кузьмина
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 25.06.2013
Отпечатано в типографии «Инфо Ол»,
Санкт-Петербург,
ул. Рентгена, д. 1

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией и списком ключевых слов просьба представлять только в электронном виде.
Требования к оформлению статей:
http://ropryal.ru/rules_mirs/

63 Н. А. Азаренко
Языковая реализация антонимичных авторских метафор «любовь — божественное чувство» и «ненависть — бесовское чувство» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»
68 А. Н. Смирнова
Квазисимволы и квазиэталоны в художественном тексте (на материале произведений Евг. Гришковца)

[методика преподавания русского языка]

72 Ф. И. Панков
Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира
81 И. В. Ружицкий, Е. В. Потёмкина
Проблема формирования билингвальной личности в лингводидактике
91 Г. М. Васильева, Ян Лю
Динамика лексико-семантической группы наименований лиц по профессии: лингвокультурологический и лингвометодический аспекты
96 Р. М. Теремова
Интерактивно-коммуникативная составляющая учебника по русскому языку как иностранному и ее реализация в учебном процессе
101 А. Л. Кузнецов, М. Н. Кожевникова
Роль современной информационной среды в формировании интереса учащихся к изучению истории России (о пособии «Русские имена на карте мира»)
105 К. М.-Ш. Юнал
Сложности в изучении категории рода русского языка турецкими учащимися

[наши юбиляры]

109 Юбилей заслуженного профессора МГУ Майи Владимировны Всеволодовой

[представляем новые книги. рецензии]

44 Т. В. Матвеева — *Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров / Под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2012. — 274 с.

[хроника]

18 Традиционная встреча русистов
90 Российские исследования медиа в мировом контексте. К итогам цикла научных конференций

[россия... народы, языки, культуры]

113 Ведущие российские библиотеки

XIII КОНГРЕСС МАПРЯЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

(13–20 сентября 2015 года, г. Гранада, Испания)

Организационный комитет имеет честь сообщить, что XIII Конгресс МАПРЯЛ состоится с 13 по 20 сентября 2015 года в г. Гранада (Испания).

Тема Конгресса: «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры».

Организаторы Конгресса — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Гранадский университет (Испания).

Для участия в работе Конгресса приглашаются специалисты в области изучения, преподавания и распространения русского языка, литературы и культуры.

Рабочий язык Конгресса — русский.

На Конгрессе предполагается работа по следующим **направлениям**:

1. Современный русский язык: социолингвистические аспекты исследования

Русский язык и современная языковая политика / языковое строительство. Типология языковых ситуаций в аспекте социолингвистики. Отражение социальной дифференциации в русском языке. Характер взаимосвязей между языком и социальными структурами. Русская речь в контексте социальной ситуации. Региональная вариативность русской речи.

2. Русская культура в эпоху глобализации

Россия в мировом культурном и образовательном пространстве. Диалог культур в условиях двуязычия и многоязычия. Национальные стереотипы мировосприятия и их отражение в литературе и искусстве. Проблема взаимовлияния национальных менталитетов. Национальная специфика русского менталитета. Культурное и когнитивное пространство русского мира в современных условиях. Русская языковая личность в условиях межкультурного диалога. Проблемы сохранения этнокультурной и языковой идентичности в условиях эмиграции. Интеграция русской культуры в мировое культурное пространство.

3. Системно-структурное описание современного русского языка

Новые методы и направления в изучении уровней языка. Учет вариативности в описании современного русского языка. Корпусная лингвистика как база современных исследований. Когнитивный подход в описании структурных свойств языка. Описание современного русского языка в педагогических и академических грамматиках.

4. Динамика языковых изменений: диахронические и синхронические аспекты исследования

Развитие русского языка на протяжении его истории. Становление и эволюция норм русского литературного языка. Проблемы развития современного русского языка. Норма и узус в современном русском языке. Экстра- и интралингвистические факторы языковых изменений.

5. Язык. Сознание. Культура

Концептуальная и языковая картина мира. Этническая ментальность. Русская языковая

личность. Концептосфера русского речевого общения. Отражение единиц этнолингвокультурного сознания в языковой системе и речевой деятельности. Дисциплинарный статус, методология, методы и базовые понятия лингвокультурологии. Национально-культурная специфика слова, текста, дискурса, коммуникации. Экспериментальные исследования особенностей этноязыкового сознания.

6. Современная русская лексикография: теория и практика

Тенденции развития современного русского языка и задачи лексикографии. Вариантность и норма русского литературного языка и словарная кодификация. Новые технологии создания словарей. Проблемы металексикографии. Типология и новые типы словарей. Электронная лексикография. Терминоведение и терминография. Учебная лексикография. История лексикографии.

7. Русский язык: коммуникативно-прагматические аспекты исследования

Коммуникативно-прагматические аспекты изучения единиц языка. Речевые регистры. Коммуникативное поведение. Речевые стратегии и тактики: режимы согласия и конфликта, языковая манипуляция, языковая демагогия, языковая игра.

8. Русский язык в межкультурной коммуникации

Место русского языка в современном поликультурном общении. Русский язык в межкультурной коммуникации: нормативность, вариативность и национально-культурная специфика. Русский язык в разных социокультурных средах: в русской культуре и в культурах диаспор. Русский язык в общении представителей разных культур, в том числе в межкультурной интернет-коммуникации.

9. Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного

Уровни владения русским языком и проблемы их описания. Актуальные проблемы преподавания русского языка разным контингентам учащихся. Новое в обучении аспектам языка и видам речевой деятельности. Проблематика межкультурной коммуникации в теории и практике преподавания РКИ. Роль русской культуры в преподавании русского языка. Русский язык в системе билингвального образования. Современные средства обучения. Дистанционное обучение. Лингводидактическое тестирование. Повышение квалификации преподавателей. История преподавания русского языка как иностранного.

10. Сопоставительное изучение русского и других языков: лингвистический и методический аспекты

Русский язык в сопоставлении с другими языками. Методология межъязыковых сопоставлений. Системная, функциональная и прагматическая эквивалентность. Универсальное и идиоэтническое в русском языке. Способы языковой кодировки в русском и сопоставляемых с ним языках. Прикладные аспекты описания русского языка в сопоставлении с другими языками.

11. Перевод как средство межкультурного взаимопонимания, предмет изучения и обучения

Современная теория и практика перевода. Функциональное, содержательное и структурное соотношение перевода и оригинала. Универсальное, национальное и индивидуальное в тексте перевода. Проблема интерпретации при переводе. Перевод в диалоге культур. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. Компьютеризация перевода.

12. Русский язык в интернет-пространстве

Коммуникативно-прагматическая специфика интернет-общения. Жанровая дифференциация интернет-коммуникации. Правила речевого поведения в интернет-общении: нормативный и этический аспекты. Исследования речевых единиц в интернет-общении. Речевой портрет участника интернет-общения.

13. Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность

Русская литература как отражение культурно-языкового развития. Русская классика в современном культурном контексте. Русская литература в культурном и образовательном пространстве мира. Процессы и тенденции в современной русской литературе. Литературная связь России и зарубежных стран. Взаимодействие литературы с другими видами искусства.

14. Методика преподавания русской литературы: теория и практика

Русская литература в школе и в вузе. Проблемы преподавания русской литературы иностранным учащимся. Теория и практика составления учебников по русской литературе. Актуальные проблемы подготовки преподавателей русской литературы. История, современный опыт и перспективы преподавания русской литературы.

Круглые столы.

1. Задачи и перспективы деятельности МАПРЯЛ.
2. Проблемы изучения и преподавания русского языка в инокультурном пространстве.
3. Изучение и преподавание русского языка в испаноязычной среде.
4. Дистанционное обучение русскому языку: проблемы и перспективы.
5. Ученик — учитель — учебник.

Формы работы на Конгрессе:

– пленарные заседания;

– заседания по научным направлениям (выступление с докладом, выступление с содокладом, участие в дискуссии);

– круглые столы;

– выступления с постером (стендовый доклад).

Пленарные заседания пройдут в день открытия и закрытия Конгресса.

В рамках **заседаний по направлениям** предполагается заслушать один проблемный *доклад* (20 минут) авторитетного специалиста в данной области, а также *содоклад* (20 минут) «оппонента», то есть специалиста, представляющего другую научную школу или иную точку зрения на проблему, который может дать свой комментарий, осветить пограничный круг проблем и т. п. После докладов предполагается провести *дискуссию*, в рамках которой могут выступить со своими сообщениями участники заседания, а также все желающие (до 5 минут). При этом будут опубликованы тексты как докладов, так и сообщений.

В ходе работы **круглых столов** будут заслушаны 1–2 проблемных доклада (не более 10 минут каждый), далее — свободное обсуждение проблемы (выступления с репликами до 3 минут). Тексты выступлений на круглых столах будут опубликованы.

Выступление с постером (стендовый доклад) — это устный комментарий к изображению или тексту, отражающий суть сообщения, представленного автором на плотном листе бумаге размером 1м × 1,5–2 м. Размер букв должен позволять легко ориентироваться в тексте с расстояния не менее двух метров. Для желающих ознакомиться с их содержанием постеры будут представлены в зале заранее. Участники собираются около постера того автора, который их заинтересовал (при этом не исключен переход участников от одного постера к другому). Автор находится около своего постера и отвечает на вопросы в течение того времени, которое отводится на выступления со стендовыми докладами. Текст сообщения автора стендового доклада также будет опубликован.

Участие в качестве слушателя (без предоставления материалов для публикации) возможно только при наличии свободных мест. Для этого необходимо **до 15 марта 2015 года** подать заявку с указанием формы своего участия.

Ответ о возможности участия будет выслан не позднее **15 мая 2015 года**.

Заявки и материалы для публикации будут приниматься **только на сайте МАПРЯЛ http://www.mapryal.org/ с 15 марта 2014 года до 15 декабря 2014 года.**

После поступления заявки и статьи в оргкомитет Вы получите письменное подтверждение.

Приглашение для участия в Конгрессе будет выслано не позднее **15 апреля 2015 года.**

Приглашения для оформления визы будут высланы до **15 июня 2015 года.**

О финансовых условиях участия будет сообщено во втором информационном письме.

Сборник материалов будет издан в электронном виде перед началом Конгресса.

Требования к оформлению текста:

– объем — не более 6 страниц;

– язык текста — русский;

– параметры редактора — Word для Windows (doc, **не** docx, **не** odt);

– размер бумаги — А4;

– поля (Margins): верхнее и нижнее, левое и правое — 2,5 см;

– ориентация — книжная;

– шрифт (Font) — Times New Roman;

– высота шрифта — 12 pt;

– отступ (красная строка) — 1,25 см;

– межстрочное расстояние — полуторное;

– выравнивание — по ширине;

– графики и иллюстрации, сопровождающие статью, должны быть представлены дополнительно в форме отдельных черно-белых TIFF или JPEG файлов с разрешением 300 dpi;

– сноски концевые автоматические.

Перед текстом статьи указываются на **русском** языке:

– фамилия, имя и отчество автора (авторов) *полностью*;

– место работы автора (-ов) (без сокращений), страна;

– адрес электронной почты (e-mail);

– название статьи (не прописными буквами);

– аннотация на русском языке до 500 символов (включая пробелы);

– ключевые слова (4 — 6 слов).

После текста статьи дается перевод на **английский** язык следующей информации:

– фамилия и инициалы автора (авторов);

– место работы автора (-ов) (без сокращений), страна;

– название статьи (не прописными буквами);

– аннотация до 500 символов (включая пробелы) и до пяти ключевых слов.

Для текстовых выделений используйте *курсив* и **полужирный шрифт**. Подчеркивание, НАБОР ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ и р а з р я д к а недопустимы!

Запрещается использовать знаки пробела и табуляции для оформления абзацного отступа и печати текста в два столбца.

Если нужны знаки, отсутствующие в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т. п.), используйте стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе с докладами в виде приложения к электронному письму. Все символы, которые набраны отличным от Times New Roman шрифтом, должны быть выделены красным цветом.

При необходимости поставить в слове ударение недопустимо использование букв латинского алфавита (á, é, ú). Ударные гласные необходимо набрать прописными буквами и выделить желтым маркером.

При использовании дополнительных шрифтов и при необходимости постановки ударения в начале файла перед данными об авторе указать красным цветом «Используются дополнительные шрифты и знак ударения».

Все иллюстрации и таблицы должны быть озаглавлены. В тексте должна присутствовать ссылка на них (например: рис. 1).

Библиографические ссылки на цитируемые издания даются в автоматических концевых сносках, отдельно список литературы не приводится. Ссылка оформляется по действующему в России ГОСТ 7.0.5-2008. В качестве разделителя используется точка (не точка и тире). Обязательно указываются: редакторы сборников, название издательства, общее количество страниц (если ссылка на целое издание) или отдельные страницы (если ссылка на часть издания).

Примеры оформления сносок с библиографическими ссылками:

[1] *Иванов И. И.* Название монографии / науч. ред. А. П. Петров. М.: Наука, 2012. 250 с.

[2] Там же. С. 18.

[3] *Петрова А. И.* Название статьи // Название сборника: сб. статей / под ред. А. А. Редакторова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 14–25.

[4] *Иванов И. И.* Указ. соч. С. 130.

[5] *Иванов И. И., Петров П. П., Сидоров С. С. и др.* Название статьи // Название журнала. 2010. № 1. С. 67.

Пример оформления текста:

Фамилия Имя Отчество автора (Times New Roman, жирный, **12pt** кегль)
Место работы автора (-ов), страна: (Times New Roman, **10pt** кегль)
E-mail: (Times New Roman, **10pt** кегль)

Название (Times New Roman, жирный, **14pt** кегль)

Аннотация на русском языке (Times New Roman, **10pt** кегль)
Ключевые слова: ключевые слова на русском языке (Times New Roman, **10pt** кегль)

Основной текст: (Times New Roman **12pt** кегль, междустрочный интервал — 1,5)

Фамилия, инициалы автора на английском языке (Times New Roman, **10pt** кегль)
Название статьи на английском языке (Times New Roman, жирный, **10pt** кегль)
Аннотация на английском языке (Times New Roman, **10pt** кегль)
Keywords: ключевые слова на английском языке (Times New Roman, **10pt** кегль)

[6] *Сидоров К. С.* Название диссертации: дис. ... д-ра филол. наук / Название организации. Волгоград, 2012. С. 17–19.

[7] *Sergeev I.* Title / ed. by P. Petrov. London, 2013. 340 p.

[8] Ibid. P. 15.

[9] *Артемьев О. О.* Название статьи [Электронный ресурс] // Название сайта: [сайт]. [Архангельск, 2012]. URL: http://www.nazvanie.ru/page5.html (дата обращения: 28.02.2013).

[10] *Sergeev I.* Op. cit. P. 18.

Файл статьи нужно озаглавить латинскими буквами в формате **<номер направления>_<фамилия, инициалы автора>_statya.doc** (например: статья И. П. Иванова, 10-е направление: **10_IvanovIP_statya.doc**).

Все схемы, графики и иллюстрации должны быть приложены отдельными файлами в формате TIFF или JPEG с разрешением 300 dpi в черно-белом контрастном исполнении (в диаграммах желательно использовать разного рода штриховку). Названия файлов в формате **10_IvanovIP_ris1.jpeg**. Для создания схем и иллюстраций возможно использование программ стандартного пакета Microsoft Office. В этом случае графические объекты должны быть сгруппированы, их необходимо выслать вместе с текстом в виде приложения к электронному письму в формате Microsoft Word (название файла в формате **10_IvanovIP_ill.doc**).

тел./факс: +7 (812) 320 68 62
info@mapryal.org
http://www.mapryal.org/
наб. Лейтенанта Шмидта, 11/2, оф. 201,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

А. В. Жуков

О МОТИВИРОВКЕ И ВЫВОДИМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ANATOLIY V. ZHUKOV

ON IDIOMS MOTIVATION AND DEDUCIBILITY

В статье в свете «узкого» понимания фразеологии уточняется смысловой объём терминов «мотивировка» и «выводимость».

Ключевые слова: фразеологизм, мотивировка, выводимость, внутренняя форма, семантическая остаточность, идиоматичность.

The article covers the meaning of the terms deducibility and motivation in the narrow sense of phraseology.

Keywords: idiom, motivation, deducibility, inner form, semantic residuality, idiomaticity.

Анатолий Власович Жуков

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
► anatolij.zhukov@novsu.ru

Целью настоящей статьи является уточнение понятий «мотивировка» и «выводимость» применительно к фразеологизмам, к которым мы относим фразеологические сращения и единства (по В. В. Виноградову).

Слово «выводимость» пока не приобрело терминологической чёткости, хотя и употребляется достаточно давно, начиная с классических трудов по фразеологии В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, Н. Н. Амосовой, Д. Н. Шмелева и др. Так, например, Г. Л. Пермяков, анализируя сложные языковые знаки (от собственно фразеологизмов до басен и сказок), предельно сближает понятия мотивировки и выводимости: «Другим существенным общетекстовым признаком следует считать наличие или отсутствие мотивировки, т. е. выводимость или невыводимость общего смысла текста из смысла составляющих данный текст слов... Само отнесение текста к тому или иному паремиологическому типу зависит от характера его мотивировки» [13: 36, 37].

Пожалуй, впервые в качестве термина слово *выводимость* закрепилось в работах В. П. Жукова. Свойством выводимости, с его точки зрения, наделены в первую очередь фразеологизмы со смысловым центром, т. е. содержащие в своем составе смыслообразующие компоненты (типа *на **дружеской** ноге, под **весёлую** руку*). См., напр.: [7: 12, 92–94, 110].

Однако значительно чаще этому потенциальному термину приписывается более широкое значение, нацеливающее исследователя на поиск признаков семантической преемственности, связывающих исходное словосочетание с собственно фразеологизмом.

Поскольку переход от первоначального (буквального) содержания к конечному (переносному) не всегда самоочевиден, то феномен выво-

димости с большой долей вероятности замыкается на понятии мотивировки, т. е. объяснении того, как мог протекать самый процесс такого перехода, какие внутренние пружины способствовали подобному семантическому перерождению. Попутно в исследовательский аппарат вводится целый ряд взаимосвязанных терминов: переосмысление, метафоризация, преобразование, фразеологизация, десемантизация, деактуализация и др.

Рассуждая о своеобразии семантической природы фразеологических сращений и единств, В. В. Виноградов отмечал следующее: «Основным признаком *фразеологического сращения* является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [3: 124]. И далее: «От фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь произведением, возникающим из слияния значений лексических компонентов. Этого рода фразеологические целые можно назвать *фразеологическими единствами*» ([Там же: 131]; разрядка наша. — *А. Ж.*).

Показательна достаточно критическая реакция на приведённое высказывание В. В. Виноградова со стороны Н. Н. Амосовой. «Демотивация фразеологизма фактически приравнивается в рассуждениях В. В. Виноградова к невыводимости его общего значения из значений его компонентов. Если под выводимостью подразумевается возможность понимания значения фразеологизма на основе осмысления его мотивировки, то такая „выводимость“ в большинстве случаев есть чистейшая иллюзия» [1: 8]. Таким образом, Н. Н. Амосова склонна считать, что связь между мотивировкой (внутренней формой, мотивирующим образом) и выводимостью носит маловероятный, непредсказуемый характер. Чуть менее категоричен Ю. С. Маслов, отмечающий, «что значение, которое слово могло бы иметь в соответствии со своей мотивировкой и словообразовательной структурой, почти всегда шире того, которое оно фактически имеет в языке» [10: 113].

Точку зрения Н. Н. Амосовой с некоторыми оговорками и уточнениями разделяет и А. Г. Назарян [12: 45–50].

Следует заметить, что сам В. В. Виноградов в уже цитируемой статье подчёркивал динамическую условность связи словосочетания-прототипа и в той или иной мере исторически мотивированного им через сопутствующий образ фразеологического оборота: «Так же, как и в словах, во фразеологических единствах образное представление, сопутствующее значению, обычно не дано, а лишь постулируется, предполагается. Оно исторически изменчиво и, конечно, не нуждается в соответствиях подлинной этимологии образа. Например: *держать в черном теле; вывести на чистую воду; отвести душу; за пояс заткнуть; поставить крест* на чем-нибудь или даже над чем-нибудь...

Внутренняя форма, лежащая в основе фразеологического единства, может быть полузабыта, почти утрачена. Но она всегда может быть вызвана к жизни. Часто происходит подстановка новой внутренней формы» [3: 129].

Суждение Н. Н. Амосовой в том или ином виде реанимируется в работах некоторых современных исследователей. См., напр.: [2: 21].

Следует, однако, особо подчеркнуть, что сам мотивирующий образ создаётся именно на базе исходного словосочетания и, тем самым, в той или иной мере зависит от семантики слов-компонентов. Так, именно относительное семантическое тождество варьируемых слов-компонентов обеспечивает образное единство оборота и в конечном счете мотивирующий и экспрессивно-оценочный эффект (ср.: *стреляный / старый воробей, бродить / блуждать в потёмках, звонить / ударять во все колокола, душа / сердце не на месте* у кого, *на широкую / большую / барскую ногу* жить и под.).

Кроме того, в свете рассматриваемой проблематики существенно следующее уточнение В. П. Жукова: «Между словосочетанием, лежащим в основе внутренней формы фразеологизма, и соответствующим свободным словосочетанием обнаруживаются черты сходства и различия...

Словосочетание, образующее внутреннюю форму, может видоизменяться в строго определенных пределах: такое видоизменение не должно нарушать тождество образа. Можно, например, сказать *лежать на боку, лежать на печи* при невозможности сказать *лежать на земле*...

Семантическая деактуализация слов происходит не в свободном словосочетании, а в словосочетании, которое формирует образную основу фразеологизма» [5: 303].

Своего рода скептицизм в отношении прогнозирующей силы словосочетания-этимона породил в свою очередь попытки отдельных фразеологов искать семантические истоки идиом не столько в самом исходном словосочетании и словах-компонентах, сколько в соответствующем культурно-историческом окружении, предполагающем учёт и углублённый анализ фоновых знаний. Появляются словари нового поколения, в которых «прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нём археологией культуры, а также современные установки культуры» [14: 4].

Полезность подобных исследований, имеющих уже давнюю отечественную традицию, не вызывает сомнений. Вместе с тем достаточно очевидно, что научные штудии, исходящие из понимания идиомы как «микротекста», а её происхождение и актуальное содержание в большой мере ставящие в зависимость от лингвистического и культурологического анализа «текстового» пространства в целом, не могут не учитывать при этом и самого «контекстуального минимума», т. е. семантики базового словосочетания и его компонентов.

Справедливость сказанного доказывается объективными фактами знаковости компонентов, в силу своего рода семантической инерции сохраняющими во фразеологическом значении следы и элементы генетического содержания — предметно-понятийного, символического, стилистического, словообразовательного, категориального и т. п. [4].

Системный характер взаимоотношений словосочетаний-прототипов и слов-компонентов, этимологического и актуального значений фразеологизма на более широком языковом фоне обнаруживается в типологии компонентов, построенной с учётом меры их семантической остаточности (маркированности) и, соответственно, степени выводимости и идиоматичности фразеологических единиц. В свою очередь, опыт «Лексико-фразеологического словаря русского языка» наглядно демонстрирует случаи реального семантического соприкосновения, пересечения и производности исходного словосочетания и фразеологизма. Наиболее убедительно это проявляется в многочисленных фактах лексико-фразеологической синонимии, доказывающих, что фразеологизм в целом и особенно отдельные его компоненты, как с пуповиной, связаны с исходным словосочетанием. Ср., напр.: *откладывать в долгий ящик* что — *откладывать* что ‘отсрочивать’, *склонять во всех падежах* кого — *склонять* кого ‘постоянно осуждать, критиковать’, *вертеться (крутиться) как белка в колесе — вертеться (крутиться)* ‘быть в постоянных хлопотах’ [8].

В свете обсуждаемой проблемы немаловажным аргументом в пользу идеи семантической преемственности словосочетания-прототипа и фразеологизма следует признать глубоко обоснованный на широком русском и славянском материале опыт структурно-семантического моделирования фразеологизмов [11: 52–90]. В исходной структурно-семантической модели, как правило, уже заложены основы мотивировки, которая впоследствии уточняется, конкретизируется применительно к отдельным фразеологическим единицам.

Конечно, не следует доводить идею выводимости до крайности, превращать в семантическую фикцию. Напомним в этой связи верное и тонкое суждение В. П. Жукова: «Фразеологизмы в языке появляются вовсе не потому, что, например, у слова *вешать* неожиданно появилось

специфическое значение ‘приходить в состояние’, а у слова *нос* — единичное значение ‘уныние’. Все эти значения присваиваются компонентам уже после того, как сформировалась фразеологическая единица... „Докопаться“ до собственного значения этих компонентов по существу невозможно. Тем более трудно сделать допущение, что подобные единицы сформировались на столь зыбкой семантической основе» [6: 288].

Вернёмся к уже цитированной вначале монографии Н. Н. Амосовой. «Если не знать значения фразеологизмов *выносить сор из избы* или *стреляный воробей*, которые, по В. В. Виноградову, являются „единствами“, то, в условиях их изоляции от речи, мы можем, отталкиваясь от одного и того же мотивирующего образа, с одинаковым основанием расшифровать первый из них как ‘наводить порядок’ или ‘облегчить душу тяжелым признанием’, или ‘отделаться от чего-либо лишнего, ненужного’ и т. п., а второй — как ‘запуганный’ или, может быть, ‘много претерпевший человек’. Их расшифровка, соответственно, как ‘разглашать внутренние дрязги’ и ’опытный человек’, вовсе не является единственно возможной. Если в условиях речи или определенной речевой ситуации можно понять смысл неизвестного ранее идиоматического сочетания, то действующей силой тут является не столько прозрачность его мотивировки, сколько внешние указания, идущие от контекста или ситуации» [1: 8].

То, о чем говорит Н. Н. Амосова, конечно же, справедливо, но верно также и то, что из всех возможных вариантов в акте фразообразования предпочтение было отдано только одному и, думается, не случайно. Именно в суммарном смысловом содержании исходного словосочетания, а также в семантике самих слов-компонентов объективно присутствуют такие элементы значения, которые могут послужить основой для метафорического или иного переосмысления и преобразования.

Таким образом, исходя из определения выводимости, данного в трудах В. П. Жукова, этому термину можно придать более широкое значение, связав с типологией семантической остаточности компонентов фразеологических единиц.

В свою очередь, под мотивировкой следует понимать семантическое основание, элемент значения (сему или несколько сем — ядерных или периферийных, актуальных или потенциальных) в содержании исходного словосочетания (выступающего в качестве внутренней формы), на базе которого в той или иной мере формируется реальное фразеологическое значение. Мотивировка предполагает установление семантической связи (причинно-следственной, ассоциативной и проч.) между этимологическим и актуальным значениями фразеологизма, осознаваемой в той или иной тропеической форме (как метафора, метонимия, литота, гипербола, алогизм и т. п.). Ср. в этой связи также: [12: 47–49].

Несмотря на то, что феномены мотивировки и выводимости носят универсальный характер, их проявление на разных языковых уровнях и в единицах разной структурной и семантической природы отличается своеобразием. Более того, в пределах отдельных идиоматических групп характер и мера мотивировки и выводимости могут существенно различаться. Ср., например, в этой связи фразеологические сочетания *чреватый последствиями* и *закадычный друг*, поговорки *Что имеем, не храним, потерявши, плачем* и *Бедному жениться и ночь коротка* (устар.), пословицы *Кашу (каши) маслом не испортишь* и *Далеко кулику до Петрова дня,* пословично-поговорочные выражения *В тихом омуте (болоте) черти водятся* и *В городе (в Москве) толсто звонят, да тонко едят* (устар) и под. Особенно показательны в этом отношении пословично-поговорочные выражения, которые, подобно фразеологизмам со смысловым центром, характеризуются явно выраженной мотивировкой и выводимостью своего смыслового содержания.

Есть основания предполагать, что чем более сложной по своей структурной организации (многокомпонентной) является идиоматическое образование, тем более органично взаимодействуют в его содержании мотивировка и выводимость, и наоборот (ср. слово, словосочетание, фразеологическое сочетание, фразеологизм, поговорка, пословица, пословично-поговорочное выражение, крылатое выражение, афоризм, примета, загадка, басня и т. д.).

Табл. **Семантическая классификация фразеологизмов**

	Примеры фразеологизмов	Налагаемые	Мотивированные	Выводимые	Мера идиоматичности	Тип фразеологизма
1	*Турусы на колёсах, приказать долго жить, очертя голову*	–	–	–	Сильно идиоматичные	Сращения
2	*Собаку съесть, втирать очки, перемывать косточки, подложить свинью, крапивное семя*	+	–	–		
3	*Ломиться в открытую дверь, гранить мостовую, переливать из пустого в порожнее, белые мухи, на рыбьем меху*	–	+	–	Средне идиоматичные	Единства
4	*Обрасти мохом, выжатый лимон, зайти в тупик, тяжелая артиллерия, носить на руках, белая ворона*	+	+	–		
5	*По **пьяной** лавочке, **чудеса** в решете*	–	–	+		
6	***Ветряная** мельница, на **дружеской** ноге, **другой** коленкор, валять **дурака***	+	–	+		
7	***Морской** волк, на **скорую** руку, на краю **гибели**, язык **хорошо** подвешен*	–	+	+	Слабо идиоматичные	
8	*Месить **грязь**, **первая** ласточка, играть в **молчанку**, ставить знак **равенства**, оборотная **сторона** медали, плыть **против** течения*	+	+	+		

В заключение приведём таблицу, в которой семантическая классификация фразеологизмов дана в свете четырех взаимосвязанных признаков — налагаемости, мотивированности, выводимости и идиоматичности. Более подробно см. в статье [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.

2. *Василенко А. П.* Аспекты изучения внутренней формы идиом (на примерах русского и французского языков) // Современная филология: теория и практика. Матер. I междунар. научн.-практ. конф. 25–30 мая 2010 г. М., 2010.

3. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

4. *Жуков В. П.* О знаковости компонентов фразеологизма // Вопр. языкознания. 1975. № 6. С. 36–45.

5. *Жуков В. П.* Идиоматичность фразеологизма в сопоставлении с идиоматичностью слова // Избр. работы по русскому языку. Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые Жуковские чтения. Т. 2. Матер. Междунар. симпозиума 4–6 мая 2011 года / Сост. и отв. ред. А. В. Жуков. Великий Новгород, 2011.

6. *Жуков В. П.* Предисловие // Избр. работы по русскому языку. Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые Жуковские чтения. Т. 2. Матер. Междунар. симпозиума 4–6 мая 2011 года / Сост. и отв. ред. А. В. Жуков. Великий Новгород, 2011.

7. *Жуков В. П.* Русская фразеология. М., 1986.

8. *Жуков А. В.* Лексико-фразеологический словарь русского языка. М., 2010.

9. *Жуков А. В., Жуков К. А.* К вопросу о существенных свойствах и семантической классификации фразеологизмов // Вестн. НовГУ им. Ярослава Мудрого, сер. «Гуманитарные науки». 2006. № 36. С. 55–58.

10. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1987.

11. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1989.

12. *Назарян А. Г.* Фразеология современного французского языка. М., 1987.

13. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.

14. *Телия В. Н.* От авторов // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006.

И. Н. Завязкина

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ТОПОНИМООБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЧАЙНЫХ МАГАЗИНОВ И КЛУБОВ)

IRINA N. ZAVYAZKINA

THE POST-MODERNISM TENDENCIES OF THE MODERN TOPONYM FORMATION (ON THE EXAMPLE OF THE TEA SHOP'S AND TEA CLUB'S NAMES)

В статье рассматриваются особенности современного топонимообразования чайных магазинов и клубов, выявляются основные тенденции в его развитии, одной из которых является ориентация на поэтику постмодернизма. Современное топонимообразование демонстрирует такие характерные черты поэтики постмодернизма, как фрагментация, неточность, двусмысленность, карнавализация, интертекстуальность, ироничность и др.

Ключевые слова: топоним, чайный, топонимообразование, постмодернизм, интертекстуальность.

The paper covers the features of the modern stage of the tea shop and tea club toponym formation and determines the main tendencies of the process development. One of the tendencies is focusing on the post-modernism poetics. The modern toponym formation demonstrates such features of the post-modernism poetics as fragmentation, inaccuracy, ambiguity, carnivalesque, intertextuality, irony and etc.

Keywords: toponym, tea, toponym formation, post-modernism, intertextuality.

Ирина Николаевна Завязкина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета
► irina.zavyazkina@yandex.ru

В условиях поиска собственной идентичности, как государственной, территориальной, этнической, так и индивидуальной в современном мире, российском обществе, актуальной становится манифестация имен собственных как неких «маркеров актуализирующихся форм идентичности» [2: 195]. Топоним как «антрохроноинформационный сгусток» [Там же] в наибольшей степени отвечает идее синтеза, выявляя скрытую когнитивно-коммуникативную суть языковых феноменов топонимии. Рост интереса к изучению соотношения топонимической ассоциации и топонимического мифа в последние годы может быть обусловлен частым использованием названия топообъекта как способа привлечения внимания для увеличения продаж или посещаемости.

Материалом для нашего исследования послужили топонимообразования чайных магазинов, кафе, клубов и т. п. (около 500 «чайных» топонимов).

При анализе названий топообъектов на первое место выдвигаются не те, что имеют тесную связь с историей данной местности, а номинации с разветвленной сетью ассоциаций. И архитекторы, дизайнеры,

декораторы таких топообъектов создают инфраструктуру, поддерживающую связь между данным объектом и топонимом в сознании его посетителей (соответствующий интерьер; одежда продавцов, официантов, чайных мастеров; картины; скульптуры; музыка; чайные атрибуты и т. п.). Российский китаевед Бронислав Виногродский, в числе других вводивший в обиход россиян культуру китайского чаепития, отмечает, что «чайная культура в целом ассоциируется с культивацией утонченного знания, культа древности и воспитанием высоких вкусов, и потому всегда идет рука об руку с такими аспектами традиционной культуры и искусства, как живопись, каллиграфия, стихосложение и собирание древностей» [1: 121].

В данном случае следует говорить о постмодернистских тенденциях в современном топонимообразовании.

Многочисленные современные названия магазинов, кафе, клубов и т. п. все больше воздействуют на то, как мы осознаем окружающий нас мир и свое место в нем. Однако часто наименования топообъектов не только не отражают, но даже искажают окружающую нас реальность, являясь лжереальностями.

Как отмечает Н. Г. Осипова, «постмодернистское общество характеризуют стиль и имидж», и мы все больше «потребляем» их ради них самих [6: 687]. Сейчас важно не столько то, что продается в этих магазинах, какого качества, функциональности, а сколько фирменная принадлежность, так называемый имидж кафе, клуба, магазина, а также то, какие люди посещают эти заведения; сам стиль стал предметом торговли. И топоним играет не последнюю роль в данном процессе.

В XXI столетии топоним воспринимается как реклама топообъекта. Как качественное рекламное объявление топоним требует от автора высокого уровня культуры, тонкого знания психологии, искусного владения словом.

Современное топонимообразование демонстрирует такие характерные черты поэтики постмодернизма, как фрагментация, неточность, карнавализация, интертекстуальность, ироничность [4: 713].

Рассмотрим их на примере топонимообразований чайных магазинов, кафе, клубов и т. п.

Во многих топонимах наблюдается сознательная авторская нечеткость, неточность, тенденция к двусмысленности. Читательское восприятие топонима может отличаться от индивидуально-авторского толкования: иногда адресат обнаруживает значение, которое вообще не рассматривалось и не имелось в виду адресантом. Размытость ориентируется на менталитет и духовную культуру разных народов. Именно культурно-национальная специфика воплощается в номинациях через их образное содержание. (Сравните: один и тот же топоним у реципиентов отличающихся лингвокультур может вызвать разные реакции.) Для правильного истолкования нужны не только знания контекста и контекстуальной ситуации, но и пресуппозитивные, фоновые знания. Авторы названий объектов, вместе с тем, рассчитывают на работу воображения зрителя-читателя, которое вызовет в сознании множество ассоциаций, связанных с «кусочком» общей картины — топонимом (примеры смотрите ниже).

В топонимообразовании чайных заведений фрагментарно используются как вербальные, так и невербальные средства (сочетаются графические и изобразительные элементы, не подчиненные правилам симметрии; буквы разных размеров, конфигурации, цветов; выделяются некоторые фрагменты слова с помощью шрифта, цвета или размера букв; те или иные топонимические «элементы» высвечиваются световой рекламой). Таким образом, линейность текста уступает место многомерности, а в топониме подчеркиваются другие значимые слова или части слова. Например, в «ЧАЙ-сан», «НеобыЧАЙные товары», «ЧАЙный рай» (чайный магазин, г. Дятьково), «ЧудоЧАЙ» (магазин чая, г. Москва), «ЧАЙная лодка» (чайный клуб) видно слово «чай», в «ПроКОФий» — элемент слова «кофе» (см. также: «Маг ЧаКо. (МАГазин Чая и Кофе)») и др. Часто это делается с нарушением языковых норм, но нарушение осознается как «языковая игра». Таким образом, с помощью средств графической образности придается ил-

люстративно-символический, фоновый план отдельному слову или его элементу. Встречаются топонимы, в которых графема заменяется сходным по форме символом или рисунком, соответствующим значению слова (чашка чая, похожая на строчную букву «а»; чайный лист, напоминающий букву «А» без «перекладины»; верхний элемент буквы «Й», по форме похожий на пар, дымок из чашки горячего чая; иногда в топоним вставлены китайские или японские иероглифы, обозначающие слово «чай»; на отдельных вывесках буква «А» в слове «чай» заменена на латинскую «V» (например, в наименовании чайного магазина «ПростоЧАЙ для непростых» (г. Владикавказ), где буква «V», возможно, является знаком аббревиатуры «VIP», и др.). В подобных случаях данную замену можно считать особым случаем графической метафоризации, которая имеет историческую опору: тексты в старинных книгах начинались особыми художественно выполненными заглавными буквами (так называемыми буквицами), иногда выполненными в виде какого-нибудь рисунка (птицы, диковинного зверя, рыбы и др. [5: 77–78]).

Топоним может быть помещен и в пространство наружной рекламы. Текст с топонимом может передвигаться по городу на наружных сторонах автобусов, троллейбусов, такси и другого транспорта. Это создает особую пространственно-временную среду.

Яркой чертой современного топонимообразования является карнавализация топонима, которая во многом создается прежде всего сочетанием в топониме различных цветов, что придает ему особую карнавальность и праздничность. В рассматриваемых топонимах находим игру слов, каламбур, скрытый смысл, сталкиваемся с приданием привычным словам необычной формы, цитатами и др., встречаемся с таким приемом, как аллюзия, состоящим в намеке на какое-либо известное лицо, произведение, событие, культурный факт и т. п., деформированными идиомами и др. Карнавал — массовый праздник, и «чайные» топонимы ориентируются на массового потребителя, но при этом четко дифференцируют свои целевые аудитории и стремятся подстроиться под их вкусы и систему ценностей. (Смотрите ниже о названиях чайных заведений «для своих».)

Однако следует учесть, что карнавализация «чайного» топонима противопоставлена чайному действу в его восточной традиции, которое «можно было начинать только после того, как душа человека наполнилась покоем и тишиной, а сам он настроился на одну волну с природой и мирозданием» [7: 68].

Карнавал включает в качестве обязательного символический компонент. Игровая стихия проявляется в топонимообразовании чайных и кофейных заведений в том, что названия указывают не на реальные места, в которых находятся данные топообъекты, а на места-маски, места-символы.

Смотрите, например: «Килиманджаро» (бутик чая и кофе); «Экватор» (чайный магазин, г. Воронеж); «Чайленд» (магазин чая); «Тибет» (интернет-магазин чая); «Чайная Пагода» (магазин чая) и др.

В названиях отражаются животные- и растения-маски, животные- и растения-символы, имеющие прямое или хоть какое-то, пусть отдаленное для неискушенного обывателя, отношение к чаю. И сам топоним выступает как маска, символ. Следует отметить, что подобные наименования чайных заведений строятся по формуле «прилагательное + существительное» и напоминают названия известных китайских и тайваньских чаев (например, «Бай Мудань» («Белый Пион»), «Да Хун Пао» («Большой Красный Халат»), «Сяо Хун Пао» (Малый Красный Халат»), «Бай Цзи Гуань» («Белый Петушиный Гребень»), «Нюй Эр Хун» («Красна Девица»), «Моли Чжень Чжу» («Жасминовая Жемчужина»), «Моли Бай Мао Хоу» («Беловолосая Обезьяна») и т. д. Значение метафорических наименований вступает в противоречие со значением опорного слова-контекста, поэтому метафорические словосочетания воспринимаются как неправдоподобные [5: 87].

Например, номинации, связанные с животными (зверями и птицами): «Зеленая обезьяна» (магазин чая, г. Москва); «Небесный дракон» (чайный клуб, г. Воронеж); «Золотая улитка» (чайный магазин, Санкт-Петербург); «Золотой слон»

(чайный магазин); «Золотая черепаха» (чайный клуб, г. Воронеж); «Золотой Жук» (чайный клуб, г. Воронеж); «Чайный бутик. Императорская панда»; «Бизон» (магазин чая и кофе, г. Москва); «Жирафа» (интернет-магазин чая, кофе, шоколада); «Павлин» (магазин чая, кофе, кофемашин; Санкт-Петербург); «Железный Феникс» (чайный клуб); «Дом белого журавля» (чайный клуб) и др.

Номинации, связанные с растениями: «Мандрагора» (магазин чая и кофе); «Серебряный лотос» (чайный клуб, г. Ставрополь); «Золотой лотос» (чайный магазин); «Мандарин» (магазин чая и кофе); «Весна четырех сезонов» (магазин чая); «Нефритовый улун» (магазин чая); «Пуэр» (чайный чагазин) и др.

Интертекстуальность, полилог разных языков, культур («чайных» культур в том числе), ранее созданных текстов является одной из важных черт эстетики постмодернизма. В топонимообразовании интертекстуальность реализуется в обыгрывании разного рода цитат, аллюзий, трансформированных идиом и т. п. Например: «Чайные берега. Кофейные реки» (магазин чая и кофе; сравните идиому «молочные реки и кисельные берега» — символ богатства, достатка, благополучия, изобилия; в то же время — символ несбыточного, невероятного; пришло из русских сказок о царе Горохе, смотрите также русскую народную сказку «Гуси-лебеди»; см. также: кисель с молоком на Руси были лакомством, одним из любимых праздничных блюд; сравните: без чая и кофе сегодня не обходится не один человек; смотрите также: в Библии упоминаются реки с молоком и медом);

– «ЧКП (чай-кофе-потанцуем)» (чайный клуб; смотрите: по названию кинокомедии режиссера Виктора Шамирова «Чай, кофе, потанцуем...» (2003); сравните: в этом клубе предполагается пить чай, кофе и танцевать);

– «Весна, лето, осень, зима и снова... весна» (чайный клуб, г. Саратов; смотрите: название одноименного кинофильма режиссера Ким Ки Дука; смотрите также: никому не дано нарушить смену времен года, когда вначале все рождается, потом растет, а затем угасает; сравните: двери этого чайного клуба открыты всегда);

– «Ветер перемен» (клуб чайной культуры, г. Ставрополь; смотрите слова из песни кинофильма для детей «Мери Поппинс, до свидания: «Завтра ветер переменится, / Завтра прошлому конец. / Он придет, он будет добрый, ласковый / Ветер перемен». Или сравните также метафору широкого контекста, смысл которой обнаруживается на фоне следующего контекста «Чай — это ветер, который учит тебя чувствовать парус, который с помощью паруса отслеживания своих состояний учит тебя чувствовать ветер. Вглядывайся в невидимое, вслушивайся в неслышное, ухватывай неуловимое <...> Чтобы научиться управлять ветром, сначала нужно понять, куда ветер дует в каждый конкретный момент. Ты состоишь из трех основных плоскостей. Это ощущение тела, дыхание воздухом и внимание времени. Все описывается этими тремя составляющими. Так создается ветер» [1: 6].

Интертекстуальность реализуется и во включении в вербальный компонент невербального, во включении артефакта, характеризующего разные культуры (чашку чая между буквами топонима, самовар между словами топонима). Многие чайные топонимы отражают культуру того или иного народа («Чайхана», «Китайский чай», «Восточный чай», «Вкус Востока», «Ветка сакуры», «Дедов-самовар» и др.).

В этой связи важно подчеркнуть, что соединение в топонимах названий шедевров литературного, изобразительного, музыкального искусства и товаров массового потребления (чай, кофе, посуда), казалось бы, вещей несоединимых, соответствует принципам эстетики постмодернизма («Мадам Завари» (произведение Г. Флобера «Госпожа Бовари»), «Ветка сакуры» (произведение В. Овчинникова «Сакура и дуб» и первая часть его книги «Ветка сакуры»), «ЧАЙширский Кот» (сравните имя постоянно улыбающегося персонажа книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (Чеширский Кот), который умел по собственному желанию исчезать и растворяться в воздухе, на прощанье оставляя лишь улыбку : «улыбается, как Чеширский Кот»; кот занимал Алису не только забавляющими ее разговорами, но и философскими измышлениями), чайный клуб

«Чайковский», «ЧайКофский», «Чай-кофский», «Sanattea», «Чайная симфония», «Кофейная кантата», «Музыка чая», «Чайный танец», «Чайное па» и др.). В названии «cofematika» используется ассоциативный ряд «информатика», «математика», «точность», «научность». Сквозь ткань этих топонимов-текстов (вторичных текстов) просматриваются протослова, в качестве которых выступают как отдельные произведения, фамилии известных людей, так и жанры музыкальных, инструментально-вокальных произведений, литературных направлений и т. д. Вторичный текст обладает некоторыми свойствами, подчеркивающими его неидентичность протослову. Автор топонима обыгрывает сходство с протословом для привлечения целевой аудитории, вызывая у нее определенные ассоциации. Столкновение сходства и различия часто вызывает комический эффект: «Вот, кстати, и торговую марку „ЧайКофский“ тоже запретить — за издевательством над великим композитором. А ведь тоже жалко, потому что действительно смешно, и вряд ли Петр Ильич обижается» [3: 135]. Подобные номинации: «Чайные бестселлеры. Бутик чая», «Этикетка» (чайный магазин), «kofetut» (кафе), «Чайные радости» (магазин чая и сладостей ср.: нечаянные радости, детские радости), «Любовь к чаю» (чайный магазин), «Антикриз» (чайная лавка), «Чай в Шоколаде» (чайная лавка) и др. Для создателя топонима главное заключается в том, что благодаря сходству с протословом он легко запоминается, а его юмористический характер привлекает к нему внимание аудитории. Результатом обыгрывания текстов или артефактов, созданных ранее и для других целей, всегда является комический эффект. Поэтому интертекстуальность топонима тесно связана с ироничностью. За основу берется прецедентный текст, переиначивается — и цель достигнута.

Исследование особенностей современного топонимообразования чайных магазинов и клубов позволяет выявить основные тенденции в его развитии, одной из которых является его ориентация на поэтику постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виногродский Б. Б.* Путь чая. М., 2006.

2. *Карабулатова И. С.* Топоним как фактор успешной продажи топообъекта // Язык, культура, общество. Тезисы докладов IV Междунар. научн. конф. М., 2007. С. 195–196.

3. *Минаева Л. В.* Рекламная коммуникация как явление постмодернизма // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М. И. Панов; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тумина. М., 2005. С. 713–717.

4. *Москвин В. П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М., 2006.

5. *Осипова Н. Г.* Постмодернизм и средства массовой информации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М. И. Панов; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тумина. М., 2005. С. 687–688.

6. *Шаров Б. В.* Чай и чаепитие (Секреты выбора и приготовления чая). Киев, 2006.

7. *Штайн К. Э., Петренко Д. И.* Филология: История. Методология. Современные проблемы. Учеб. пособие / Под ред. В. А. Шаповалова. Ставрополь, 2011.

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ

С 27 марта по 3 апреля 2012 года в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена проходил III Международный научно-практический семинар «Русский язык: современная языковая ситуация и речевая культура». В его работе приняли участие учителя русского языка стран ближнего зарубежья: Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии. Ставшая уже традиционной встреча русистов была поддержана фондом «Русский мир». Участниками семинара стали как опытные учителя, победители профессиональных конкурсов, так и начинающие педагоги. Несколько человек участвовали в семинаре второй раз, считая эту форму повышения квалификации чрезвычайно важной для своего профессионального роста.

Семинару предшествовал интернет-конкурс, в котором приняли участие более 100 человек, приславших презентации и эссе на темы, связанные с русским языком: «Русский язык в моей стране вчера и сегодня»; «Мироощущение школьника в условиях двуязычия»; «Круг чтения ученика и учителя». Следует отметить очень высокий уровень профессиональной компетенции учителей, приехавших на семинар (примечательно, что многие их ученики участвуют в различных конкурсах и фестивалях, в том числе международных.).

Программа семинара включала лекции, практикумы, тренинги, круглые столы. С лекциями выступили профессора В. Д. Черняк, В. А. Козырев, В. А. Ефремов, М. А. Черняк, доценты А. Ю. Пентина и А. И. Дунев. Предметом обсуждения

(Продолжение на с. 24)

Д. И. Иванов

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ФРАЗ

DMITRY I. IVANOV

VERBAL COMPONENT OF THE SYNTHETIC LANGUAGE PERSONALITY: THE SPECIFICS OF FUNCTIONING OF CONCEPTUAL PHRASES

В статье рассматриваются основные механизмы формирования и специфика функционирования системы стержневых концептуальных фраз в структуре вербального компонента синтетической языковой личности, сформированного в пространстве контркультурной лингвокультурной эпохи русского рока.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, вербальный компонент, афористическая концептуальная фраза, рок-культура.

The article covers the main mechanisms of forming and the specifics of functioning of the system of key conceptual phrases in the structure of the verbal component of the synthetic language personality. Such component is formed in the area of countercultural epoch of Russian rock.

Keywords: synthetic language personality, verbal component, aphoristic conceptual phrase, rock culture.

Дмитрий Игоревич Иванов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры практического русского языка Ивановского государственного университета
► Ivan610@yandex.ru

С наступлением контркультурной лингвокультурной эпохи русского рока (ЛКЭ) происходит кардинальная трансформация стержневых, системообразующих элементов вербального компонента синтетической языковой личности (СЯЛ). Концептуальная структура вербального компонента СЯЛ упрощается и доводится до плакатного схематизма. Ключевую роль в пространстве ритуализованного вербального компонента СЯЛ начинают выполнять разнообразные повторы: «Все повторы в песенной поэзии можно разделить на перемежающиеся текстовыми вставками (по схеме: повтор — текст — повтор — текст) и следующие друг за другом (повтор — повтор — повтор). Последний тип мы называем рефренным столбцом — это слово, строка или сочетание строк, которые повторяются как минимум двукратно <...> В песенной поэзии, где ритмизирующим началом выступает ещё и музыка, роль разного рода повторов повышается. Сакральная функциональность песенного акта <...> одной из своих сторон обращена именно к повторам: если „текст представляет собой *сплошной повтор* краткой словесной формулы или нескольких формул, то такой текст всегда ясно заявляет свои магические цели“ [7: 13]» [1: 576]. В. П. Гавриков справедливо замечает: «Обилие раз-

ного рода повторов в песенной поэзии говорит об устойчивой „памяти жанра“, если под жанром понимать синкретическое (неосинкретическое) действо, сочетающее слово, музыку и перфоманс. Повторяющиеся сакральные слова / фразы, положенные на однообразную ритмическую подложку, и поныне используются в ритуальных целях у ряда народностей» [Там же].

Укажем, что по характеру изменений, трансформаций повторяющихся элементов в пространстве вербального компонента СЯЛ исследователи русского рока выделяют три основных типа повтора: «*Первый тип повтора — простой повтор*: произносимая фраза не меняется, но движение смысла происходит вследствие перехода количественных характеристик в качественные <...> *Второй тип повторов — изменённые либо за счёт лексических преобразований, либо — качественных характеристик*. Вариантов подобной модификации может быть множество: от изменения морфемного состава одного из слов рефрена или перестановки слов внутри повторяемой фразы до невербальных способов трансформации смысла <...> *Третий тип повторов — градационные*. Они встречаются достаточно редко» [1 : 577–581].

В рамках данной работы мы не будем подробно рассматривать специфику каждого типа повтора, так как для этого необходимо отдельное исследование. Однако более подробно необходимо остановиться на качественных особенностях одного из ключевых, центральных, как правило, повторяющихся элементов вербального компонента СЯЛ, который получил предельную актуализацию в пространстве контркультурной ЛКЭ русского рока. Речь идёт о *стержневой повторяющейся афористической концептуальной фразе / комплексе концептуальных фраз*, который в пределах вербального компонента СЯЛ определённой рок-композиции выполняет функцию своеобразного «мнемотехнического приёма, „несущей балки“ текста» [5: 29], то есть является структурообразующим элементом не только вербального компонента СЯЛ, но и всего когнитивно-прагматического уровня СЯЛ, реализованного в рамках данной рок-композиции.

Отметим, ситуация многократного повторения афористической, концептуальной фразы реализуется, прежде всего, в пространстве «живого», концертного исполнении или студийной / «домашней» записи рок-композиции, поэтому «исследование повторов в песенной поэзии должно непременно опираться на фонограмму, так как количество повторов, их лексическая вариативность, а также качественные характеристики во всей полноте можно зафиксировать только при обращении к живому звуку» [1: 577].

Заметим, что в пространстве вербального компонента СЯЛ афористическая концептуальная фраза занимает чёткое, фиксированное положение и, чаще всего, реализуется в припевном блоке рок-композиции: «*Перемен требуют наши сердца*. / *Перемен требуют наши глаза*. / В нашем смехе и в наших слезах, / И в пульсации вен — / *Перемен!* / *Мы ждём перемен*» [8]; «*Моё поколение* молчит по углам. / *Моё поколение* не смеет петь. / *Моё поколение* чувствует боль. / Но снова ставит себя под плеть» [2]; «*Дальше действовать будем мы. / Дальше действовать будем мы. / Дальше действовать будем мы. / Дальше действовать будем мы*» [8].

Одновременно с этим достаточно часто рок-поэты используют ещё один вариант размещения *афористической концептуальной фразы*. Она может выходить (выводиться) за рамки припевного блока и пронизывать весь вербальный компонент СЯЛ. Причём встречаются случаи, когда полный или усечённый вариант афористической концептуальной фразы открывает и закрывает вербальный компонент СЯЛ. Это, в свою очередь, позволяет создать эффект условной герметичности текста и повышает его суггестивность: «*Иди ко мне!* / Если случится ночь, мы не станем пить чай... / *Иди ко мне!* / Я объясню тебе смысл слова “прощай”... / *Иди ко мне!* / Если выпадет снег, ты ляжешь чуть рань меня... / *Иди ко мне!* / Слышишь? Это говорю тебя я... / *Ко мне!!!*» [3]; «Эй, ты, там, на том берегу! / Расскажи, чем ты дышишь и чем живёшь! / Эй, ты, там, на том берегу! / Расскажи, что слышишь и о чём поёшь! / Эй, ты, там, на том берегу!» [4].

Подчеркнём, что такие варианты размещения афористической концептуальной фразы

позволяют значительно усилить гипнотические свойства вербального компонента СЯЛ, так как многократно повторяющееся слово или сочетание слов превращается в своеобразное заклинание, в сакрализованное сочетание концептуальных кодов, вписанных в сознание СЯЛ.

Ярким примером мифологизации вербального компонента СЯЛ, в рамках контркультурной ЛКЭ русского рока, является композиция К. Кинчева «Ко мне». С уверенностью можно говорить о том, что этот рок-текст построен по принципам вторичной ритуализации. В основе данного принципа лежит процесс воспроизведения модели вербально-трансовой воронки [6], используемой шаманами при создании и исполнении архаических, ритуальных текстов и заклинаний. Важно, что данный способ создания вербального компонента рок-текста является типичным для всей контркультурной ЛКЭ русского рока, к нему обращаются В. Цой, Ю. Шевчук, А. Башлачев, В. Шахрин, В. Бутусов, Д. Ревякин, Е. Летов.

Схематично сакрально-ритуальный компонент структуры вербального компонента рок-композиции «Ко мне» можно изобразить так:

Первое кольцо трансовой воронки: **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / ***Ко мне!*** / музыка без текста / ***Ко мне!*** / музыка без текста / / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / *Итак, я открываю счет: "Раз, два, три..."* / ***Ко мне!*** / музыка без текста / ***Ко мне!*** / музыка без текста /

Второе кольцо трансовой воронки: **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / текст / **Иди ко мне!** / *Я слышу голос, я знаю — это зовёшь меня ты...* / ***Ко мне!*** / музыка без текста / ***Ко мне!*** / музыка без текста /

Третье кольцо трансовой воронки: Это *говорю тебе я...* / ***Ко мне!*** / *Это зовёшь меня ты...* / ***Ко мне!*** / *Это говорю тебе я...* / ***Ко мне!*** / *Это зовёшь меня ты...* / ***Ко мне!*** / *Это говорю тебе я...* / ***Ко мне!..***

Прежде всего, необходимо сказать о том, что основным инструментом создания трансовой воронки в пространстве вербального компонента является гипнотическая концептуальная фраза «*иди ко мне*» («*ко мне*»), которая повторяется в тексте 22 раза.

Одновременно с этим становится понятно, что в пространстве вербального компонента реализуется трёхуровневая (полная) модель трансовой воронки.

Отметим, что достаточно часто рок-поэты при создании вербальных компонентов используют не полную, а усечённую модель трансовой воронки. Как правило, в данном случае условно нейтрализуется первый подготовительный уровень или он частично совмещается со вторым уровнем трансовой воронки. Однако условная нейтрализация и принцип пластичного совмещения подготовительного уровня реализуется лишь на уровне формы, но на уровне содержания продолжает существовать и функционировать в тексте в скрытой форме. С помощью усечённой модели трансовой воронки созданы вербальные компоненты рок-композиций «Шабаш», «Моё поколение», «Чую гибель» («Алиса»); «Война», «Попробуй спеть вместе со мной», «Звезда» («Кино») и многие другие.

Первый уровень можно условно назвать этапом подготовки, своеобразной психологической «настойки» сознания СЯЛ. Кроме того, на этом уровне происходит активизация процессов концентрации и внутренней регуляции потоков духовной энергии участников ритуала (авторов-исполнителей (шаманическое сознание) и воспринимающего сознания слушателя-зрителя), закономерным результатом которого должна стать ситуация слияния энергетических полей коллективного сознания СЯЛ.

Между первым и вторым кольцом трансовой воронки используется переходный, связующий вербальный концептуальный компонент: «*Итак, я открываю счет: „Раз, два, три...“*». Именно с помощью этого компонента запускается трансово-гипнотическая программа слияния отдельных компонентов СЯЛ в единое, неделимое синкретическое сознание.

Соответственно на втором уровне трансовой воронки реализуется ситуация частичного синтеза отдельных компонентов сознания. «Я» и «Ты» — это зеркальные отражения единой коллективной личности. Однако процесс слияния на этом этапе остаются незавершённым, так как

«Я» лишь обладает определённым сакральным знанием и способно только слышать в себе голос другого, но лишено собственного голоса: «*Я слышу голос, я знаю — это зовёшь меня ты...*»

На третьем кульминационном уровне трансовой воронки фрагменты сознания СЯЛ полностью сливаются. Становится непонятно, кто на самом деле произносит гипнотическую повторяющуюся концептуальную фразу «иди ко мне» («ко мне»): авторы-исполнители (шаманическое сознание), воспринимающее сознание слушателя-зрителя, высшее божество, к которому взывает поэт-шаман? Исходя из качественных особенностей поэтики текстов К. Кинчева, созданных в пространстве контркультурной ЛКЭ русского рока, можно предположить, что «высшее божество», к которому обращается поэт-шаман, — это Солнце. Здесь достаточно вспомнить такие композиции, как «Солнце встаёт», «Солнце за нас», «Жар бог шуга» и некоторые другие.

Однако к перечисленным выше фрагментам коллективного сознания СЯЛ необходимо добавить ещё один компонент — обобщённое деструктивное сознание, породившее «машину подавления» свободы личности. Причём в данном случае перед нами возникает некий собирательный образ, который синтезирует в себе определённые грани личностей политических деятелей (И. Сталина, А. Гитлера, Б. Муссолини, Мао Дзе Дуна и некоторых других), ставших символами античеловеческих тоталитарных режимов. Подчеркнём, что активизация данного компонента сознания, вписанного в структуру СЯЛ рок-поэта, предопределена деструктивным характером контркультурной ЛКЭ русского рока, в пространстве которого создан данный вербальный компонент. Здесь же следует сказать о том, что в пространстве данной композиции присутствие деструктивного компонента в структуре СЯЛ выражается, прежде всего, на артикуляционном уровне. Речь идёт о качественных особенностях пропевания усечённых вариантов концептуальных фраз («*ко мне*»), замыкающих каждое кольцо трансовой воронки. Они пропеваются, выкрикиваются «искажённым», нечеловеческим голосом «кукловода», повелителя судеб, воля которого отождествлена с волей Бога. Это приказ, которому обязаны подчиняться все без исключения.

Особый интерес в данном контексте представляют вербальные компоненты СЯЛ, в пространстве которых используется не одна афористическая концептуальная фраза, реализованная в полной (инвариантной) или усечённой (модифицированной) форме, а несколько взаимосвязанных концептуальных формул. В этом случае можно говорить о реализации системы концептуальных фраз (СКФ), которые можно рассматривать как своеобразные языковые доминанты сознания СЯЛ.

Отметим, что традиционно СКФ состоит из двух основных уровней: 1) *общего, центрального концептуального уровня*, включающего в себя ключевую повторяющуюся концептуальную фразу (КПКФ) и её варианты. Обычно КПКФ входит в припевный (кульминационный) песенный блок вербального компонента СЯЛ или совпадает с названием рок-композиции или рок-альбома, в который она включена; 2) *частного, периферийного концептуального уровня*, состоящего из частных повторяющихся концептуальных фраз (ЧПКФ), содержащих в себе отдельные фрагменты общего значения ключевой концептуальной фразы. Соответственно основная функция элементов данного уровня СКФ заключается в конкретизации, дешифровке семантики ключевой концептуальной фразы.

Рассмотрим специфику реализации данной системы на примере фрагмента вербального компонента СЯЛ К. Кинчева «*Время менять имена*» [4] (рис. 1).

Итак, становится понятно, что в представленном фрагменте вербального компонента СЯЛ уровень ЧПКФ состоит из двух противостоящих блоков, каждый из которых содержит в себе две разнонаправленные повторяющиеся концептуальные фразы. ЧПКФ 1 и 2 — это своеобразные концептуальные коды, отражающие специфику советской тоталитарной государственной машины, подавляющей личность рок-поэта, стремящуюся к свободе, самовыражению. ЧПКФ 3 и 4 могут быть рассмотрены как концептуальные коды, генетически вписанные в структуру сознания СЯЛ К. Кинчева. С помощью данных концеп-

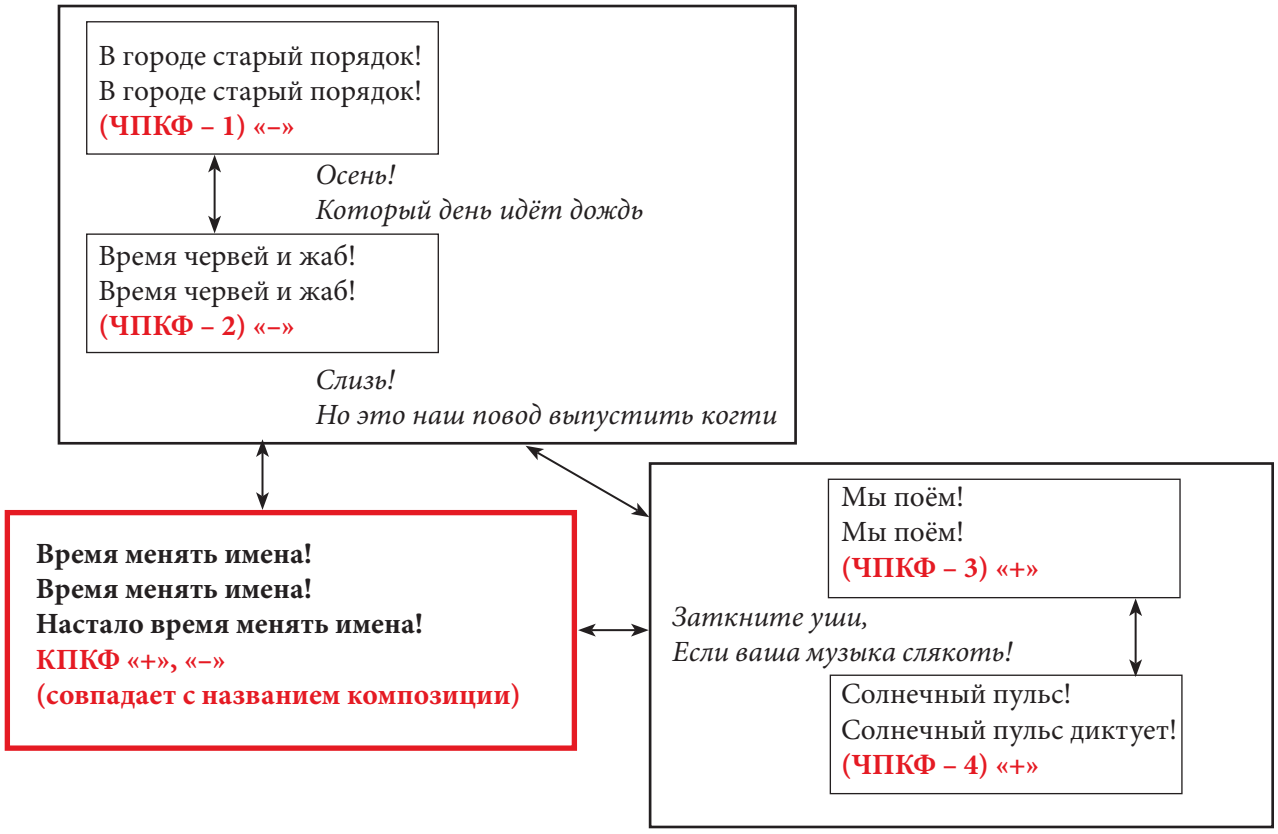


Рис. 1. Фрагмент вербального компонента СЯЛ К. Кинчева «*Время менять имена*»

туальных единиц рок-поэт обозначает своё место в изменяющемся социокультурном пространстве и определяет специфику концептуально-прагматического уровня СЯЛ, реализованного в рамках данной рок-композиции.

В результате активизации своеобразной оппозиционной пары концептуальных блоков (ЧПКФ 1 и 2 — ЧПКФ 3 и 4), отражающих общий деструктивный пафос и специфику сознания СЯЛ в пространстве контркультурной ЛКЭ русского рока, в рамках рассматриваемой композиции формируется уровень КПКФ. Важно, что в основе этого процесса лежит принцип частичного синтеза, совмещения положительной (ЧПКФ 3 и 4) и отрицательной (ЧПКФ 1 и 2) частей оппозиции. Подчеркнём, что данный процесс в рамках контркультурной ЛКЭ русского рока можно считать типичным. Причём он характерен не только для творчества К. Кинчева, но и для когнитивно-прагматических моделей СЯЛ В. Цоя, Ю. Шевчука, В. Бутусова, Д. Ревякина, Б. Гребенщикова, А. Башлачёва. Это связано с особой противоречивостью, неоднозначностью внутренней структуры сознания СЯЛ, порождённой контркультурной ЛКЭ русского рока.

Отдельно следует сказать о том, что ситуация синтеза оппозиционных концептуальных блоков на разных этапах контркультурной ЛКЭ русского рока приводит к различным результатам. Например, на первых этапах развития контркультурной ЛКЭ данный процесс не приводил к нейтрализации, разрушению оппозиции, а в конце 1980-х годов XX века (на этапе разрушения контркультуры и смены культурного статуса русского рока) подобный синтез приобретает оттенок тотальности, что закономерно приводит в дестабилизации и разрушению оппозиционных концептуальных пар.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что специфика функционирования системы концептуальных фраз находится в прямой зависимости от того, по какой модели СЯЛ создан тот или иной вербальный компонент. В рамках логоцентрической модели СЯЛ СКФ представляет собой единую, целостную иерархическую, последовательно реализующуюся дискурсивную систему, элементы которой генетически связаны друг с другом. Можно говорить о том, что в рамках логоцентрической модели СКФ — это прямое зеркальное отражение когнитивно-прагматического уровня СЯЛ. Однако в рок-композициях, построенных по принципам ризомной модели СЯЛ, СКФ теряет системные свойства и распадается на отдельные условно самостоятельные, нестабильные, перманентно трансформирующиеся фрагменты (осколки), которые находятся в состоянии хаотического притяжения / отталкивания / перемешивания. Отметим, что каждый осколочный элемент, вовлечён в пространство пластичного, ландшафтного, принципиально открытого, саморазрушающегося ризоматического дискурса. Важно, что свойства СКФ фиксируют и отражают специфику трансформации когнитивно-прагматического уровня СЯЛ.

Подводя предварительные итоги, необходимо сказать о том, что система стержневых повторяющихся концептуальных фраз / концептуальных формул в пространстве вербального компонента СЯЛ представляет собой максимально обобщённый концептуальный шифр, вписываемый в сознание слушателя-зрителя как части СЯЛ. Кроме того, это сжатый, «свёрнутый» вариант всего когнитивно-прагматического уровня СЯЛ, реализованного в рамках отдельной рок-композиции. Укажем, что распознавание этого шифра происходит не через процесс декодирования, а через ситуацию автоматического подсознательного приятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гавриков В. А.* Русская песенная поэзия XX века как текст. Брянск, 2011.

2. *Кинчев К.* Мое поколение // «Алиса» («Энергия»). 1985.

3. *Кинчев К.* Эй, ты, там, на том берегу // «Алиса» («Блок Ада»). 1987.

4. *Кинчев К.* Время менять имена // Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.

5. *Кормильцев И., Сурова О.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998.

6. *Рожнов В., Рожнова М.* Гипноз от древности до наших дней. М., 1987.

7. *Свиридов С. В.* Песни Псоя Короленко // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 8. Тверь, 2005.

8. *Цой В. Р.* Перемен // Цой В. Р. Звезда по имени солнце: стихи, песни, воспоминания. М., 2004.

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ *(Продолжение. Начало на с. 18)*

стали актуальные проблемы русского языка и русской речи, меняющийся речевой портрет современника, динамика языковой нормы, достижения современной лексикографии, проблемы культурной грамотности, особенности литературного процесса XXI века, литература для подростков и о подростках. На семинарах обсуждались динамические процессы в русской речи, лексический портрет современной языковой личности, ее лексикон и тезаурус, проблемы жаргонизации, культурные и гендерные стереотипы в современной речи, лексикографическая компетенция учителя. Особое место в предложенной программе заняли волнующие слушателей вопросы методики преподавания русского языка, в том числе в условиях двуязычия.

Учителя обсудили качество современных учебников, пособий и словарей, издаваемых в разных странах, актуальные проблемы создания учебной литературы для школьников. Многие учителя привезли прекрасные презентации, наглядно продемонстрировавшие тот огромный объем работы, который они осуществляют в непростых социокультурных условиях. Для организаторов семинара было особенно приятно то, что стимулом для многих интересных осуществленных педагогических проектов явились рассмотренные на предшествующих семинарах проблемы и предложенный слушателям практический материал (круг чтения современного школьника, словарь культурной грамотности как стимул познавательной активности школьников, формирование лексикографической компетенции школьника, взаимообогащение близкородственных языков).

К началу работы семинара специально для его участников была издана книга «Правильность и эффективность русской речи». В нее вошли словарные материалы для преподавателей русского языка, представляющие трудные случаи употребления языковых единиц, а также лингвистическую и окололингвистическую терминологию, которая в последнее десятилетие активно входит в практику школьного преподавания русского языка. Участники семинара отметили ценность такого издания для учителя-практика. Отметим,

(Продолжение на с. 28)

Е. Н. Стрельчук

ВОПРОСЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ELENA N. STRELCHUK
QUESTIONS SPEECH CULTURE ABROAD: THE PAST AND THE PRESENT

Краткий экскурс в историю, анализ современной литературы и беседы с преподавателями азиатских и европейских стран позволяют сделать определенные выводы относительно термина «речевая культура» и актуальных проблем, связанных с ним, в разных государствах.

Ключевые слова: речевая культура, термины и понятия, разные страны.

The article represents the conclusions concerning the term «speech culture» and the topical problems connected with the term in various states, proposing a short excursus in the history and giving the analysis of contemporary literature and talks with teachers of Asian and European countries.

Keywords: speech culture, terms and concepts, different countries.

Речевая культура и проблемы, связанные с ней, уже давно находятся в центре внимания российской общественности. Свидетельство тому — публикации отечественных лингвистов, их участие в конференциях, выступления в передачах по телевидению и радио. Однако не только ученые, но и простые граждане нашей страны дискутируют по поводу снижения уровня речевой культуры россиян. А что же происходит в других странах? Актуальны ли проблемы речевой культуры там? Для ответа на поставленные вопросы была проанализирована методическая и лингвистическая литература, состоялись беседы с преподавателями, живущими и работающими за рубежом, в частности в странах дальнего зарубежья. Проведенная работа позволила сделать определенные выводы.

Краткий экскурс в историю. Интерес к культуре родной речи существует во многих странах с древних времен. Широко известны имена выдающихся ораторов, теоретически и практически решавших вопросы речевого мастерства. Цицерон говорил: «Уметь правильно говорить — еще не заслуга, а не уметь — уже позор, потому что правильная речь, по-моему, не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого римлянина» [9: 49].

В цивилизованном обществе ценилось искусство владения доходчивой и правильной речью. В древнем Китае, например, это искусство основывалась на классической форме Вэнь Янь Вэнь, которая предполагала глубокое содержание высказывания и отражение в нем конкрет-

Елена Николаевна Стрельчук

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Ивановского государственного химико-технологического университета
► Strelchukl@mail.ru

ных чувств человека. Во многих развитых азиатских и европейских государствах речевая культура являла собой своего рода национальную традицию, которую нужно оберегать, сохранять и культивировать ее основные качества: нормативность, ясность, точность, чистоту, простоту, логичность (у французов добавлены элегантность и гармония).

Сам термин «речевая культура» также имеет древние корни. И в настоящее время он по-прежнему актуален. В Венгрии, например, звучит так: «beszédkultúra». Однако следует отметить: во многих государствах термин «речевая культура» имеет эквиваленты. В частности, французская лингвистическая теория оперирует термином «критика языка» (critique du langage). В германистике наряду с понятием «Sprachkultur» («культура речи») существует и «Sprachpflege» («забота о чистоте языка»). В Польше используются «языковая культура» и «культура языка», в Англии — «народная языковая культура» (popular culture of language). В Чехии, Словакии и Вьетнаме есть «культура языка» и «культура речи». В Болгарии в последнее время в обращении «речевой этикет» и «правильный болгарский язык», хотя раньше, еще несколько десятилетий назад, активно употреблялось понятие «культура языка».

Не менее интересен и другой факт. Границы перечисленных нами терминов расплывчаты. Например, китайские ученые дают следующие определения: «Речевая культура — это совокупность результатов языковых изобретений и развитий», «это наука, с помощью которой лингвист изучает отношение между языком и культурой»[1].

Более основательный подход к исследуемому нами понятию предложен европейскими лингвистическими школами. Представители Пражской школы, которая активно занималась вопросами речевой культуры в конце XX столетия, выделили четыре круга явлений, включаемых в разном объеме в понятие «языковая культура». Это явления, относящиеся к языку (языковая культура в собственном смысле этого слова), и явления, относящиеся к речи, высказыванию (культура речи). «В обеих областях (в области языка и речи) одинаково выделяются два направления: культура как состояние (уровень языка и речи) и культура как деятельность, т. е. культивирование (совершенствование) языка и речи» [4: 262]. Несколько иное мнение высказывал другой чешский ученый К. Гаузенблас. К области культуры речи он относил также и «культуру языкового общения, коммуникации» [3: 297].

В Польше вопрос о разных значениях понятия «культура языка» рассматривался лингвистом Халиной Курковской. Она выделила три его значения:

1) деятельность, направленная на усовершенствование языка и развития умения пользоваться им правильно и точно;

2) степень умения правильного и точного употребления языка;

3) раздел языкознания [12: 9].

Позже Анджей Марковский добавил к этим значениям еще одно: «Доброжелательное отношение к языку тех его пользователей, которые обладают высоким уровнем лингвистических знаний, а также устоявшимся языковым сознанием» [13: 165]. И сформулировал свое определение: «Культура языка — сознательное и целенаправленное употребление языка во всех коммуникативных ситуациях» [14: 16].

Предложенное А. Марковским определение «культуры языка» в какой-то степени созвучно словам немецкого ученого Н. Нимайера, который писал: «Культура речи представляет собой часть общей культуры народа и ее выражение; в соответствии с ее критериями оценивается уровень языковой деятельности, а также восприятие и оценка языка отдельными его носителями или языковым обществом» [7: 83].

При столь неоднозначном подходе к понятию «речевая культура» следует отметить пристальное внимание, проявляемое к нему не только учеными, но и общественностью в разных точках земного шара. Во Франции *Жан Веронис выпустил книгу «Слова Николя Саркози» (2008). В ней он анализирует речь своего президента:* «Ошибки президента — это не его сознательный выбор. Они выдают истинный уровень речевой культуры главы государства. Пренебрегая нормами литературного языка, Саркози не стано-

вится „ближе к народу“, симпатичнее и роднее»[2]. В другой европейской стране, Англии, отмечается в какой-то степени настоящий бум, «целая народная языковая культура, в создании которой в той или иной степени участвуют все носители данного языка, и объединяет их то, что они не просто говорят на этом языке, но и еще говорят о самом языке, причем говорят много и страстно» [11: 9]. Выпускается большое количество книг о культуре языка, среди которых, например, издание Л. Трасс о пунктуации «Eats, Shoots and Leaves» (тираж несколько миллионов экземпляров). Как отмечают английские ученые, «2/3 всех игровых шоу на британском телевидении посвящены языку» [5: 4].

Не меньший интерес к вопросам речевой культуры проявляют жители страны восходящего солнца. Ведущие газеты Японии посвящают передовые статьи вопросам орфографии, в рекламах встречаются рассуждения о правильности речи, во время обычной беседы японцы могут рассуждать о языковых проблемах. Более того, в стране действуют строгие речевые регламентирующие правила, соблюдать которые необходимо каждому гражданину при выражении своих собственных мыслей. Это связано с мужским и женским вариантами языка, отличающимися друг от друга «и в интонации, и в лексике, и в синтаксисе, и даже в употреблении некоторых грамматических форм», не говоря уже о формах вежливости и особенностях ведения разговора, которые находят отражение в правилах речевого этикета [1: 136].

Вопросы речевого этикета оказываются в центре внимания во многих странах мира. «Языковая культура сочетает в себе статистические и динамические проблемы: язык культуры не ограничивается речевым репертуаром личности, а включает в себя и речевое поведение» [10: 3]. Что и как сказать в той или иной ситуации? Какие речевые клише использовать, чтобы не обидеть собеседника и проявить к нему максимум внимания? В каждой культуре свои этикетные правила. Например, в корейском языке до сих пор используются три формы обращения: низшая (в разговоре с детьми), средняя (с друзьями и равными по возрасту) и высшая (со старшими людьми). В своей работе Асгариан Аббасголи, представитель Ирана, отмечает, что проблемы, связанные с иранским речевым этикетом, «который является частью речевой культуры иранцев» и «имеет древние корни», актуальны, как и много тысяч лет назад [2: 134].

Такое внимание к вопросам речевой культуры в разных странах мира определяется разными причинами, среди которых нарушения правил речевого этикета (мы о них уже упомянули), чрезмерное употребление в речи заимствованных слов, активное проникновение сленга в различные сферы деятельности, размытые границы разговорной речи и т. д. Что является нормой, а что антинормой? Во Франции, например, люди уже давно озадачены вопросами: «Делать ли liaison? Произносить ли конечную согласную?» В современной Англии острым является вопрос о языковых вариантах, языковом пуризме. Он определяется как «стремление некоторой части языкового общества контролировать состояние родного языка в соответствии с существующим у нее в сознании „языковым идеалом“» [5: 211].

Особенно актуальным становится вопрос, связанный с речевой культурой молодежи, которая является «двигателем» живых процессов в речи, инициатором появления различного рода нелитературных слов. М. И. Стойкова, анализируя влияние молодого поколения на современное развитие болгарского языка, отмечает: «Утверждается ненормативный стиль речи, так называемое современное просторечие, в котором детабулизируются крайние проявления вульгаризации речи, ее криминализация...» [8: 206]. Куать Тхи Бинь Тхо из Вьетнама пишет: «В сознании молодых людей идет стирание границ с разговорным и даже литературным языком» [6: 58].

Похожие ситуации наблюдаются во многих странах мира. И откликом на них следует назвать языковую политику, проводимую тем или иным государством. Издаются учебные пособия, методические рекомендации, научно-популярные книги. В частности, в Германии в конце XX века выпущен справочник «Förderung der Sprachkultur in Deutschland», «который информирует об учреж-

дениях (институтах), занимающихся языковой культурой немецкого общества». В этой же стране выпущено множество методических руководств. В одном из них, «Wege der Sprachkultur» (1988), говорится, что языковая культура в школе основывается на нормативном аспекте, точнее, нормах грамматики. В учебном пособии Б. Кръстева «Учебен наръчник за българска култура реч» (1999) рассматривается языковая культура болгарского общества на рубеже XX и XXI веков, дается краткий ее анализ. Вопросам языковой нормы (от лексики до пунктуации и орфографии) посвящена книга «Przez lata ze Słowem Polskim» польского ученого Jan Miodek. Сегодня во многих европейских и азиатских странах курс «Культура речи» (может звучать и несколько иначе, например, «Языковая культура») читается в высших учебных заведениях. Как отмечает корейский филолог Нам Ёнсин, для правильного употребления даже одного слова необходимо знание культуры речи.

Таким образом, мы можем констатировать: вопросы речевой культуры за рубежом актуальны так же, как и в России. Они имеют давние корни. Заметный спад уровня речевой культуры волнует прогрессивное общество во многих странах мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] http://hanyu.iciba.com/wiki/451312.shtml, http://hanyu.iciba.com/wiki

[2] http://www.alliance-russie-france.eu

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов В. М.* Япония: язык и культура. М., 2008.
2. *Аббасголи Асгариан.* Язык телевидения Ирана: анализ лексики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
3. *Гаузенблас К.* Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР: Сб. М., 1987.
4. *Едличка А.* Теория языковой культуры сегодня // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР: Сб. М., 1987.
5. *Жукова Л. С.* Языковой пуризм в современной Англии»: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.
6. *Куать Тхи Бинь Тхо.* Сленг в современной лингвокультуре вьетнамской молодежи (на примере средств массовой информации) // Вестн. РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 3. С. 55–59.
7. *Нимайер Н.* Культура речи: понятие и критерии // Русский язык за рубежом. 1991. № 3. С. 83–85.
8. *Стойкова М. И.* Сравнительная составляющая молодежного дискурса // Русистика: язык, культура, перевод: Сб. докладов юбилейной междунар. научн. конф. София. 2012. С. 205–210.
9. *Цицерон Марк Туллий.* Из трактатов об ораторском искусстве // Об ораторском искусстве. М., 1973. С. 40–64.
10. *Виденов М.* Езковата култура на българина. София, 1995.
11. *Cameron D.* Verbal hygiene. London; New York, 1995.
12. *Kurkowska H., Buttler D., Satkiewicz H.* Kultura języka polskiego. Warszawa, 1971.
13. *Markowski A.* Kultura języka // Nowy słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa, 2002.
14. *Markowski A.* Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne. Warszawa, 2005.

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ *(Продолжение. Начало на с. 18, 24)*

что это уже третья книга для зарубежных русистов, специально подготовленная с учетом актуальных запросов участников семинаров*.

Плодотворной, по мнению организаторов и участников семинара, стала работа круглого стола «Объединяя образовательное пространство», в рамках которого учителя представили собственное видение проблем функционирования русского языка в диаспоре, а также его изучения в странах ближнего зарубежья. Участники проведенного семинара приобрели полезный опыт интеграции в процессе обсуждения методических проблем, связанных с преподаванием русского языка в современных условиях

Культурная программа, предложенная участникам семинара, способствовала погружению в современную языковую ситуацию. Для многих встреча с Петербургом была давней мечтой, а погружение в культурную атмосферу города, по их признанию, дало мощный импульс для творческой работы со школьниками.

Учителя познакомились с историческим архитектурным комплексом Герценовского университета, уникальным собранием редких книг Фундаментальной библиотеки (отметим, что все занятия и круглые столы проводились в уютном и прекрасно оборудованном необходимой техникой зале библиотеки; во время перерывов учителя имели возможность познакомиться со всеми журнальными новинками), посетили Горный музей Санкт-Петербургского государственного горного университета, встретились с руководством этого вуза и коллегами-русистами.

Все участники семинара получили сертификаты (на русском и английском языках) о повышении квалификации на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

(Продолжение на с. 33)

Л. Н. Колесникова

РИТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

LYUDMILA N. KOLESNIKOVA
RHETORIC PERSONALITY

В статье обосновывается актуальность темы, рассматриваются особенности риторики, эволюция понятия «языковая личность» и предлагается иерархическая модель языковой личности; исследуются и вводятся термины: «риторическая личность» и «модель риторической личности».

Ключевые слова: риторика, риторическое образование, риторическая культура, риторическая личность, модель риторической личности.

The article covers the relevance of the topic, the features of rhetoric, the evolution of the concept of «linguistic identity». A hierarchical model of linguistic identity is proposed, investigation «rhetoric personality» and «rhetoric model of personality» are introduced and analyzed.

Keywords: rhetoric, rhetoric education, rhetoric culture, rhetoric person.

Тема данной статьи актуальна, ибо древнейшая наука риторика содержит ряд категорий, обращение к которым было и должно остаться нормой. Риторика, оценивая то, как есть, учит тому, как должно. Со времен античности риторика всегда рассматривалась в неразрывном единстве слова и дела. В основе риторики — *устная речь и человек говорящий, диалогический, общающийся*. Риторика — динамично развивающаяся отрасль современного социально-гуманитарного знания и, одновременно, лингвистическая наука, для которой характерно создание новых научных парадигм. Одной из них является *учение о риторической личности.*

Предлагаемая нами **концепция *риторической личности*** диктуется современным взглядом на проблему языковой личности, требует «нового концептуального мышления, которое предполагает умение посмотреть на идею „сверху“, проследить, как она соприкасается с другими областями знаний, а детальный взгляд на проблему помогает отыскать решение» [2: 239]. **Концепт *риторическая личность*** только еще начинает разрабатываться в науке. Так, например, Г. М. Сагач в 1995 году на основании понятия языковой личности дает понятие *личности риторической*, обладающей коммуникативной компетентностью, то есть готовностью получать необходимую информацию, убеждать в правоте своих мыслей, влиять на принятие решений, отстаивать свои позиции на основе толерантного отношения к ценностям и интересам других людей [10: 8]. По мнению М. С. Хлебниковой, *риторическая личность* — это личность, не только демонстрирующая высокий культурно-коммуникативный уровень социализации, а личность *воздействующая* [11:

Людмила Николаевна Колесникова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Орловского государственного университета
► kolesnikova7@mail.ru

437]. Однако исследователь не объясняет, *каким образом* происходит *воздействие* личности, справедливо указывая лишь на то, что языковая личность — предмет, изученный современным языкознанием хотя и неоднозначно, но многомерно, категорию же «риторическая» личность еще только предстоит изучать.

Мы думаем, что *«языковая личность»* является *основой,* организующей иерархические отношения между другими личностными типами: *«речевой личности»* (Ю. Е. Прохоров и др.), *«коммуникативной личности»* (В. П. Конецкая и др.) (См.: [6; 7]). Заметим, что любая речевая и коммуникативная деятельность возможна только на основе языковой способности, языкового сознания, знания языка и владения языком вербального и невербального общения. Поэтому *родовым* термином, характеризующим *разновидности:* вторичную языковую личность, речевую и коммуникативную личность, считаем термин «языковая личность». Сегодня целесообразно рассматривать *языковую личность в аспекте риторики*, выйдя на новый, более высокий уровень — *риторический*. В связи с этим **нами создана иерархическая модель языковой личности,** в которой *языковая личность* является ***родовой***, образующей свои ***разновидности***: речевую, коммуникативную и ***риторическую личность*** как высший уровень реализации языковой личности.

Схематически *иерархическую модель языковой личности* можно представить в виде пирамиды:

Схема иерархической модели языковой личности, где:

1-й (основной, базовый) уровень — это языковая личность;

2-й уровень — речевая личность;

3-й уровень — коммуникативная личность;

4-й уровень — ***риторическая личность***.

Вследствие этого **мы вводим в научный оборот понятие и термин *риторическая личность*** и предлагаем рассмотреть теоретико-гносеологическую ***модель риторической личности***.

Возникает вопрос: Чем эта модель отличается от модели Ю. Н. Караулова? В теоретико-гносеологической модели языковой личности Ю. Н. Караулова выделены три уровня: 1) вербально-семантический, 2) лингвоконгнитивный и 3) мотивационный [4]. Данная трехуровневая модель позволяет рассматривать качественные признаки языковой личности в рамках трех существенных характеристик — вербально-семантической, или собственно языковой, когнитивной (познавательной) и прагматической. Исходя из требований настоящего *риторического* времени, можно выделить следующий, *высший уровень* модели языковой личности Ю. Н. Караулова — *прагмариторический.* Однако этот уровень модели оказался достаточно *самостоятельным*, поэтому на его основе мы разработали новую модель — **модель риторической личности**.

В структуре модели риторической личности* выделяем три уровня**: 1) ***качественно-оценочный (характеризуются и оцениваются *качества личности и речи оратора*, ибо «каков человек, такова и его речь; речь — это человек в целом» (Цицерон), «Мы слушаем не речь, а человека, который говорит» (Квинтилиан);

2) ***культурно-риторический*** (оценивается владение риторической культурой, включающей в себя риторическую грамотность и образованность, риторику монолога и диалога);

3***) образно-имиджевый уровень*** (анализируется *образ и/или имидж* ритора).

Рассмотрим кратко (в объеме данной статьи) три уровня нашей модели риторической личности.

1. *Качественно-оценочный уровень* модели риторической личности требует от оратора таких необходимых качеств для успешного воздействия и взаимодействия с аудиторией, как: обаяние, артистизм, уверенность, дружелюбие, искренность, объективность, заинтересованность, увлеченность [8]; доброжелательность, честность, скромность и предусмотрительность

[3; 9]. Соглашаясь с нашими предшественниками, выделим такие важные качества современной риторической личности, как *обаяние* [5], *харизма, интеллигентность, нравственность и аристократизм* (с акцентом на первом корне от слова «аристэ» — лучший). *Аристократизм* в контексте риторической теории означает не форму политического правления, а манеру поведения, образ мышления и речи *(если не Я, то кто же?)*; и обязательно *эмоциональность* как воздействующее качество речи [6].

Риторическая личность всегда оказывает воздействие на аудиторию всем своим существом: а) **своей речью**, ибо «речь — это в другого втечь» (русская пословица), содержанием и исполнением речи; б) **качествами личности**, интеллектом, характером, отношением к аудитории, т. е. ***словом, делом и нравом*** (слово *«нрав»* понимается как: *характер, душевные качества, внутреннее свойство человека, манеры общения, стиль поведения, образ жизни* и т. д.); в) **своим внешним обликом, *образом***. Так, например, студенты Орловского государственного университета (далее — ОГУ) признаются преподавателю (цитируем): «К Вам на занятия мы ходим *с охотой, с удовольствием,* потому что Вы *добрая, красивая и обаятельная*», «На Ваших занятиях у нас *нет стресса*, мы *комфортно* себя чувствуем», «Ваша *улыбка* располагает к общению», «Вы *умны и обаятельны*», «Вы дарите нам свое *тепло и радость общения*», «В *первую* очередь, преподаватель должен быть *хорошим человеком, Вы — хороший человек*». Таким образом, подтверждаются классические мысли о том, что «прежде, чем стать хорошим оратором (преподавателем. — *Л. К.*), надо сначала стать хорошим человеком» (Квинтилиан).

2. *Культурно-риторический уровень модели* предполагает владение оратором *риторической культурой*, которая включает в себя риторическую грамотность и образованность — риторические знания, умения и навыки, опыт публичных выступлений и умений вести диалог с аудиторией, умений создавать благоприятную творческую атмосферу общения, основанную на уважении и любви к аудитории и предмету речи (не случайно в «Библии» сказано, что «говорить можно только о том, что *любишь и знаешь*»). Важен диалог, основанный на любви, «диалог, как душевно-духовное единение людей» (М. М. Бахтин, Л. С. Выготский), когда «душа с душою говорит». Цель всякой речи — добиться согласия, единого мнения со слушателями. Риторические эмоции — это центр речи. Они рождаются от содержания речи, живости ума, риторических знаний и умений. Показателями *личностного отношения* оратора к предмету речи выступают модусные операторы: *«Я люблю, и значит, я живу...»/ «Я не люблю, когда мне лезут в душу...»* (В. Высоцкий); *«Мне нравится»/»не нравится»*; эмотивные знаки: *«О времена! О нравы!»* (Цицерон): *«Да, были люди...», «Ах, как радостно...»* и т. п.

Современный оратор должен уметь «расположить к себе аудиторию, понравиться ей, прежде всего, своим добрым отношением к ней, своим внешним видом, речью: уметь сделать *самопрезентацию* «Заговори, и я скажу, кто ты» (Сократ), с улыбкой, эмоционально *поприветствовать* аудиторию («Здравствуйте!», «Добрый день!», «Рад(а) вас видеть!», «Как настроение!», «Как дела!»), *похвалить* ее («Мне нравится ваше внимание и отзывчивость») сделать ей *комплимент* («Вы творческие люди», «Как вы быстро все схватываете, ловите на лету!», «Молодцы!»), обратиться с *просьбой* («Будьте добры, закройте/откройте окно, подвиньте, пожалуйста, кафедру»), уметь *заинтересовать, заинтриговать* аудиторию («А вы знаете, что..?», «Почему, как вы думаете..?», уметь правильно, эмоционально, с улыбкой попрощаться, оставив *приятное* впечатление о себе («Спасибо за внимание!», «Всего доброго!», «Желаю успехов!», «Мне было приятно с вами работать!») и т. д. Начинать и заканчивать публичное выступление надо *эмоциональным стартом и эмоциональным финишем*. Важно создать благоприятную, творческую атмосферу общения, чтобы слушатели не боялись задавать вопросы, и отвечать на вопросы сразу, не откладывая, поддерживать интерес аудитории, *вместе с аудиторией приходить к выводам*, т. е. говорить не *для нее,* а — *с нею, с аудиторией.*

Оратор должен восприниматься как яркое и долго не забываемое *явление* в аудитории. Так,

например, студенты ОГУ признаются преподавателю (цитируем): *«С Ваших занятий не хочется уходить»* и т. п.

Следовательно, риторическая культура, качества личности оратора незримо выстраивают его стиль его речевого общения и поведения, снимают агрессию, гармонизируют общение.

3. *Образно-имиджевый уровень модели риторической личности* предполагает оценку *образа и/или имиджа* оратора.

«Разведем» эти понятия. Рассмотрим корреляцию слов-терминов: *образ и имидж*. *Образ* — понятие многозначное. Известны такие понятия и словосочетания, как *образ героя* в художественной литературе, *образы святых*, *образ мира, образ русского человека, образ русской природы* и т. д. *Образ человека* — его внешность и духовный мир — ядро каждой национальной культуры, системы ее ценностей. По мнению В. И. Даля, *образ — это вид, внешность, фигура, портрет и он связан со временем* [1]. Похожие определения находим и в современных толковых словарях. Известно, что «всякий облик есть форма некоего содержания».

Понятие *имидж* вошло в нашу жизнь в начале 60-х годов XX века. Оно происходит от латинского слова imago — «образ», которое связано с другим латинским словом — imitate, то есть «имитировать, воспроизводить». Имидж (англ. image) — образ, т. е. визуальная привлекательность личности, *самопрезентация, конструирование человеком своего образа для других*. Имидж — это искусство «управлять впечатлением», сложившийся в массовом сознании и имеющий *характер стереотипа*, *эмоционально окрашенный образ* кого-либо или чего-либо**.** Имидж человека складывается из совокупности черт внешнего облика, манер, поведения и умения общаться с людьми. Хороший имидж производит впечатление молодости, свежести и здоровья. «Имидж — это искусство обаяния» (В. М. Шепель). Имидж рассчитан на создание *благоприятного впечатления*, прежде всего, от внешнего вида человека, ибо «по одежке встречают, по уму провожают» (русская пословица).

Итак, *имидж* — это целенаправленно сформированный *образ*. Можно сказать, например, *«образ русского интеллигента»*, но сказать — *«имидж русского интеллигента»* — невозможно, ибо «интеллигентом притвориться нельзя» (Д. С. Лихачев). Следовательно, *образ* — это представление о *данности* субъекта или объекта, а *имидж* — это *целенаправленное, искусственно созданное, благоприятное* (или *нужное* в определенной ситуации общения) *впечатление о ком-либо* (имидж политика, профессиональный имидж преподавателя) *или о чем-либо* (имидж фирмы).

Риторическая личность производит, как правило, приятное впечатление. Так, студенты ОГУ написали своему преподавателю (цитируем): *«У Вас всегда гармоничный образ», «У Вас светлая душа», «Нам тоже хочется стать интеллигентными людьми»*. Именно в процессе общения складывается целостный образ человека. Однако цель понравиться не может быть реализована только с помощью эффектного внешнего вида. Внешность (образ) воспринимается обычно в связи с характером человека, с учетом его деловых, социальных, нравственных, интеллектуальных, эстетических и духовных качеств. Риторическая личность всегда создает особую атмосферу доброжелательного общения и *сотворчества*, которая благоприятствует активному восприятию и пониманию речи. Аристотель в «Риторике» отметил: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается: оно-то и есть конечная цель всего». Поэтому цель оратора — увлечь аудиторию темой и содержанием речи, помня о том, что «каждый слышит то, что он понимает» (Гете).

В связи с этим вспоминается яркий *риторический прием*, использованный многоопытным прекрасным оратором академиком В. Г. Костомаровым в самом начале его выступления на одной из Международных конференций МАПРЯЛ. Озорно окинув взглядом достаточно *молодую* аудиторию, с улыбкой он произнес: *«А все знают, что такое МАПРЯЛ?»*. В зале наступила секундная пауза от неожиданности, и потом раздался смех. Все засмеялись, аплодируя остроумной шутке академика. Кто-то из сидящих

рядом со мной коллег также шутливо ответил: «*Обижаешь, шеф!*» Такое начало речи привлекло внимание к теме речи, создало дружелюбную и приятную творческую атмосферу, подняло всем настроение и пробудило интерес к речи и к личности оратора. Был использован эффективный риторический прием привлечения внимания аудитории необычным началом речи: «зацепка внимания», «риторический крючок». В этом проявилась и *забота* ученого о доходчивости и понимании его речи, поскольку в аудитории было много неопытных еще аспирантов (важен учет аудитории). А в душах молодых аспирантов навсегда остался *образ* остроумного, веселого, интеллигентного и доброжелательного оратора.

Следовательно, оратору надо максимально заботиться о доступности речи, обеспечивая ее понимание; *быть обаятельным — уметь «баять» — говорить*. Важно, чтобы информация «дошла» до слушателя, была им осмыслена и прочувствована: «Сила речи заключается в ее воздействии на душу» (Платон). «Оратор — всегда воспитатель своей аудитории» (Цицерон).

Итак, главная цель речевой деятельности современной риторической личности основана на античном риторическом принципе: «Учить, радовать, побуждать!». Риторическая личность пробуждает «чувства добрые» (А. С. Пушкин) и развивает творческие способности аудитории *своим словом, делом, нравом, образом.*

В нашей концепции ***риторическая личность — это личность, риторически образованная, владеющая риторической культурой, умеющая создавать приятное впечатление о себе, позитивно воздействующая и эффективно взаимодействующая с аудиторией. Риторическая личность — это высший уровень реализации языковой личности.***

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2001.
2. *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1987.
3. *Волков А. А.* Русская риторика. М., 1996.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2004.
5. *Колесникова Л. Н.* Обаяние личности как категория риторики. Орел, 1998.
6. *Колесникова Л. Н.* Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры: В 3 т. Орел, 2007.
7. *Колесникова Л. Н.* Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел, 2001.
8. *Михальская А. К.* Основы риторики. М., 1996.
9. *Мурашов А. А.* Педагогическая риторика. М., 2002.
10. *Сагач Г. М.* Риторична особистість. Як її підготувати у школі нового типу? // Барви творчості: Наук.-метод. зб. Київ, 1995.
11. *Хлебникова М. С.* Homo loquens в свете современных риторических воззрений // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: Сб. матер. X Междунар. конф. по риторике. 1–3 фев. 2006 г. М., 2006. С. 435–438.

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ *(Продолжение. Начало на с. 18, 24, 28)*

О значимости результатов семинара его участники говорили на заключительном круглом столе, а также написали в своих отзывах. Все единодушно отметили, что проведение подобных семинаров в культурной столице России, в одном из ведущих российских педагогических вузов, явилось для них ценнейшим профессиональным стимулом, осуществлением реальной поддержки русского языка и русской культуры на территории стран-соседей. Учителя, преподающие русский язык за рубежом, испытывают острую необходимость в поддержке, прежде всего информационной и методической, со стороны России. К сожалению, недостаточное финансирование семинара не позволило пригласить на него учителей из Казахстана, Киргизии и Таджикистана, активных участников семинаров прошлых лет.

Все участники отметили широкие возможности применения новых знаний и полученного на семинаре опыта в преподавании русского языка. Общая атмосфера доброжелательности и сотрудничества, высокий уровень профессионализма стали залогом успешного проведения мероприятия. Приведем лишь один фрагмент из коллективного отзыва учителей из Белоруссии: «Практическая направленность семинара позволит нам в своих учебных заведениях продолжить работу по формированию речевой и языковой культуры учащихся с учетом современных тенденций. Мы благодарны организаторам семинара за подаренную литературу, которая будет использована в нашей педагогической деятельности. На школьных и районных методических объединениях мы поделимся полученной информацией и позитивными впечатлениями от встреч с коллегами из стран ближнего зарубежья — нашими единомышленниками. Надеемся, что данный семинар будет иметь продолжение».

(Окончание на с. 62)

Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВОЙ ОБЛИК ДОСУГОВОГО МЕДИАДИСКУРСА

LILLIA R. DUSKAEVA, NATALIA S. TSVETOVA

INTENTIONALITY AND STYLISTIC AND SPEECH IMAGE OF LEISURE MEDIA DISCOURSE

Лилия Рашидовна Дускаева
Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой речевой коммуникации факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета
► lrd2005@yandex.ru

Наталья Сергеевна Цветова
Доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета
► cvetova@mail.ru

Формирующийся в русле функциональной стилистики интенционально-стилистический аналитический подход к медиатексту основан на убежденности в прямой соотнесенности специфики смысловой структуры данного дискурса и модализованной установки на представление определенных мнений, желаний, убеждений и предполагает описание особенностей речевого выражения смысловых доминант, условно говоря, стилистико-речевого облика или интенционального стиля того или иного медиадискурса.

Ключевые слова: медиатекст, смысловая структура, пропозициональное содержание и модальность медиатекста, семантические доминанты, интенциональный стиль.

The article represents the attempt to outline the intentional-stylistic approach to the analysis of media texts. The point of the approach: first, it is set specificity of the semantic structure of discourse by defining semantic dominants. The dominants become clear by discourse outlining the subject content and by setting the subject content modality purpose to express (represent) the speech tendencies in the form of opinions, desires and beliefs. The analysis of verbal expression declared semantic dominants shows the stylistic and verbal identity, or an intentional style of a media discourse.

Keywords: media text, semantic structure, propositional content and modality of media text, semantic dominants, intentional style.

Интенциональность речевой деятельности сегодня изучается разными гуманитарными научными дисциплинами и направлениями: философией, психологией, социо-, психо-, прагма-, антропо- и когнитивной лингвистикой [1; 2; 6; 12]. Обращение современной гуманитарной науки к данной проблеме обусловлено актуальностью исследований причинно-следственных связей деятельности человека. Лингвистическое изучение природы интенциональности затрудняется тем, что это «понятие ... до сих пор по-настоящему не освоено лингвистами... Оно не получило лингвистического содержания, соотносимого с его широким философским пониманием» [9], которое, «с одной стороны, не противоречило бы философской традиции и общепринятой лингвистической терминологии», а с другой стороны, позволило бы «свести к общему знаменателю многочисленные описательные результаты в области лингвистической семантики, часто сформулированные в несопоставимых терминах» [Там же].

Первоначально в языковедческих работах интенциональность рассматривалась с позиции теории речевых актов. В 70-е годы ученые от-

казались от изучения языка как имманентно понимаемой системы, перешли к изучению языка как деятельности, в результате были актуализированы такие компоненты значения, как *намеренность, мотивированность, целенаправленная активность сознания, связь с деятельностью и достижением определенного результата* (см. работы И. П. Сусова, Г. В. Колшанского, Т. М. Дридзе, А. А. Залевской, Р. М. Фрумкиной, Е. С. Кубряковой и др.). Современная психосемантика речи, лингвоориентированная аналитическая философия позволяют утверждать, что интенциональность субъекта речи, активность его сознания определяют смысловую структуру текста.

Актуализация таких представлений обусловливает важность феномена интенциональности для лингвостилистических исследований, презентующих текстовую форму в тесной связи с содержанием. Особенности текстовой репрезентации интенционального состояния субъекта речи изучает В. П. Барбашов [2], открывая возможность выявления дифференциальных стилистических свойств отдельных типов текстов. Н. И. Клушина развивает коммуникативно-стилистическую концепцию интенциональных категорий, в которой интенция предстает как коммуникативная цель, мотивирующая коммуникацию и типологизирующая тексты [8][1], что вполне традиционно для коммуникативного подхода в лингвистике (см., напр.: [11]).

Мы в анализе медиаречи придерживаемся первого подхода[2] и рассматриваем интенциональность как «общее фундаментальное свойство ментальной и психологической организации субъекта речи, которое заключается в намерении выразить в речи свои мнения, желания, убеждения, отношение» [10]. На наш взгляд, принципиально значимо замечание И. М. Кобозевой о том, что «в основе тех языковых явлений, которые характеризовались в терминах модуса, субъективной модальности, пресуппозиции, условий успешности речевого акта, исходного предположения (установки), оценочной коннотации и ряда других, лежат интенциональные состояния сознания говорящего» — «все интенциональные состояния говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированные в языковой структуре» текста [9].

Проявлением антропоцентричности предлагаемого подхода (ср.: [1; 7]) в медиастилистике можно считать внимание к субъекту речи как к носителю интенционального сознания. Данный подход воспринимается как продуктивный и в силу того, что позволяет увидеть наряду с инвариантными вариантные речевые свойства определенного класса текстов, создаваемых профессионалами речи в типовых коммуникативных ситуациях.

Дж. Серл, писавший об интенциональности речевых актов, а не текста, выделяет в структуре интенциональности репрезентацию и направленность, названную им психологическим модусом. «Каждое интенциональное состояние, — настаивал ученый, — содержит некоторое репрезентативное содержание в определенном психологическом модусе» [13]. В текстоцентричных исследованиях И. П. Сусова речь идет о детерминанте содержательно-смысловой структуры текста [15]. Представления об интенциональности как о многоуровневой структуре, определяющей смысловую многослойность текста, подтверждаются психологами, в частности, Н. Д. Павловой, исходившей из убеждения, что интенциональность — это система интенций, состоящая из «предметных направленностей субъекта, образующих основу и глубинное психологическое содержание его речи, которое непосредственно связано с *целями* деятельности и „*видением* мира“ субъектом, его *желаниями, нуждами, установками*» [12].

Структура интенциональности медийной речи, отличающейся предельным дискурсным многообразием, особенно сложна. Так, экстралингвистические факторы, задающие интенциональность медиатекста, по Солганику, анализировавшему политический дискурс, — «общественные интересы», а также «представления субъекта речи о пользе, выгоде <...>, целях» [14: 15].

В неполитическом медиадискурсе определяющим является влияние эстетических, вкусовых, стилистических, эмоциональных предпочтений автора и аудитории, оценочные стандарты, сложившиеся в обществе, что заставляет

исследователей вести поиск нового научного инструментария для описания стилистики этих текстотипов. Предпочтения автора медиатекста воплощаются в модусной рамке, задают специфическое ценностно-смысловое содержание текста, а также качественные, временные и пространственные характеристики сообщаемого. Иными словами, поскольку субъект речи конструирует и конституирует собственную картину мира, осуществляя при ее отображении отбор предметов окружающей действительности, в смысловой структуре медиатекста отражается не просто тот или иной фрагмент мира (предметный аспект интенциональности), но и субъектный опыт его осмысления. Тем самым интенциональность предопределяет по крайней мере две составляющие смысловой структуры медиатекстов: 1) мотивирующую, указывающую на характер «модализации» — объективную (реальную / ирреальную) и субъективную (в виде оценочности, волитивности, эмотивности и т. д. [10: 193–205]), и 2) предметную (пропозициональную, денотативную), показывающую интересующий субъекта речи участок действительности в координатах локативности и темпоральности [4], акциональности и аспектуальности, каузальности и персональности [5] и т. п.

Ранее была разработана типология информирующе-воздействующих газетных речевых жанров, в которой система газетных жанров была представлена как речевое воплощение процесса социального ориентирования, осуществляемого СМИ [3]. Сегодня уточняются представления о структуре интенциональности профессиональной речевой деятельности журналиста, следовательно, прежде всего комплекс вопросов, связанных с выявлением смысловой специфики создаваемых текстов.

В качестве эмпирического материала используются газетные и журнальные публикации, представленные в медиадискурсе досуга, интенционально отличающемся от политического, транслирующем эстетические, вкусовые, стилистические, эмоциональные предпочтения автора и аудитории, оценочные стандарты, сложившиеся в обществе. Проанализированы стилистические характеристики журналистских текстов о домоводстве через выявление семантических доминант каждого из типов текстов (издания: «*Моя любимая дача*», «*Моя прекрасная дача*», «*Все для женщины*», «*Лечебник*», «*Уют своими руками*», «*Лиза*», «*Люблю цветы*», «*Вальс цветов*»).

Предметное содержание такого дискурса составляют алгоритмы поведения при решении семейных проблем или выполнения домашних дел (приготовление еды, блюд, уборка, оформление жилища, вышивка, вязание, выращиваниае цветов и т. п.), семантическими доминантами в нем являются указания на действия и описание объектов этих действий.

Своеобразен объективный модус анализируемых текстов. В отличие от информационно-воздействующего политического дискурса, в котором выражен реальный модус изъявительного наклонения (речь идет о свершившихся, совершающихся и будущих событиях), модус интересующего нас дискурса ирреальный — он создается главным образом формами повелительного наклонения, поскольку выражает волеизъявление в форме пожеланий, предложений, советов, инструкций и рекомендаций (*Стань, как прежде, молодой! Нанеси на веки крем... Пройди тест на прочность! Выполняй назначения врача. Займись спортом* и т. п. — *Лиза.* № 41. 2012).

Объективный модус глаголов, употребленных в значении настоящего вневременного, используется в данном дискурсе для обоснования рекомендаций, например: *Гибискус за лето сильно* ***разрастается****, при этом* ***цветет*** *только на верхушках побегов.* Далее — рекомендации, предложения, предостережения: *Для получения настоящего ...* ***необходимо*** *вовремя* ***сформировать*** *растение. Обрезку* ***можно сделать****... Позже* ***обрезать не рекомендуется****...* (*Вальс цветов*. 2011. № 23).

Интенциональность субъективности в этих текстах своеобразна: оценочность, эмотивность также являются средством аргументации, уточнения, обеспечивающим убедительность предлагаемых решений (например, статья Т. Трифоновой «*Эустома: букеты на веточках*» завершается так: «*Не хочу говорить, что у меня целые клумбы этих цветов, но каждый год около двух десятков цве-*

точков ***радуют*** *своим цветением, словно* ***благодарят*** *за терпение в их выращивании» — «****Люблю*** *цветы!*» №10. Октябрь 2012).

В журнале «*Моя история*» пропагандируются семейные ценности. Эта целеустановка из номера в номер почти открыто декларируется в редакторской колонке. Журнал призывает «*самые искрение пары*» присылать истории любви, какими бы неожиданными они ни были: «*виртуальный роман с продолжением*», «*бурный роман*» с «*частыми разлуками*», любовная интрижка с «*запрещенными приемами*», «*телефонная история*». Семантические опоры, определяющие смысл доминантных повествовательных текстовых отрезков, инвариантны: «*первая встреча*», «*охлаждение*» («*кризис*»), «*разочарование*», «*новая*» («*взрослая*») *счастливая и гармоничная жизнь*. Кульминация таких историй — мотивируемое интенцией издания счастливое завершение, дополнительно фиксируемое в финальной практически инвариантной сказочно идилличной сильной позиции конца текста: «*Раны постепенно зажили, а залечить их мне помогла любовь к мужу и дочери*»; «*Я даже не предполагала, что ни к чему не обязывающий виртуальный роман превратится в самый реальный — и станет моей судьбой*»; в крайнем случае — «*Как жаль, что выводы я сделала так поздно, едва не угробив собственного ребенка*»; «*Еще посражаемся! А там, глядишь, погуляет, да назад вернется*» и т. п.

Первая повествовательная часть номера создает мотивационное поле для второго блока текстов — рекомендаций и советов. В центре второй части — кулинарные рецепты, присланные читателями, которые помогают материализовать представление о семейном счастье женщинам, способным «*за 30 минут*» создать «*впечатляющее*», «*интересно приправленное*», оригинальное, празднично оформленное блюдо домашней кухни.

Речевая форма публикуемых рецептов создает эмотивно-оценочную подпитку пропагандируемому женскому идеалу. Этот идеал — изобретательная, неутомимая, любящая, энергичная молодая хозяйка, умница и красавица, счастливица и оптимистка.

Пример 1.

Всего *лишь за 30 минут у вас* **получится** ***великолепный*** *пирог. Понадобится:... Приготовление:* ***Добавить*** *яйцо в сгущенку,* ***перемешать****. Затем, постепенно* добавляя *муку с содой,* замесить *мягкое тесто.* Разделить *тесто на 8 частей. Каждую часть* ***раскатать*** *в круг... В готовый* горячий *крем* добавить *масло и все* ***хорошо взбить****...*

Пример 2.

Приготовив такой *пирог один раз, вы* ***будете делать*** *его* ***на все праздники****. Понадобится 1, 5 ст. молока, 0,5 стакана сахара, 3 ст.л. меда и т. д. Приготовление:* ***Смешать*** *молоко, сахар, соль, растительное масло,* ***довести*** *до кипения,* ***остудить****. Затем* ***добавить распущенные*** *дрожжи,* ***перемешать, добавить*** *муку,* ***замесить*** *тесто и* ***поставить в теплое*** *место... Затем* ***большую*** *часть* ***раскатать****. Из* ***меньшей сформировать*** *жгутики.* ***Выложить*** *пласт на противень. Поверху* ***равномерно распределить остывшие*** *груши...* (Моя история. № 24, 14 ноября 2011).

В анализируемых текстах доминируют номинации бытовых объектов и акциональные глаголы, называющие бытовые действия. Важным свойством модуса этих текстов является оценочность особой семантики — сенсорно-вкусовой, психологической, утилитарной, нормативной, телеологической: *сильно, настоящего, великолепный, хорошо....* С одной стороны, такой модус помогает уточнить и даже мотивировать характер действий, последовательность и взаимосвязь которых определяется предлагаемым читателю алгоритмом, с другой — стимулирует заинтересованность читателя в их выполнении.

Интенциональность профессиональной деятельности журналиста заключается в намерении стимулировать деятельную активность аудитории. Сверхзадачей такого типа стимуляции является отнюдь не организация потребительской активности адресанта, что характерно для открытого рекламирования, и не открытое идеологическое воздействие, свойственное политическому дискурсу, но прежде всего трансляция идеи об использовании свободного времени в интересах семьи, для упрочения семейных отношений. Выявленные интенции передаются репрезентацией двух смысловых доминант — рекоменда-

циями по успешной реализации предлагаемых алгоритмов.

Зависящее от интенциональности дискурса речевое выражение обнаруженных смысловых доминант в анализируемых текстах заключается в семантико-смысловом «превосходстве» лексики с предметным значением (тематически определенных семантических полей), оценочностью, использованием «неагрессивных» акциональных глаголов и их смысловых заместителей, которые именно в досуговом дискурсе особенно часто выполняют и контактоустанавливающую функцию (*Приготовив такой пирог один раз, вы будете делать его на все праздники*).

Таким образом, суть активно формирующегося сегодня на базе функциональной стилистики интенционально-стилистического аналитического подхода к медиатексту заключается в выявлении специфики смысловой структуры дискурса через определение соответствующих доминант и специфики их стилистико-речевого выражения. Эти доминанты определяются при описании предметного содержания дискурса и направленной на это предметное содержание модализованной установки выразить (репрезентировать) в речи определенные устремления авторов медиатекстов в форме мнений, желаний, убеждений. Анализ речевого выражения заявленных смысловых доминант показывает стилистико-речевое своеобразие, или, условно говоря, интенциональный стиль того или иного медиадискурса.

Говорить о сформированности интенционально-стилистического метода в стилистике пока рано, но научная рефлексия в поле нового лингвостилистического направления нам представляется актуальной, своевременной и перспективной, прежде всего, в силу его обращенности к творческому сознанию субъекта речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Такое различие между интенцией и интенциональностью устанавливалось еще в работах Д. Серла.

[2] Ср.: И. М. Кобозева, исследовавшая с позиции ТРА отражение интенционального сознания в высказывании, говорила о различии понятия интенции, которое обозначается, кроме того, терминами «перформативность» и «иллокутивная сила», и понятия интенциональности. При этом указывала на то, что и в ТРА именно «понятие интенциональности до сих пор не было по-настоящему освоено лингвистами (хотя у видных теоретиков языкознания можно найти прямые или косвенные указания на его важность в контексте обсуждения семиотических или коммуникативных проблем лингвистики <...> Оно не получило лингвистического содержания, соотносимого с его широким философским пониманием»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова Ю. Н.* Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006.
2. *Барбашов В. П.* Вербализация интенциональных состояний в публицистическом тексте: на матер. современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
3. *Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.
4. *Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Варьирование публицистической картины мира в медиатекстах // Медиаскоп. Вып. 3. 2012. — URL: http://www.mediascope.ru/node/1131
5. *Дускаева Л. Р., Цветова Н. С.* Газетный совокупный текст как стилистико-речевое единство // Журналистика и культура русской речи. М., 2011. № 3.С. 22–26.
6. *Заюкова Е. В.* Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
7. *Кара-Мурза Е. С.* Полиинтенциональность медиатекста (на матер. путеводителя как досугового издания) // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб., 2012. С. 33–40.
8. *Клушина Н. И.* Стилистика публицистического текста. М., 2008.
9. *Кобозева И. М.* Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике. М., 2003. — URL: http://pi.sfedu.ru/rspu/resources/for_linguists/kobozeva/
10. *Краснова Т. И.* Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья. 1917–1920 (22) гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб., 2011.
11. *Майданова Л. М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
12. *Павлова Н. Д.* Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.
13. *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1988.
14. *Солганик Г. Я.* Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.
15. *Сусов И. П.* О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979.

И. Ю. Артемова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ РЕЧИ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ УСТНОГО ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ФОРМАТЕ

INNA YU. ARTEMOVA

SPEECH TACTICS IN SEMIOTIC SPACE OF PUBLIC DISCOURSE OF TELEVISION FORMAT

В статье освещается подход к выделению единицы общения непрямой коммуникации в межличностном публичном дискурсе телевизионного формата. В связи с этим вводится понятие иллокутивной тактики речи, рассматривается пример функционального варианта иллокутивной тактики «неопределённость», представленной метафорическим способом.

Ключевые слова: межличностный публичный дискурс, непрямая коммуникация, иллокутивная тактика речи, метафора, семиотическая личность.

The paper covers the approach to defining the communicative unit of indirect communication in interpersonal public discourse of television format. The concept of "illocutionary speech tactic" is introduced. The functional variant of such a tactic is examined as a "tactic of indefiniteness", represented by metaphor.

Keywords: interpersonal public discourse, indirect communication, illocutionary speech tactics, metaphor, semiotic personality.

Устный публичный дискурс на современном этапе развития общества находит выражение в различных форматах общения. Помимо формата естественной коммуникации (деловая встреча, семинар, выступление политика на площади и др.), всё большее распространение получает телевизионный формат, формат радиопередачи, формат видеоконференции и др. В настоящее время исследователи говорят о возникновении всё большего числа понятий, называющих новые типы дискурса. Таковы, например: «медиадискурс», пришедший в отечественную лингвистику из англоязычной литературы, «телевизионный дискурс», «дискурс СМИ». В то же время исследователи отмечают, что «публичный дискурс <...> подразумевает как опосредованную СМИ форму общения с массовым адресатом, так и непосредственную — с множественным» [7: 18], выделяя дискурс СМИ как подтип в составе публичного дискурса. Некоторыми исследователями ставится под сомнение вопрос о существовании подобных типов дискурсов ввиду недостаточной теоретической обоснованности их выделения [14]. Так, в качестве одной из причин указывается на вторичный характер большинства составляющих подобный дискурс жанров речи [Там же]. Поддерживая данную точку зрения, нам представляется целесообразным говорить не о новых типах публичного дискурса или составляющих его подтипах, а лишь о *форматах* публичного дискурса в его устной и письменной форме.

Инна Юрьевна Артемова

Аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► arte.inna@gmail.com

В формате естественной коммуникации устный публичный дискурс затрагивает различные сферы общения и реализуется в неопределённом множестве ситуаций.

Искусственно созданный формат устного публичного общения (параметрически заданный техническими средствами связи) оказывается более упорядоченным ситуативно и тематически. Так, *телевизионный формат* отличается большей унифицированностью ситуаций и сфер общения, концентричностью коммуникации (вращением диалога вокруг заданной темы), что предоставляет возможность проведения более чёткого функционального анализа.

Изучение публичного дискурса и его форматов невозможно без учёта особенностей составляющих его единиц, поскольку «говорить сегодня о <...> «телевизионном дискурсе» безотносительно жанровой и / или тематической конкретизации, <...> вряд ли корректно» [7: 17]. Следовательно, необходимо говорить о специфических особенностях жанров, организующих публичный дискурс, и их тематико-ситуативной составляющей.

Одним из новых жанров публичного дискурса, реализуемых в телевизионном формате, является жанр *встречи в эфире*. Согласно определениям исследователей, встреча в эфире — «это жанр телепередачи, в основе которой беседа-импровизация героя с многочисленной аудиторией, рассказ её участника о социально-значимых проблемах, о секретах мастерства, своей судьбе, об отношении к людям и обществу» [10: 9]. Данное определение объединяет черты двух жанров, традиционно рассматривающихся в лингвистике: *беседы* и *дискуссии*. Сложность жанровой организации единиц публичного дискурса, реализуемого в рамках телевизионного формата, состоит в том, что «телевизионная речь неоднородна и делится на разновидности, подчас весьма далёкие друг от друга по своим особенностям» [15: 11]. Одной из причин жанровой неоднородности является техническая сторона реализации телепередачи. Так, характеристики жанра «встречи в эфире» зависят, например, от того, в прямом или непрямом эфире проходит встреча. Техническими параметрами организации телепередачи определяются психологические установки на общение среди коммуникантов. Этим обусловлена разница в качественных характеристиках общения, представленного в телепрограммах внутри одного жанра.

Жанры речи, формирующие публичный дискурс искусственного формата, представляется возможным сгруппировать, исходя из специфики ситуативной обусловленности взаимодействия участников коммуникации, обусловленной в том числе и техническими особенностями организации общения. В зависимости от соотношения коммуникантов в публичном дискурсе искусственного формата можно выделить два типа общения: 1) взаимонаправленное, включающее двух и более непосредственных собеседников, а также зрителя в роли наблюдателя (встреча в эфире, интервью); 2) однонаправленное, включающее одного непосредственно говорящего и зрителя (такие жанры как новости, репортаж). Соответственно можно говорить о двух разновидностях устного публичного дискурса в искусственном формате: межличностный публичный дискурс и массовый публичный дискурс. Основанием для выделения этих типов служит установка на результат воздействия на зрителя. При взаимонаправленном общении активизируется интеллектуальная деятельность зрителей, оно имеет рационалистическую направленность. При однонаправленном общении результатом воздействия является появление эмоций, интеллектуальная деятельность зрителей подавляется, их мышление «пластически подстраивается под абсурдную хаотичность информационных вспышек» [21: 257].

В статье рассматриваются особенности *межличностного дискурса*, поскольку он «предшествует всем прочим разновидностям дискурсивной практики и в значительной мере предопределяет их становление и развитие» [6: 21]. Принимая общее определение дискурса, сформулированное Э. Бенвенистом как «в самом широком смысле ... всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго» [2: 279], можно дать определение межличностному публичному дискурсу. Межличностный

публичный дискурс телевизионного формата – это обусловленная техническими параметрами коммуникация двух и более непосредственных собеседников, рассчитанная на интеллектуальное восприятие и интерпретацию её зрителями в качестве наблюдателей через рациональное усвоение информационного потока.

Специфика жанров, формирующих данную разновидность публичного дискурса, зависит от выбора способа регулирования межличностных отношений — от используемых в данном формате коммуникативных тактик речи. Современное понимание тактики речи сводится к рассмотрению её как способа реализации стратегии (цели) [13: 9], или сверхзадачи [4: 86]. При номинации тактик речи исследователи отталкиваются либо от смысла высказывания в целом, основываясь на семантическом принципе (тактика уговоров, тактика оскорбления, издёвки, тактика комплимента [13: 141, 164, 177]), либо от организующих данную тактику языковых средств (тактика реитерации тематического слова, тактика имитации знания тайны, тактика апелляции к нравственному императиву) [4: 85]. Выскажем предположение, что проблема вычленения тактик речи и их номинации находится в зависимости от типа коммуникации (прямая и непрямая), в котором реализуются тактики речи. Непрямая коммуникация чаще всего обладает более высоким уровнем абстрактности, поэтому приписать тактике в качестве названия «искусственную бирку» или «реплику-клише» [5: 85] оказывается сложнее. В то же время непрямая, требующая интерпретации, коммуникация занимает в повседневном общении гораздо больше места, чем прямая коммуникация [9: 374]. Межличностный публичный дискурс искусственного формата демонстрирует разнообразие проявлений непрямой коммуникации. В связи с межличностным характером общения наибольший интерес представляет реализация модуса коммуникантов, в связи с чем представляется необходимым уточнить понятие тактики как способа осуществления воздействия. Более продуктивным представляется такое описание тактик, при котором тактика понималась бы как способ организации как вербальных, так и невербальных средств для реализации модуса говорящего как «субъективных, идущих от говорящего смыслов» [8: 305]. Такое понимание тактики не только учитывает воздействующий характер устного публичного дискурса, но и отражает языковую специфику её оформления, что позволяет развернуть анализ тактик в сторону функциональной организации средств языка, обычно не получающей должного внимания со стороны исследователей тактик речи, а также поставить в фокус рассмотрения регулирование межличностных отношений индивидуальных личностей, что, по замечанию N. Fairclouth, на материале СМИ при обилии их материала и возможностях практически не было сделано в лингвистике: «...изучение освещения информации в СМИ имеет давнюю историю в дебатах о необъективности, манипулировании и идеологии в средствах массовой информации, но индивидуальные личности и отношения привлекли меньше внимания» [23: 17].

В связи с характером коммуникации считаем необходимым, по аналогии с речевыми актами и иллокутивными речевыми актами (далее – ИРА), выделять прямые коммуникативные тактики (при прямой коммуникации) и иллокутивные тактики речи (далее – ИТР).

Вероятно, главное различие между иллокутивным речевым актом и иллокутивной тактикой состоит в несовпадении их границ: ИТР, требующая интерпретации намерения говорящего, представлена целым фрагментом, комплексом языковых и неязыковых средств, в то время как под ИРА чаще подразумевается отдельное высказывание. Нужно отметить, что в лингвистике не раз обращалось внимание на ограниченность применения теории речевых актов к проблемам реальной коммуникации: «...в качестве единицы, служащей объектом анализа, выступает лишь отдельное высказывание, берется оно, как правило, вне диалога, и содержание анализа зачастую не учитывает всего многообразия факторов реального общения» [16: 5]. Это предположение было ранее подкреплено и данными психолингвистики: «...смысл имеет только текст, состоящий как минимум из двух смежных предложений, причём между содержащимися в них лексическими значениями не может существовать непосредственной смыс-

ловой связи» [11: 79]. Следует отметить, что в настоящее время оформилась тенденция к анализу более обширных фрагментов дискурса как минимальных единиц общения (например, понятие презентемы как минимальной единицы дискурса в [17: 11]).

В публичном межличностном дискурсе, реализованном в телевизионном формате, применительно к рассмотрению иллокутивных тактик речи наиболее продуктивным представляется упоминавшийся выше жанр встречи в эфире, объединяющий характеристики дискуссии, психологической установкой которой является «убеждение контрагента, диктующее разные тактики ведения разговора» [1: 651], и светской беседы как «взаимно приятного, ни к чему формально не обязывающего разговора на общие темы, основная цель которого — провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [20: 3].

Примером реализации жанра *встречи в эфире* на телевидении могут быть такие телепередачи, как «Открытая студия» на пятом канале петербургского телевидения, «Школа злословия» на канале НТВ, передача «Гордон Кихот», выходившая на Первом канале, «Нереальная политика», выходившая на канале НТВ.

В таком типе коммуникации «направленность речи» [5: 19] оказывается заданной как общей темой, так и общим коллективным замыслом, а также наличием в диалоге одного или более лидеров, в роли которых выступают ведущие передачи. «Направленность речи» и «подобранность собеседников» [Там же] – обязательные условия жанра дискуссии, в результате чего задаётся определённая тема, а вместе с ней и сфера общения, протекающего в определённой ситуации. Всё это способствует максимально творческому проявлению диалогического общения. Такие диалоги демонстрируют наивысшее искусство общения, так как полностью отходят от максим принципа Кооперации и при внешней рассогласованности представляют собой внутреннее единство противоположностей в субъектно-ценностной сфере: «...при регуляции в субъектно-ценностной сфере дискурс ориентирован на выделение и заострение противоречия как несоответствия между общественно санкционированными ценностями и заявляющими о себе новыми ценностями личностного порядка, или, в более общем случае, между системами культурных ценностей разных субъектов» [3: 42]. Иными словами, для такого типа межличностного общения характерна «пресуппозиция компетентности (экспертности) собеседников» и «тематическое единство при различии модусов» [1: 651]. Такой тип дискурса можно также назвать «по преимуществу модусным» [18: 48]. Именно различие модусов и высокая компетентность собеседников приводит к тому, что диалоги внутри дискуссии оказываются наиболее разнообразными и насыщенными по своей языковой форме. Разнообразие плана содержания и выражения напрямую зависит от принадлежности к «коммуникативным типам речи» [12: 348], в жанре дискуссии происходит постоянная смена и взаимодействие таких регистров, как оценочно-квалифицирующий, информативно- и обобщающе-логический.

В то же время язык — это не единственный, хотя и главный знак, которым пользуются для передачи и дешифровки информации. Для передачи смысла используют мимику, жесты, позы и т. д. Такой современный взгляд на структуру общения даёт повод учёным говорить о «семиотической личности» [19: 19], в какой-то мере дополняющей понятие языковой личности.

Современное расширенное понятие тактики как способа осуществления семиотической деятельности человека (тактика — это «реализуемое в большом количестве различных текстов однотипное речевое поведение, которое через слова и жесты демонстрирует сходные намерения, отношение к собеседнику, теме разговора, обнаруживает место говорящего в мире, тип его взаимодействия с информацией» [22: 57]) позволяет рассматривать её как фрагмент дискурса, выходящий за рамки высказывания. Такая тактика может объединять сразу несколько типов иллокутивных актов, а средствами её оформления оказываются не только сегментные средства языка, но и суперсегментные, жесты, мимика, различные «фонации» [12: 209], представляющие собой в комплексе особую функциональную согласо-

ванность для выражения и интерпретации модуса говорящего и слушающего. Особенности реализации тактик в таком понимании необходимо рассматривать с учётом ситуативных, жанровых и дискурсивных особенностей общения.

Проиллюстрируем реализацию одной из подобных тактик — тактики «неопределённость» на примере дискуссии под названием «Что празднуем?» в телепрограмме «Открытая студия» на пятом канале петербургского телевидения. Оговоримся, что под коммуникативной тактикой «неопределённость» понимается осознанное, по преимуществу, но и не только вербально выраженное действие говорящего, неопределённое по своему поверхностному значению, требующее определённой интерпретации модуса и предстающее в завуалированном виде. Одним из функциональных способов реализации тактики «неопределённость» может быть метафора.

– Понятно. Нет, я вот тоже хочу обратиться к присутствующим, поскольку ... вот я вижу по составу, да... что людям, то что называется, есть что друг другу сказать... Я хочу напомнить, что ... ааа ... ***Яд, яд, лучше проникает*** *(лицо собеседницы сопровождается мимикой непонимания: поднятием бровей)* ***через аккуратно, тщательно сделанные прокусы, а не через хаотично сотворённые царапины****, поэтому.. а ... лучше не перебивать ... а ... друг друга, как к этому, возможно, нас будут призывать, а всё-таки выслушивать.*

– То есть будем... (смех)... Всё это вр... долго молчать ... печально. Так! ***Вы не командуйте, Александр Глебович****!*

В данном примере автор использует метафору, отсылающую к мифологическим данным о змеиных укусах, и антисравнение, указывая на то, что действия гостей (постоянное перебивание друг друга) недостойны их статусных ролей: они подобны «хаотично сотворённым царапинам», но не «тщательно сделанным прокусам» мудрой змеи. При этом автор предваряет метафору эксплицитно выраженным волитивным модусом (***«я хочу напомнить»***), тем самым давая остальным собеседникам понять, что его статус несколько выше статуса остальных гостей. Игра на статусное повышение также реализуется через характерную паузу, после чего следует само метафорическое сравнение. При этом ситуация разговора является максимально упрощённой, главным является противоборство точек зрения и способность переубедить друг друга с помощью всевозможных тактик. Так как все собеседники в студии являются заранее «подобранными», они поставлены в условия равноправия. Суть межличностных отношений сводится к тому, чтобы, не прибегая к несоответствующим статусу тактикам поведения, не только регулировать общение между собой, но и не «потерять лицо» в дискуссии, и даже повысить свой статус относительно других. Именно с такой целью автор указанного фрагмента прибегает к тактике «неопределённость»: требуется дешифровка его намерения, которое оказывается неоднозначным. В данном случае с помощью тактики «неопределённость» реализуется волитивный модус, что распознаётся в ответных вербальных и невербальных действиях слушающих (характерная мимика недоумения — поднятие бровей, вербальное распознавание — *Вы не командуйте ..!*).

Предполагается, что изучение иллокутивных тактик речи в межличностном дискурсе комплексным методом, с учётом сегментных и супрасегментных средств языка, а также невербальных средств, используемых семиотической личностью, может дать интересные данные о социокультурном и языковом состоянии общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.

2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974 (2-е изд. М., 2002)

3. *Борботько В. Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2011.

4. *Верещагин Е. М., Ротмайр Р., Ройтер Т.* Речевые тактики «призыва к откровенности» // Вопр. языкознания. 1992. № 6. С. 82–93.

5. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

6. *Владимирова Т. Е. Призванные в общение*: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М., 2010.

7. *Воронцова Т. А.* О соотношении понятий *публичный дискурс — язык СМИ — публичная речь* // Вестн. Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2008. Вып. 3. С. 17–22.

8. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М., 2000.

9. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.

10. *Егоров В. В.* Терминологический словарь телевидения. Основные понятия и комментарии. М., 1995.

11. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982.

12. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2010.

13. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

14. *Кибрик А. А.* Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Сб. науч. тр. Орёл, 2008. С. 6–11.

15. *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М., 2003.

16. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сб. / Пер. с англ.; сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986.

17. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград, 2004.

18. *Попова Т. И.* К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке // Русский язык на рубеже тысячелетий. Матер. Всерос. конф. 26–27 окт. 2000 г. В 3 т. Т. 2. Динамика синхронии. Описание русского языка как этнокультурного феномена. Язык художественной литературы. СПб., 2001. С. 45–51.

19. *Сорокин Ю. А.* Неканоническая русистика: статьи, заметки и реплики. М., 2009.

20. *Стернин И. А.* Светское общение. Воронеж, 1996.

21. *Фортунатов А. Н.* О некоторых особенностях «телевизионного мышления» в обществе информационного потребления // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2008. № 6. С. 256–258.

22. *Шунейко А. А., Авдеенко А. А.* Тактики речевого поведения // Русская речь. 2010. № 2. С. 57–63.

23. *Fairclough N.* Media discourse. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2010.

[представляем новые книги. рецензии]

Дускаева Л. Р. **Диалогическая природа газетных речевых жанров** / Под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2012. — 274 с.

Книга Л. Р. Дускаевой «Диалогическая природа газетных речевых жанров» — лингвостилистическое исследование с явным и ясным разворотом в практическую журналистику, которое сочетает когнитивный и собственно стилистический анализ. В области стилистики разрабатывается уровень речевых жанров — средний уровень между отдельным высказыванием и целым текстом.

Теоретическое положение о диалогическом характере жанропорождения в монографии получило глубокую проработку. Автор описывает основные жанры газетной публицистики и приходит к выводу о том, что именно диалогичность формирует жанр как речевое отражение фрагмента взаимодействия коммуникантов. Диалогичность прослеживается на всём жанровом пространстве газетной публицистики, обеспечивает глубинное единство различных текстовых групп современной журналистики: монологических, диалогических и макрожанров.

Л. Р. Дускаева развивает сложившееся в функциональной стилистике и практической риторике представление о диалогизации как совокупности средств адресованности/ответности. В монографии фактически пересматривается распространённый взгляд на роль диалогичности в монологическом тексте: из приспособительной, вспомогательной эта категория переводится в статус категории фундаментальной, воплощающей в себе социальную природу общения (в полном соответствии с точкой зрения Аристотеля, считавшего адресата «конечной целью всего»).

Типология речевых жанров, предложенная в книге, строится на деятельностном основании. Речевой жанр как группа высказываний, объединённых на основе целеполагания, выделяется исходя из функций общения и коммуникативных целей в рамках профессиональной деятельности журналиста. В итоге автор различает информационные, оценочные и побудительные жанры (по предназначению), учитывается также деление на моно- и диажанры (по речевой структуре ново и интересно в предпринятом исследовании то, что жанропорождение ставится в связь с выстраиванием коммуникативного взаимодействия автора публицистического текста с адресатом. В монологических текстах журналист прогнозирует позицию адресата и строит свой текст с учётом этой позиции, осуществляя «диалоговую пристройку» к адресату. Интерактивный способ речевого поведения эксплицирует взаимодействие сторон. Общим итогом исследования является систематизация речевых жанров, стабильно характерных для газетных текстов.

В книге продемонстрированы модели смыслового развёртывания речевых жанров газетного текста, сформированные на базе понятия «диалогический

(Продолжение на с. 58)

А. В. Калашников

НОВЕЛЛА О ГРИЗЕЛЬДЕ ИЗ «ДЕКАМЕРОНА» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
(К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЖ. БОККАЧЧО)

ALEXANDER V. KALASHNIKOV

THE STORY OF GRISELDA FROM "THE DECAMERON" IN TRANSLATIONS INTO RUSSIAN
(TO 700-th ANNIVERSARY OF G. BOCCACCIO)

Статья посвящена переводам на русский язык «Декамерона» Джованни Боккаччо. В работе представлена основная характеристика произведения, но основное внимание сосредоточено на анализе нескольких переводов на русский язык сюжета, посвященного Гризельде — образа, символизирующего гуманизм Возрождения. На основе сопоставления образных выражений в основных переводах на русский язык новеллы о Гризельде в статье делается предположение, что буквалистскому переводу свойственно меньшее количество таких выражений, в частности фразеологизмов, в отличие от более свободного перевода. Использование фразеологизмов, стилистически не соответствующих аналогичным элементам в оригинале, делают перевод неточным и, следовательно, представляется нежелательным.

Ключевые слова: Боккаччо, «Декамерон», новелла о Гризельде, перевод, устойчивое выражение.

The article covers the translations into Russian of "The Decameron" by Boccaccio and represents the features of the piece of writing. The analysis of several translations into Russian of the story of the peasant woman Griselda embodying humanism of the Renaissance is accentuated. The comparison of figurative expressions in the translations into Russian allows the author to conclude that literal translation tends to use such expressions fewer unlike loose translation. The use of phrases not matching stylistically the same components in the source text makes translation inaccurate and therefore is considered irrelevant.

Keywords: Boccaccio, The Decameron, Story of Griselda, translation, set expressions.

Александр Владимирович Калашников

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права, НИУ Высшая школа экономики
▸ remkas@mail.ru

Джованни Боккаччо (1313–1375), юбилей которого празднуется в 2013 году, был одной из ярчайших личностей эпохи раннего Возрождения (Треченто). Он был знаком с Петраркой и с большим почтением относился к Данте, творчеству которого посвятил книгу «Жизнь Данте Алигьери» (*Vita di Dante Alighieri*) [22], считающуюся первой биографией автора «Божественной комедии». Петрарка и Боккаччо, основоположники идеи гуманизма, воспринимали эту концепцию как обращение к человеку в противоположность преобладавшей в средневековье концепции теоцентризма.

Трех величайших писателей — Данте, Петрарку и Боккаччо — в итальянской научно-популярной литературе до сих пор именуют *tre fontane*, отождествляя с тремя главными источниками итальянского Возрождения. Впервые их так образно назвал итальянский религиозный деятель Никколо Либурнио (1474–1557) в книге «Le Tre Fontane» [26: 979].

У Боккаччо идеи гуманизма представлены в «Декамероне», поскольку в этом произведении внимание сосредоточено на судьбах обычных людей, которым свойственны и положительные, и отрицательные качества. К еще одной черте гуманизма относится героизм, стоическое

отношение к трудностям и невзгодам в сочетании с всепрощением и милосердием, что нашло воплощение в последней новелле книги, посвященной испытаниям крестьянки Гризельды [4]. В статье будет рассмотрена история перевода этой новеллы на русский язык и проанализированы особенности переводов, выполненных К. Н. Батюшковым, А. Н. Веселовским и Н. М. Любимовым.

«Декамерон» был написан на итальянском языке в середине XIV века и мгновенно завоевал популярность во всей Европе еще до распространения книгопечатания. Книга стала также одним из первых напечатанных произведений. Она была опубликована в 1471 году в Венеции и в течение следующих семи лет также в Мантуе и Виченце (см.: [23: 5]).

Популярности произведения способствовал жанр новеллы. В организации сюжетов заметно последовательное развитие тематики сюжетов от низкого к высокому. Новеллы «Декамерона» выстраиваются по четкой схемы в соответствии с традициями произведений средневековых поэтов, например, «Божественной комедии», начинающейся с описания ада и заканчивающейся рассказом о райской жизни. В «Декамероне» сначала иллюстрируется резкое порицание пороков, а завершается цикл восхвалением великодушия и добродетели. При этом сохраняется контрастность, заметная в многообразии персонажей, типажей и сюжетов, использовании языка, характерного для разных слоев населения, правдоподобность и подробность повествования, о чем свидетельствуют названия реально существовавших населенных пунктов, вплоть до улиц и кварталов, например во Флоренции: Корсо дельи Адимаре, Борго деи Гречи Аворио, и имена известных людей эпохи Возрождения, в частности художника Джотто и архитектора Брунеллески.

О языке произведения Боккаччо упоминает в начале описания четвертого дня: «...мои повести без заглавия, написанные в прозе, народным флорентийским языком, слогом по возможности, простым и незатейливым» [7: 238]. Таким образом, писатель развивает традицию развития тосканского диалекта, на котором была написана и «Божественная комедия» Данте (см.: [28: 22]).

На русском языке в полном объеме «Декамерон» появился гораздо позже, чем на других европейских языках. Два наиболее известных перевода принадлежат филологу А. Н. Веселовскому и переводчику с романских языков Н. М. Любимову. Сначала в России появились отрывки из книги Боккаччо, издававшиеся в виде пересказов или переводов отдельных новелл. Среди отдельных переводов можно отметить перевод К. Н. Батюшковым новелл первого и последнего дня: «Моровая зараза во Флоренции» [1: 327] и «Гризельда» [Там же: 140]. В издательстве В. В. Чуйко в 1882 году вышло несколько новелл, в том числе о Гризельде [3: 44], в анонимных переводах. В 1912 году вышел перевод «Декамерона» Л. И. Соколовой — переводчицы, о которой известно очень мало. Она впервые перевела на русский язык романы А. Конан Дойля «За городом» (1905) и «Тень великого человека» (1905), а также выполняла переводы с французского языка[1].

Первый полный перевод на русский язык был выполнен историком литературы и исследователем итальянской культуры и литературы Александром Николаевичем Веселовским (1838–1906), значительное время прожившим в Италии. Одной из главных его работ по итальянской литературе следует признать двухтомную монографию «Боккаччьо, его среда и сверстники» [10], которую можно считать одной из самых подробных и объемных монографий по творчеству Боккаччо не только в России, но и в мире. В этой работе он подробно описывает этапы жизни и творчества Боккаччо: детские годы, жизнь во Флоренции и Неаполе, анализирует и пересказывает содержание основных произведений.

В предисловии к русскому изданию «Декамерона» — единственного переведенного им литературного произведения — А. Н. Веселовский пишет о целях своего перевода: «Переводчик задался целью возможно точно передать фразу подлинника, насколько то позволили средства русского языка и сноровка переводчика — не художника стиля, — не избегая некоторых шероховатостей, накопления эпитетов, длинно вьющейся фразы. Таким образом, он надеялся уловить „манеру Боккаччьо“, в которой

заключается не последнее обаяние Декамерона для тех, кто читает его в подлиннике» [5: 12–13]. Перевод получил высокую оценку от филологов, в частности, академика Р. А. Будагова, выделившего: передачу интонации разговорной итальянской речи XIV века в сочетании с риторическим декламационным языком, многогранность оригинального текста, использование лексики народного и старинного русского языка, сохранение риторической приподнятости в морализующих частях новелл. При этом он допускает возможное ненадлежащее восприятие перевода читателями: «С внешней стороны перевод Веселовского может показаться даже „неуклюжим“ и „тяжелым“, однако за этой кажущейся „неуклюжестью“ кроется глубокое знание языка, понимание различных речевых стилей Боккаччо» [9: 345–346].

В советский период перевод «Декамерона» был выполнен Н. М. Любимовым (1912–1992) в 1969 году. К другим работам этого выдающегося переводчика относится классика зарубежной литературы: «Дон Кихот» Сервантеса, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Мещанин во дворянстве» Мольера, произведения Бомарше, Мопассана, Мериме, Стендаля, Флобера, Метерлинка, Пруста. О переводе им написаны книги и статьи. В частности, книга «Несгораемые слова» [13] излагает его взгляды на перевод и представляет Бунина и Пастернака, стиль которых позволяет сделать речь иностранных персонажей звучащей более естественно, что при передаче на иностранный язык достичь удается не всегда. Н. М. Любимов отмечает стилизацию под эпоху написания произведения, что может достигаться обогащением языка переводчика лексическими и синтаксическими средствами из произведений классиков русской литературы. Н. М. Любимов пишет об использовании разговорно-экспрессивных компонентов: «Я люблю просторечие. И я даю разгуляться этой стихии там, где мне это позволяет автор: в бытовых сценах из „Дон Кихота“ и „Гаргантюа и Пантагрюэля“» [Там же: 89]. При передаче «где это позволяет автор» предполагается учет стилистической окраски компонента текста в оригинале, что в рассматриваемом далее переводе соблюдалось не всегда.

Новелла о Гризельде в переводах

В качестве подробного анализа основных переводов «Декамерона» на русский язык выбрана новелла о Гризельде. Последняя, сотая, новелла мало соответствует характеристике книги, изображающей человеческие пороки, и весьма отличается своей трагичностью. Этот сюжет можно тематически отнести к сюжетам об испытании жен, которые часто встречались в средневековой литературе [25].

В новелле рассказывается о пастушке Гризельде, которую взял в жены маркиз Салуццо по имени Гвальтьери, решивший подвергнуть свою супругу жесточайшим испытаниям. Через несколько лет совместной жизни, указывая на ее низкое происхождение, Гвальтьери отбирает дочь и сына и отправляет их на воспитание к родственникам, заставив всех поверить в то, что дети убиты. Гризельда послушно и безропотно отдает детей. В качестве последнего испытания маркиз велит Гризельде возвратиться в свой прежний дом к отцу и сообщает, что женится на другой. Через некоторое время он вызывает супругу, чтобы она подготовила дом к его свадьбе. Гризельда выполняет все, после этого маркиз признается в жестокости своих поступков и Гризельда его прощает. Объявляется праздник, на котором семья воссоединяется, а их повзрослевшие дети возвращаются во дворец.

Сюжет новеллы стал распространенным после его перевода на латынь Петраркой *De obedientia ac fide uxoria mythologia* («О замечательном послушании и супружеской верности») [19: 340]. Это единственная новелла из «Декамерона», переведенная им на латынь. Возможно, что сюжет привлек Петрарку именно своей трагичностью и выражением идей гуманизма. В 1373 году Петрарка встретился в Падуе с Чосером и рассказал этот сюжет. Чосер перевел историю о Гризельде на английский язык и включил в «Кентерберийские рассказы» под названием «Рассказ студента» (*The Clerk's Tale*) с ссылкой на перевод Петрарки [27: 289].

Сюжет новеллы стал быстро известен в Европе, он представлен у Ш. Перро в сказке «Гризельда» (1599), операх А. Скарлатти и А. Вивальди. Итальянский художник, сейчас известный лишь как Мастер истории Гризельды (см.:

[29]), создал в XV веке три картины, изображающие основные события новеллы. Они сейчас находятся в лондонской Национальной галерее.

На русский язык новелла переводилась чаще других, пять раз, и была одной из первых, переведенных из «Декамерона». До начала XIX века главы из «Декамерона» встречались в пересказах анонимных авторов. Из русских писателей, заимствовавших сюжеты из «Декамерона», можно назвать М. Д. Чулкова (1743–1792), который пересказал некоторые новеллы, в частности, одну из новелл второго дня он поместил в сборник «Пересмешник, или Славянские сказки» как повесть «В чужом пиру похмелье» [20: 43–47].

Перевод произведений Боккаччо в России начинает русский поэт К. Н. Батюшков, старавшийся «угадать манеру Боккаччо» [5: 10]. Для поэта, о котором А. С. Пушкин писал: «Батюшков... сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского» [16: 21], тема Италии и Флоренции эпохи Возрождения была очень важна. Он готовил перевод двух новелл: «Рассказ о моровой заразе во Флоренции» и «Гризельду» для планировавшейся, но нереализованной работы «Пантеон итальянской словесности» — книги статей и переводов отрывков из произведений, над которой писатель работал в 1816–1817 годах. В эту работу должны были войти, кроме Гризельды, отрывок из II песни «Освобожденного Иерусалима», фрагмент из «Исступления Орланда», «Письмо Бернарда Тасса к Порции о воспитании детей» [1: 508], «Пример дружества. Из Боккаччо, сказка» и новелла десятого дня о Тите и Джизиппе [5: 11].

По поводу перевода истории о Гризельде и «Рассказа о моровой заразе» К. Н. Батюшков писал Н. И. Гнедичу: «Сказка интересна: они и отрывок о заразе — capo d'opera италиянской литературы. Перечитай их с кем-нибудь, знающим язык италиянский, и что хочешь поправь. Но я, вопреки Олину, переводил не очень рабски и не очень вольно. Мне хотелось угадать манеру Боккачио. ...Но лучше напечатай мою „Гризельдушку“ и „Заразу“, — если выдержит ученый критический карантин. „Гризельда“ придаст интересу: будет что-нибудь и для дам» [2: 431].

В переводе К. Н. Батюшкова (1817) следует отметить особенности языка начала XIX века. В частности, в статье того же периода «Петрарка» [2: 129] используется устаревшее слово *сие* (*сии слова*) и оборот *муза петраркова*. В то же время в переводе «Рассказа о моровой заразе во Флоренции» характерные для перевода новеллы о Гризельде сочетания типа существительное + прилагательное, создающие впечатление сказочного повествования, встречаются редко.

Переведенная К. Н. Батюшковым новелла о Гризельде содержит 2769 слов. К особенностям этого перевода можно отнести использование большого числа предложений (157). Это самый большой показатель по сравнению с остальными. Первые 10 частотных слов — существительные, (включая имена главных персонажей Гвальтиери и Гризельда), 2 глагола (*говорить* и *отвечать*), 3 прилагательных (*бедный, счастливый, жестокий*). В переводе наиболее частым словом является *Гризельда* (28 упоминаний), *маркиза* — 22, *дочь* — 16, *Гвальтиери* — 16, *отец* — 16, *супруг* — 12, *подданный, невеста, замок, бедный* — 11, *женщина, говорить* — 10, *отвечать, слово* — 9, *друг, супруги, сердце* — 8, *ребенок, счастливый, жестокий* — 7.

Используются сочетания, придающие древнерусские, характерные для русских сказок звучание и певучесть, проявляющиеся в сочетаниях существительное + прилагательное: *союз брачный, узы брачные, пир свадебный, венец брачный, ковры узорчатые, гости почетные, пояса богатые, платье пышное, кольцо изумрудное, серьги яхонтовые, уборы великолепные, девиц боярских, кротость ангельская, послушание чудесное, друзья родные и именитые, воспитание отличное, труды сельские в дому отеческом, доброта сердечная, судьба несправедливая и жестокая, сел и городов соседних, в теремах великолепных, вид печальный и смущенный*. Из разговорных выражений можно выделить фразу *всякая всячина*.

Заметно использование вставок: *был довольно благоразумен и* ***особенно слыл таковым у женщин***[2] [1: 140]; ***у богатых за друзьями дела не станет*** [Там же: 141]; *закраснелась,* ***как алый мак*** [Там же]; ***свинцовое*** *бремя печали* [1: 146]; *с* ***колкою*** *улыбкою* [Там же]. Используются пояснения

в скобках: *(а она от стыда и радости света божия не видела)* [1: 142].

Во фрагменте, где Гвальтьери говорит, что его подданным не понравилось, что супруга родила девочку, Гризельда покорно выслушивает упрек и отвечает: «Делай что хочешь, государь, делай то, чего требует честь, польза и слава имени твоего» [Там же: 143]. «Signor mio, fa di me quello che tu credi che piú tuo onore e consolazion sia» [24: 1239]. Переводчик для фразы *onore e consolazion* (*честь и покой*) использует сочетание «честь, польза и слава», которое только порядком слов отличается от девиза ордена «Святого Владимира», учрежденного Екатериной II: «Польза, честь и слава»[3] [11: 7].

В тексте А. Н. Веселовского насчитывается 3400 слов и 82 предложения, текст переведен почти дословно. Используется устаревшая лексика: *вознамерился, почтенные мужи, худо, дабы, празднество, искус, урочное время*. Наиболее частотное слово — *жена* — 44 раза. Второе место у имени собственного Гвальтьери. Из 20 самых частотных слов 13 существительных, 5 глаголов, 1 прилагательное. Использование буквалистского стиля приводит к некоторым искажениям, в частности встречается фраза: *занялась приготовлением кухни*, в которой *кухня* понимается как пища.

В тексте Н. М. Любимова 3247 слов и 119 предложений. Наиболее частотными словами оказались имена главных персонажей *Гвальтьери* и *Гризельда* — 51 и 47 упоминаний соответственно. Слова *жена* и *дочь* встречаются 20 и 18 раз. Из первых самых упоминаемых слов 18 существительных: *Гвальтьери, Гризельда, жена, дочь, жениться, человек, невеста, дама, ребенок, дом, время, говорить, король, женщина, слово, маркиза, сын, друг, госпожа, слуга*; глаголы — *жениться, говорить*, другие части речи в этой группе не встречаются. Среди разговорных слов и выражений выделяются: *недюженный ум, ну так вот, бедняк, убогая лачуга, однако ж, затяжелеть, попрек, обставить дело, закручинилась, стряпня, лютая смерть, отрепья, вздор, закручиниться*. В переводе преобладает разговорная окраска, переводчик пытался сохранить общий настрой произведения: сочетание высокого и низкого, хотя в данной новелле низкий и даже разговорный стили отсутствуют.

Использование устойчивых образных выражений в переводах новеллы о Гризельде

К одной из особенностей переводов новеллы о Гризельде на русский язык относится добавление отсутствующих в оригинале устойчивых образных выражений, преимущественно, исконно русского происхождения. Фразеологизмы, даже нейтральные, дополнительно привлекают внимание читателя и делают текст более эмоциональным, поэтому использование дополнительных фразеологизмов будет рассматриваться относительно степени их стилистической окраски. При анализе образных выражений учитывалось, что, если фрагмент текста передан стилистически нейтральными компонентами, даже при включении фразеологизма, такой перевод может считаться успешным. Они были представлены в новелле переводами итальянских образных выражений, восхваляющих главную героиню. Также рассматривалась группа сочетаний, передающих содержание, но стилистически не соответствующих оригиналу.

Для анализа этой особенности переводов принималось во внимание значение и стилистическая окраска выражений, представленных в словарях, отражающих лексический состав языка периода выполнения перевода. Для анализа перевода К. Н. Батюшкова и А. Н. Веселовского использовались словари, ориентирующиеся на фразеологию ранних периодов, в частности словарь М. И. Михельсона [13; 14], созданный в конце XIX века, словарь под редакцией А. И. Федорова [18] и словарь В. И. Даля [12]. Перевод Н. М. Любимова анализировался по Толковому фразеологическому словарю 1967 года [17], то есть изданию, вышедшему в период создания перевода.

В общей сложности в переводах К. Н. Батюшкова, А. Н. Веселовского и Н. М. Любимова было выявлено 12 таких единиц. В переводах Веселовского фразеологизмы редки и обусловлены текстом оригинала: *напасти судьбы, нож в сердце, плод долготерпения*. В переводах К. Н. Батюшкова и Н. М. Любимова фразеологизмы используются чаще. С учетом стилистических характеристик фразеологизмы по степени релевантности в переводе можно разделить на три группы: 1) переданные так, как присутствуют в оригинале; 2) добав-

ленные, но стилистически соответствующие тексту оригинала; и 3) добавленные, но стилистически не соответствующие тексту оригинала.

К первой группе относятся три переведенные итальянские фразы, характеризующие стойкость главной героини: *assalto della nemica fortuna, queste parole fossero tutte coltella al cuor, frutto della tua lunga pazienzia*.

Первое из выражений *assalto della nemica fortuna* [24: 1244] упоминается, когда Гвальтьери выгоняет свою супругу. В переводах даны варианты: *презирая судьбу* (Батюшков) [1: 144], *суровые напасти враждебной судьбы* (Веселовский) [6: 324], *тяжкий удар злодейки судьбы* (Любимов) [7: 647]. Фразеологизм, использованный в последнем случае, дополнительно содержит экспрессивное слово *злодейка*, выражающее сочувствие, но придающее разговорный оттенок.

Queste parole fossero tutte coltella al cuor [24: 1244]. Выражение, упоминавшееся также в одной из новелл второго дня [Там же: 292], передано: *каждое слово, как острая игла колола чувствительное сердце* (Батюшков) [1: 143], *каждое из этих слов было ударом ножа в сердце* (Веселовский) [6: 325], *каждое слово было как острый нож* (Любимов) [7: 647]. Таким образом, итальянское выражение передано с помощью различных сходных оборотов: К. Н. Батюшков использует сравнение с острой иглой, А. Н. Веселовский усиливает выражение, добавляя *удар...в сердце* [6: 325], Н. М. Любимов использует почти буквальный вариант, совпадающий с русским устойчивым выражением.

Frutto della tua lunga pazienzia [24: 1247]. Это выражение, обычно представленное в форме *пожинать плоды*, сопоставимо с французской пословицей *La patience est amère, mais son fruit est doux — терпение горько, но его плоды сладки,* хотя в российских справочных источниках его чаще приписывают философу Ж.-Ж. Руссо [21: 462]. Оно передано с сохранением основных компонентов: *плоды терпения* (Батюшков) [1: 147], *плод твоего долготерпения* (Веселовский) [6: 327], *плоды твоего долготерпения* (Любимов) [7: 649].

Ко второй группе относятся четыре устойчивых сочетания, добавленных в переводах, но соответствующих тексту оригинала.

Ударить по рукам [1: 141] (*si convenne di torla per moglie* [24: 1235]) используется К. Н. Батюшковым во фрагменте, в котором Гвальтьери договаривается с отцом невесты бедным крестьянином Джанукколо. Другие переводы: *согласился с ним, что возьмет ее себе в жены* (Веселовский) [6: 319], *обо всем с ним уговорился* (Любимов) [7: 642]. Выражение указано в словаре М. И. Михельсона как иносказательное [15: 407]. Варианты А. Н. Веселовского и Н. М. Любимова, и ближе к тексту оригинала, в переводе Н. М. Любимова использовано разговорное слово *уговориться*.

Превозносить до небес [1: 147] (*sopra tutti savissima* [24: 1248]) встречается в окончании новеллы при описании пира, на котором маркиз раскаивается в жестокости к супруге и просит у нее прощения. Другие варианты переводов: *мудрее всех они сочли Гризельду* (Веселовский) [6: 328], *Гризельда еще умнее его* (Любимов) [7: 650]. Словарь Михельсона характеризует фразу как иносказательную [15: 112].

Не за страх, а за совесть [7: 644] упоминается в описании добрых качеств и добродетелей Гризельды, которые были признаны всеми при дворе маркиза. Итальянский литературовед В. Бранка (1913–2004) об этом эпизоде пишет, что всеми овладевает удивление и восхищение, которое «непосредственно свидетельствует об ориентации на агиографическую литературу и последовательно подводит нас к финальной сцене — апофеозу, где впервые женщина прославляется почти в тех же словах и выражениях, с помощью которых традиционно изображали Деву Марию» [8: 110].

Н. М. Любимов, выражая это всеобщее почитание, добавил фразу *не за страх, а за совесть*: «...с подданными же его она была так ласкова и милосердна, что все ее боготворили, служили ей не за страх, а за совесть, молились о ее счастье, благополучии и процветании». Выражение *не за страх, а за совесть* зафиксировано в Толковом фразеологическом словаре [17: 460] без дополнительных стилистических характеристик. Другие переводы: *каждый полюбил ее, как душу* (Батюшков) [1: 142], *не было никого, кто бы не любил ее более себя и не почитал от души* (Веселовский) [6: 321].

Вскружить голову (*costei non essere in alcuna superbia levata per onor* [24: 1239]). Покорность Гризельды, когда Гвальтьери упрекает ее за то, что родилась дочь, а не сын, в переводе Н. М. Любимова представлена следующим образом: «...честь, которую воздавали Гризельде... не вскружила ей голову» [7: 644]. Фраза в словаре Михельсона [14: 133] и Толковом фразеологическом словаре [18: 215] без стилистических помет. Остальные варианты: *не возгордилась от почета, какой оказывали ей* (Веселовский) [6: 232]. У К. Н. Батюшкова в данном отрывке эквивалент фразы отсутствует.

Третья группа состоит из пяти выражений, стилистически не соответствующих контексту: *нести крест, от добра добра не ищут, в чем мать родила, направо и налево, жить припеваючи*. В этой группе представлены преимущественно экспрессивно-разговорные фразы из перевода Н. М. Любимова. Выражение *нести крест* (Батюшков) добавляет торжественности, но при этом выглядит уместным.

Нести крест [1: 147] (*a loro di saperla tenere* [24: 1247]). В переводе К. Н. Батюшкова Гвальтьери, признавая свои ошибки, сравнивает испытания Гризельды с тяжелым крестом. А. В. Веселовский писал, что ее образу «не в состоянии противостоять вся поэзия рыцарства» [5: 14]. Библеизм здесь служит аллюзией на легенду из Евангелия от Иоанна (см. Иоанн, 19, 17) [3: 1650] о том, как Иисус нес крест, на котором его должны были распять. В отличие от предыдущих случаев, когда нейтральный текст становился эмоционально-разговорным, это библейское выражение уместно в описании торжественной сцены воссоединения семьи. Варианты из других переводов: *научить тебя быть женой* (Веселовский) [6: 327], *научить тебя быть примерной женой* (Любимов) [7: 649].

Поговорка *от добра добра не ищут* [Там же: 642] (*senza piú avanti cercare* [24: 1235]) упоминается в переводе Н. М. Любимова при описании намерения маркиза взять в жены девушку, которая ему давно нравилась. При отсутствии поговорки в тексте оригинала ее добавление вносит разговорно-просторечную окраску. Другие переводы: *отложа все поиски и расспросы* (Батюшков) [1: 141], *не ища далее* (Веселовский) [6: 319].

Разговорно-просторечные выражения *говорить направо и налево* [7: 646] (*con molti de' suoi disse* [24: 1242]) и *в чем мать родила* [7: 647] (*non m'è che ignuda m'aveste* [24: 1243]) используются Н. М. Любимовым при описании третьего испытания, когда маркиз, отобрав у нее сына и дочь, убедив, что их нет в живых, выгоняет Гризельду. Выражение *направо и налево* зафиксировано в Толковом фразеологическом словаре [17: 267] как разговорно-экспрессивное. Другие варианты: *объявил своим приближенным* (Батюшков) [1: 144], *сказал многим* (Веселовский) [6: 323]. Выражение *в чем мать родила* просторечное [17: 239]. Сочетание двух экспрессивных фраз в одном отрывке делает текст отличающимся от оригинала.

Жить припеваючи (*con gran consolazione vise* [24: 1248]). В окончании новеллы говорится о почете, оказанном отцу Гризельды. Для этого Н. М. Любимов использует экспрессивную фразу, характерную для русского фольклора: «Джаннуколе жил в почете и припеваючи» [7: 650]. Другие варианты: *тесть богатого владельца* (Батюшков) [1: 147], *поставил его, как тестя, в хорошее положение, так что он жил прилично* (Веселовский) [6: 328].

Наиболее близким к оригиналу в целом, хотя более дословным и академичным, оказался перевод А. Н. Веселовского. Особенно заметно присутствие дополнительных устойчивых выражений в переводах К. Н. Батюшкова и Н. М. Любимова. Фразеологизмы (4 единицы) из перевода К. Н. Батюшкова зафиксированы в словаре М. И. Михельсона [14;15] и все содержатся в Толковом фразеологическом словаре [17], что говорит о том, что текст перевода современен и понятен нынешним читателям, хотя и создан в начале XIX века. При этом преобладают нейтральные выражения и отсутствуют разговорные или экспрессивные выражения.

Для текста Н. М. Любимова характерна разговорно-эмоциональная окраска, что не всегда совпадает с подлинником. В этом переводе было использовано 5 устойчивых сочетаний, преимущественно разговорной окраски: *говорить*

направо и налево — экспрессивное, *в чем мать родила* — просторечное. В его переводе встречается наибольшее число разговорных выражений: *от добра добра не ищут, направо и налево, в чем мать родила, жить припеваючи*. Не исключая возможности добавления фразеологизмов, следует признать, что введение элементов, отсутствующих в оригинале, не желательно.

В ходе анализа новеллы о Гризельде были выявлены стилистические особенности оригинала и перевода, а также характерные черты, предпочтения каждого из переводчиков.

Заметной чертой русских переводов этой новеллы оказалось использование фразеологизмов, многие из которых у Боккаччо отсутствуют, а некоторые стилистически не совпадают. В переводе Веселовского, как и следует буквальному переводу, переданы лишь те, которые упоминаются в оригинале: *плоды долготерпенья*, *нож в сердце*. У К. Н. Батюшкова, текст которого напоминает сказочное повествование, использовались выражения высокого стиля: *плоды терпения*, *нести крест*.

Учитывая мнение о новелле литературоведа В. Бранки о певучести и возвышенности языка и сравнении этой новеллы с религиозной легендой (см.: [8: 109]), разговорный характер фразеологизмов искажает дух оригинала, что можно наблюдать в переводе Н. М. Любимова. Анализ фразеологизмов из фрагмента «Декамерона» свидетельствует об их функции создания более эмоционального текста. В переводах К. Н. Батюшкова, в тексте которого преобладает возвышенная лексика, и Н. М. Любимова, пользующегося разговорными выражениями, наблюдаются противоположные подходы. Переводы не исказили текст Боккаччо, но при этом русские тексты отличаются, что может считаться менее приемлемым для перевода, памятника итальянской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Горбунов Ю. А.* Писательницы России (Матер. для биобиблиографического словаря). — URL: http://madrona.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-17

[2] Вставки К. Н. Батюшкова выделены полужирным шрифтом.

[3] Сейчас эти слова стали девизом ордена «За заслуги перед Отечеством».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. Опыты в стихах и прозе. Произведения, не вошедшие в Опыты. 1989.
2. *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. Из записных книжек. Письма. 1989.
3. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Брюссель, 1973.
4. *Боккаччо Дж.* Гризельда // Европейские писатели и мыслители. СПб., 1882. С. 44–58.
5. *Боккаччьо Дж.* Декамеронъ: В 2 т. / Пер. А. Веселовского. Т. 1. М., 1896.
6. *Боккаччьо Дж.* Декамеронъ: В 2 т. / Пер. А. Веселовского. Т. 2. М., 1896.
7. *Боккаччо Дж.* Декамерон / Пер. Н. Любимова. М., 1989.
8. *Бранка В.* Боккаччо средневековый. М., 1983.
9. *Будагов Р. А.* Акад. А. Н. Веселовский как переводчик Боккаччо (к проблеме художественного перевода) // Изв. АН СССР ОЛЯ. М., 1958. Т. 17. Вып. 4. С. 343–352.
10. *Веселовский А. Н.* Боккаччьо, его среда и сверстники: В 2 т. СПб., 1893.
11. *Гаврилова Л. М., Голованова М. П., Сивова Н. А.* Польза, честь, слава: награды России. М., 2004.
12. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978.
13. *Любимов Н. М.* Несгораемые слова. М., 1983.
14. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
15. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
16. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 11. Критика и публицистика 1819–1834. Л., 1949.
17. Толковый фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
18. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. М., 1995.
19. *Хлодовский Р. И.* Декамерон. Поэтика и стиль. М., 1982.
20. *Чулков М. Д.* Пересмешник. М., 1987.
21. Энциклопедия мудрости. 2007.
22. *Boccaccio G.*Vita di Dante Alighieri. 1801.
23. *Boccaccio G.* The Decameron. n. d., World Public Library. org
24. *Boccaccio G.* Decameron. Torino, 1980.
25. *Bueler L. D.* The Tested Woman Plot: Woman's Choices, Men's Judgments, and the Shaping of Stories. Columbus, 2001.
26. *Burger H.* Phraseologie / Phraseology 01: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer. Berlin, 2007.
27. *Chaucer G.* The Canterbury Tales. Coradella Collegiate Bookshelf Editions. n. d. collegebookshelf.net
28. *Lepschy L., Lepschy G.* The Italian Language Today. Lnd., 1988.
29. National Gallery Technical Bulletin. Renaissance Siena and Perugia 1490–1510. Yale, 2006.

М. И. Меднис

ЖАНР ЮМОРИСТИЧЕСКОГО АФОРИЗМА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В РУССКОЙ ПЕРИОДИКЕ XX ВЕКА

MARIS I. MEDNIS

THE GENRE OF A COMIC APHORISM AND ITS EVOLUTION IN THE RUSSIAN PERIODICAL PRESS OF THE 20th CENTURY

Афоризм — жанр сложный для изучения. Афоризмы, опубликованные на страницах русской юмористической периодики XX века, занимают свое место в ряду других малых по объему юмористических текстов. По характеру схемы, на которой основывается комический эффект, среди них можно выделить примеры, использующие двойное значение слов. На протяжении XX столетия процент таких текстов увеличивается многократно. В то же время тематика становится более разнообразной. Это позволяет предположить единую траекторию в эволюции комического, описание и осмысление которой сыграло бы важную роль для изучения истории и специфики русского юмора.

Ключевые слова: афоризм, периодические издания, юмористика, малые жанры.

The article covers aphorism, a difficult genre to observe. The aphorisms took place in Russian comic journals of the 20th century just as others small humorous texts. The author concludes the comedic edge of the aphorisms can be designed in many ways; one of them is the use of the ambiguous words and notes that during the 20th century the percent of such texts gets is many times higher, while the subject becomes more various. Thus, the authors assumes a whole direction in the evolution of small comic texts, the description and understanding of the direction could make a figure in studying history and specifics of Russian humor.

Keywords: aphorism, periodicals, humor, small genres.

Марис Имантович Меднис

Аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета
► medniswoo@yahoo.com

Общепризнанного жанрового определения афоризма нет. Разнообразие его дефиниций даже приводит некоторых исследователей к выводу о том, что «афоризм как жанр собственно не существует»[1].

Традиционно афоризмом называют «изречение в сжатой форме, выражающее какую-нибудь мысль»[2], которое «стремится достичь внезапной убедительности исключительно средствами изощренного стиля»[3]. М. Л. Гаспаров относит к афоризмам «в фольклоре <...> поговорки и пословицы, в литературе — гномы или сентенции»[4]. Ю. Е. Прохоров отмечает, что термин «афоризм» «в большинстве работ <...> используется прежде всего в качестве родового по отношению к различным видам как воспроизводимых высказываний (пословицам, поговоркам, крылатым словам, девизам и т. п.), так и различным содержательно значимым высказываниям известных авторов»[5]. Несмотря на то, что часть исследователей придерживается прямо противоположного мнения, призывая отделять жанр афоризма от вышеперечисленных[6], для изучения афористики на страницах юмористической периодики оно гораздо продуктивнее. Иначе пришлось бы рассматривать «юмористические приметы», «юмористические поговорки» и пр. как отдельные жанры, что, при общей тенденции к межжанровой вариативности сюжетов и острот, значительно усложнило бы их понимание.

Следует отметить, что межжанровая вариативность в юмористических текстах малого объема — явление весьма распространенное. Одни и те же шутки могут быть использованы разными жанрами. Юмористический афоризм, например, может разрастаться до целого анекдота: «*АФОРИЗМ.*

– Петр Иванович, что вы думаете о мужчинах и женщинах, целые дни толкающихся на Невском?

– Да как вам сказать... Мужчина, гуляющий по Невскому вечером, иногда падает... Женщины же — сначала падают и уже только потом выходят гулять вечером на Невский»[7].

В качестве уникальной жанрообразующей черты, позволяющей отделять афоризм от других сверхмалых по объему жанров, исследователи называют такие признаки, как «пуантированность формы (изощренность стиля) либо — специфика содержания (глубокая, истинная мысль)»[8]. Очевидно, что, при всей субъективности данных признаков, для определения примеров юмористической афористики скорее подходит первый из них, поскольку, как отмечается теоретиками юмора[9], комическое находится за пределами морали и вне критериев достоверности, в связи с чем не может претендовать на дидактическую функцию.

В таком случае первостепенными факторами, отделяющими юмористическую афористику от других малых юмористических жанров (и в первую очередь — от анекдота), становятся сверхмалый объем (одна-две фразы), отсутствие контекста (афоризм — замкнутое клише, по терминологии Г. Л. Пермякова[10]), а также отсутствие фабулы и персонажей. От классической афористики юмористическая может отличаться своей функцией — в первую очередь развлекательной.

Впрочем, порой на страницах юмористических изданий встречаются вполне серьезные афоризмы. Например, в журнале «Стрекоза» за 1900 год было опубликовано 410 кратких изречений[11] под заголовками «Из Конфуция», «Новые пословицы и поговорки», «Из копилки мудреца», «Мысли и рассуждения» и пр., причем не все афоризмы исключительно комичны (ср. напр.: «*Первый седой волос у женщин — это первая нить, из которых плетется цепь воспоминаний*»[12] или «*Все человеческое трогательно. Тайный источник самого юмора не радость, а скорбь. В небесах нет юмора*»[13]).

Вне рубрик на страницах журнала появляются тематическая подборка коротких изречений, приписываемых великим английским полководцам[14], «мысли непризнанного трагика»[15], анонимные «отметки о петербургском лете»[16], мысли о желудке[17], фразы из памятки английского генерала[18] и посвящения работникам почтового ящика, состоящие из высказываний, озаглавленных именами известных писателей и философов[19].

Однако в подавляющем большинстве случаев афоризмы, опубликованные на страницах юмористических изданий, лишены дидактики и в первую очередь призваны рассмешить читателя, поэтому могут рассматриваться в ряду других сверхмалых по объему юмористических жанров (таких, как анекдот, велеризм, юмористический толковый словарь и т. д.). С ними юмористические афоризмы роднит также и характер схемы, на которой основывается комический эффект: это может быть «языковой» юмор, обыгрывающий двойное значение слов, и юмор «ситуативный», строящийся на неоднозначной ситуации, столкновении двух контекстов[20].

Афоризмов, комизм которых строится на игре слов, в «Стрекозе» 1900 года около 8%. Слово или фраза, имеющие двойное значение, иногда могут выделяться кавычками («*Дорогой обед не пес, а «кусается»*»[21]) или курсивом («*Отберите у создания живот и оно перестанет быть* ***животным***»[22]).

Наиболее популярным объектом сатиры являются женщины. Афоризмы, высмеивающие их, составляют около 17% от общего числа афористических текстов («*Лучше всего обманывает та женщина, которая всегда говорит только правду*»[23]). Характерен и интерес к мировым политическим событиям того времени, например: «*Не всяк — марксист, кто зол и форсист*»[24] или «*Легковерных дур побеждай, как бур*»[25], а 4% юмористических афоризмов — о китайцах, что показывает интерес к народному «ихэтуаньскому восстанию» против влияния иностранцев в Китае.

Следует отметить, что в дореволюционной юмористической периодике авторы афоризмов,

как и других небольших по объему юмористических текстов, предпочитали свои произведения подписывать либо инициалами, либо псевдонимами, которые, в свою очередь, тоже могли быть комичны[26].

В журнале «Осколки» за 1900 год юмористические фразы публиковались регулярно, под заголовками «Мысли», «Набросочки», «Пустячки», «Мелочишки» и пр. За год было напечатано 210 текстов, которые можно отнести к этому жанру. Вне рубрик появлялись советы «как иметь успех у женщин»[27], мысли Конфуция о войне[28], «что бывает *скорее*»[29] и пр.

Как и в «Стрекозе», некоторые из примеров не содержат комического элемента и могут быть вполне серьезны, например: «*Рабом следует считать того, кто не может распоряжаться своим временем*»[30].

Однако большинство примеров комичны, хотя комическая неоднозначность на языковом уровне обнаруживается только у 9% юмористических афоризмов. При этом слова и выражения, на которые опирается шутка, могут как выделяться кавычками: «*Франты и дачные дороги «пускают пыль в глаза*»[31], так и не выделяться: «*Свою любовь женщины дают нам только взаймы, и это называется у них взаимностью*»[32].

Довольно много юмористических афоризмов (около 20%) построено на парадоксальном сближении далеких понятий и образов, комическом переосмыслении известных текстов[33]. Одним из самых популярных приемов является неожиданное сравнение с животными, например: «*Обезьяны и купеческие дочки любят грызть орехи*»[34] или «*Пианистки и блохи не любят оставаться в покое*»[35].

О спросе на этот жанр свидетельствует, например, нехватка материала, которая приводит к тому, что на страницах одного журнала в одном и том же году, у разных авторов публикуются практически синонимичные в плане комического афоризмы, например: «*Старой деве кажется, что дни проходят с убийственной медленностью, а годы мчатся очень быстро*»[36] и «*Дни тянутся, а годы проходят незаметно*»[37]. Вместе с тем встречаются довольно непонятные фразы, например: «*Акушерки полезны*»[38] или «*Велосипедистам не следует есть гречневой каши*»[39], которые могут являться откликом на известные прецеденты того времени или же неудачной пародией на стиль Козьмы Пруткова.

Основными объектами сатиры являются отношения между полами (15%) («*Любовь делает женщину вдвое более привлекательной, а мужчину вдвое более глупым*»[40]), профессии (19%) («*И у трубочистов бывает чистая совесть*»[41]), в юмористической афористике «Осколков» отражается тема Китая, (3%), как и в других рубриках издания.

Более четверти юмористических афоризмов (25%), опубликованных за 1900 год в «Осколках», высмеивают женщин («*Слава женщины есть чаще всего ее бесславие*»[42]). Вероятно, столь «шовинистический» отбор является следствием ориентации юмористических изданий тех лет на преимущественно мужскую читательскую аудиторию, о чем свидетельствуют и довольно, по тем временам, откровенные иллюстрации, которыми пестрят страницы юмористических журналов.

Популярна «женская» тема и в «Будильнике» 1900 года: афоризмы, объектом сатиры которых является «прекрасный пол», появляются не только в виде тематических подборок, но и под рубриками «Арабески»[43] и «Мыслишка»[44], объединяющими высказывания самой разнообразной тематики. Двойное значение слов обыгрывается в 11% текстов[45]. В целом юмористические афоризмы появляются на страницах «Будильника» все реже: за 1900 год их число не превысило двухсот, а в дальнейшем продолжало постепенно[46] уменьшаться, как и в остальных рассмотренных юмористических изданиях[47].

В «Будильнике» 1910 года опубликовано всего 45 единиц жанра. В то же время сокращается разнообразие заголовков, объединяющих юмористические афоризмы по тематическому признаку[48], и к 1910 году подавляющее большинство текстов (78%) печатается под рубрикой «Заметки на полях», при этом наиболее популярными темами являются «женщины» (22%) и «финансы» (16%). Доля языкового юмора выросла до 18%.

Таким образом рубрики, в рамках которых существовала юмористическая афористика, по-

степенно исчезают со страниц изданий: например, за весь 1910 год в «Осколках» опубликовано всего 5 кратких внеконтекстных изречений[49].

В юмористической периодике советского периода афоризмы публикуются редко, а их авторы, как и в дореволюционных изданиях, большей частью либо скрываются под псевдонимами[50] или инициалами, либо не указаны вовсе. Такого типичного «профессионального остряка», который «выпускал не меньше шестидесяти первоклассных острот в месяц, которые с улыбкой повторялись всеми, и все же оставался в неизвестности»[51], описывают И. Ильф и Е. Петров в романе «Двенадцать стульев»,

В целом публикации на страницах юмористических журналов продолжают увеличиваться в объеме: текстов, меньшего размера, чем фельетон, совсем немного. Таким образом, юмористическая афористика становится «неформатным» жанром, и лишь к 1960 году вместе с другими сверхмалыми по объему жанрами, начинает полноценно возвращаться на страницы периодики.

В «Литературной газете» публикуется подборка коротких юмористических фраз, а рубрика «Крокодила» «Мимоходом» полностью отдается под краткие сентенции[52]. Знаменательно, что теперь каждый отдельный текст или подборка сопровождаются указанием авторства, что, безусловно, свидетельствует о повышении статуса авторов микротекстов и признании их литературной работы.

Возникает целый круг писателей, специализировавшихся на сочинении подобных произведений, которые присылали свои афоризмы как в «Крокодил», так и в «Литературную газету», это С. Альтов, М. Генин, В. Жемчужников, Е. Лец и др. Многие не только печатаются в этих изданиях десятилетиями, но как авторы афоризмов становятся известны и за пределами юмористической периодики: например, Ц. А. Меламед, рижский писатель-юморист, печатавшийся в «Крокодиле» с 60-х годов, впоследствии выпустил несколько юмористических сборников[53]; А. И. Фюрстенберг, являясь автором статьи об афористике в третьем издании Большой Советской Энциклопедии, в 1976 году основал и поныне функционирующий Московский клуб афористики[54], при поддержке которого издавались книги постоянных авторов «Крокодила» и «Литературной газеты» В. Коняхина, Б. Крутиера и др.

Следствием повышения статуса авторов афоризмов становятся случаи «заимствования» текстов: например, «*Брак, близкий к расчетному*»[55] публиковался как в «Крокодиле» 1970 года за подписью В. Канаева, так и в «Литературной газете» 1972 года, где его автором был указан А. Арабаджи[56], а фраза «*Краткость — сестра таланта. И тут семейственность!*» появилась под другой фамилией спустя целых восемь лет[57].

Популярность жанра продолжала возрастать. В «Крокодиле» за 1980 год было напечатано уже 325 юмористических афоризмов. Они публикуются не только под традиционной рубрикой «Мимоходом», но и под заголовком «Слова, слова...», при этом количество языковых шуток вырастает до 44%.

Тематика юмористических афоризмов становится настолько разнообразной, что не поддается классификации. Между некоторыми фразами прослеживается определенная связь и даже возникает своеобразная «полемика», например:

Дайте мне точку и я поставлю ее над «и»[58] *— Когда ставят точки над «и» частенько получаются кляксы*[59];

Эхо и на тигра рычит[60] *— Эхо за себя не отвечает*[61];

Уважайте труд Сизифа! Надпись на рабочем месте Сизифа[62] *— Ничто так не скрашивает сизифов труд, как приличная зарплата*[63].

В 1990 году эта тенденция закрепляется: «Литературная газета» по-прежнему стабильно выпускает свою рубрику «Фразы», а «Крокодил», продолжая печатать «Мимоходом», обильно дополняет отечественную юмористическую афористику переводными текстами авторов «соцлагеря»[64] и дружественных литераторов капиталистических стран[65]. При этом процент «языковых» шуток велик и составляет 39%, а если рассматривать исключительно непереводные материалы, то можно сказать, что комизм почти половины всех сентенций строится на языковой игре (48%).

Рассматривая историю афористики в юмористической периодике XX века, можно отметить несколько основных тенденций.

Во-первых, количество «языкового» комизма в юмористической афористике стабильно растет: за исследованный период происходит почти пятикратное увеличение процента шуток, основанных на игре слов.

Во-вторых, разнообразие заголовков, под которыми печатаются тексты этого жанра, стремительно падает, и на смену «тематическим» подборкам приходят обезличенные заглавия, объединяющие тексты самой разнообразной тематики, которая к концу века практически уже не поддается никакой классификации.

Исходя из указанных тенденций, логично предположить, что в начале XX века тексты этого жанра создавались с опорой на заданную тематику, к концу столетия основным поводом для появления юмористического афоризма становится сама возможность языковой игры.

Похожие тенденции наблюдаются и в других малых по объему жанрах юмористической периодики XX века, что позволяет предположить единую траекторию в эволюции комического, описание и осмысление которой сыграло бы важную роль для изучения истории и специфики русского юмора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кулишкина О. В.* Русский афоризм XIX — начала XX веков: эволюция и сферы влияния жанра: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. СПб., 2004. С. 4.

[2] *Эйгес И. Р.* Афоризм // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1925. Стб. 80–82.

[3] *Вешнев В. В.* Афоризм // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 1. М., 1929. Стб. 279–280.

[4] *Гаспаров М. Л.* Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 43.

[5] *Прохоров Ю. Е.* Афоризм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. С.42.

[6] См., напр.: *Эпштейн М. Н.* Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.43; *Шаталова С. А.* Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф. М. Достоевского (по матер. романов «Бесы» и «Подросток»): Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2000; и пр.

[7] Стрекоза. 1900. № 32. С. 3.

[8] *Кулишкина О. В.* Русский афоризм XIX — начала XX веков... С. 5.

[9] См., напр.: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 81; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 35; *Шкловский В. Б.* К теории комического // Эпопея. 1922. № 3. С. 66.

[10] *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. М., 1970. С. 9.

[11] 53 афоризма Козьмы Пруткова, опубликованные в № 10, посвященном его «полувековому юбилею», не учитываются.

[12] Стрекоза. 1900. № 31. С. 7.

[13] Стрекоза. 1900. № 13. С. 7.

[14] Например, «*Генерала Френча. Там, где я не могу показать нос, я показываю спину*» (Стрекоза. 1900. № 14. С.3).

[15] Например, «*Актер лезет на сцену, а молодая актриса — в публику*» (Стрекоза. 1900. № 17. С. 6).

[16] Например, «*В дачных лавках сильно зазеленела колбаса и ветчина*» (Стрекоза. 1900. № 24. С. 3).

[17] Например, «*Со всяким желудком приятно иметь дело до первого расстройства*» (Стрекоза. 1900. № 41. С. 3).

[18] Например, «*Сидишь в траншее, не вытягивай шеи*» (Стрекоза. 1900. № 45. С. 3).

[19] Например, «*Дураков на свете так много, что они должны считать за честь, если их принимают за сумасшедших. Гейне*» (Стрекоза. 1900. №39. С. 7).

[20] Подробнее см.: *Меднис М.* Анекдот, как фольклорный жанр (на основе материала латвийской периодики): Магистерская работа. Рига, 2004. С.41–55

[21] Стрекоза. 1900. № 35. С. 3.

[22] Стрекоза. 1900. № 41. С. 3.

[23] Стрекоза. 1900. № 18. С. 7.

[24] Стрекоза. 1900. № 4. С. 7.

[25] Стрекоза. 1900. № 6. С. 6.

[26] Например, Жупел (Стрекоза. 1900. № 5. С. 6), Птичка-невеличка (Осколки. 1910. № 18. С. 7), Тарарабумбия (Стрекоза. 1904. № 3. С. 13), Прибаутчик (Стрекоза. 1907. № 35. С. 3) и пр.

[27] Например, «*Прямо хвалите подругу той женщины, у которой вы добиваетесь успеха*» (Осколки 1900. № 25. С. 5).

[28] Например, «*Бамбук — самое верное и испытанное средство против трусости*» (Осколки. 1900. № 27. С. 5).

[29] Например, «*У женщины скорее лопается терпение, чем корсет*» (Осколки. 1900. № 36. С. 5).

[30] Осколки. 1900. № 52. С. 7.

[31] Осколки. 1900. № 27. С. 6.

[32] Осколки. 1900. № 44. С. 5.

[33] Например, «*Жена да боится мужа», — но из этого не следует, что она должна удирать от него с каким-нибудь корнетом гусарского полка*» (Осколки. 1900. № 43. С. 6).

[34] Осколки. 1900. № 3. С. 6.

[35] Осколки. 1900. № 49. С. 5.

[36] Осколки. 1900. № 37. С. 5.

[37] Осколки. 1900. № 47. С. 6.

[38] Осколки. 1900. № 7. С. 6.

[39] Осколки. 1900. № 8. С. 5.

[40] Осколки. 1900. № 52. С. 7.

[41] Осколки. 1900. № 4. С. 5.

[42] Осколки. 1900. № 47. С. 6.

[43] Например, «*Женщина спугивает языком птенцов своей мысли, не дав им опериться*» (Будильник. 1900. № 15. С. 9).

[44] Например, «*МЫСЛИШКА. Чтобы не пасть, женщина никогда не должна искать... «опоры*» (Будильник. 1900. № 20. С. 9).

[45] «*Голос совести силен, но шепот кредитных бумажек еще сильнее*» (Будильник. 1900. № 15. С. 9).

[46] В «Будильнике» 1904 года опубликовано менее 150 юмористических афоризмов, а в 1907 году — всего 55.

[47] Например, в «Стрекозе» 1904 года напечатано около 140 единиц этого жанра, а в 1907 — чуть больше сотни; в «Осколках» за 1904 год — 114, а в 1907 году — уже только 98.

[48] Например: Изречения Конфуция XX столетия // Будильник. 1900. № 15. С. 9; Сцена и жизнь. (из записной книжки актера) // Будильник. 1904. № 5. С. 9; Из книги любви // Будильник. 1907. № 34. С. 9 и пр.

[49] Например, «*Мужчины, всех без исключения вероисповеданий — бессознательные последователи закона Магомета — по пристрастию к многоженству*» (Осколки. 1910. № 35. С. 6).

[50] Например, Гулик (Крокодил. 1930. № 4. С. 11); Беспартийный Савелий Октябрев (Крокодил. 1930. № 5. С. 2); Племянник Савелия Октябрева (Крокодил. 1930. № 11. С. 2); Ипа (Крокодил. 1930. № 13. С. 4) и др.

[51] *Ильф И.А., Петров Е. П.* Собр. соч.: В 5 т. / Под ред. А. Г. Дементьева, В. П. Катаева, К. М. Симонова. Т. 1. М., 1961. С. 225.

[52] Например, «*Не позволяй людям много о тебе думать, делай это сам*» (Крокодил. 1960. № 7. С. 6).

[53] Например, *Меламед Ц. А.* Премиальные бивни: Афоризмы, побасенки, эпиграммы, юморески. Рига, 1980; *Меламед Ц. А.* Между прочим...: Афоризмы и шутки. Рига, 1982; *Меламед Ц. А.* Поэмы на диете: Юмор. Рига, 1984; *Меламед Ц. А.* Безотказный бумеранг: Афоризмы, юморист. стихи и проза. Рига, 1990. и пр.

[54] http://cdri.ru/soviet/aforistica.php (дата обращения 12.10.2012).

[55] Крокодил. 1980. № 18. С. 10.

[56] Литературная газета. 1972. № 17. С. 16.

[57] А. Алексейчик. Литературная газета. 1972. № 14. С. 16; С.Марков. Крокодил. 1980. № 22. С. 6

[58] В. Колечицкий. Литературная газета. 1972. № 12. С. 16

[59] А. Фюрстенберг. Литературная газета. 1972. № 25. С. 16.

[60] Крокодил. 1980. № 1. С. 13.

[61] Крокодил. 1980. № 35. С. 5.

[62] Крокодил. 1980. № 17. С. 15.

[63] Крокодил. 1980. № 20. С. 4.

[64] Например, «*Под большими знаменами легче прятаться*» (*Г. Лауб (ФРГ)* Избранное из ненаписанного. Крокодил. 1990. № 29. С. 14).

[65] Например, «Величайшие разочарования и величайшие опасения — вот почва для лучших шуток» (К.Воннегут. Крокодил. 1990. № 16. С. 7).

***Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров...**

(Продолжение. Начало на с. 44)

цикл», за которым стоит фрагмент развития речевого взаимодействиия, относительно самостоятельное содержательно-логическое единство в его речевом воплощении. Типовые элементарные диалогические циклы — это «вопрос > ответ», «сообщение > его оценка», «побуждение к действию > выполнение этого действия». При этом цикл может строиться как в монологической, так и в диалогической форме. Диалогические циклы могут быть не только двухкомпонентными, но и более полными: «вопрос > ответ > коррекция ответа»; побуждение к действию > выполнение действия > обоснование необходимости его выполнения» и др.

Общее компонентное единство обеспечивается типовой целеустановкой, характерной для избранной сферы общения. Можно критиковать термин *диалогический цикл,* впервые предложенный в рамках психологии (в стилистике к данному феномену возможно применение имеющегося в речеведении термина *диалогическое единство*), как и формулировку отдельных компонентов цикла (выполнение действия может быть и неречевым, корректнее было бы говорить об информировании как о выполнении действия), однако позитивного отношения заслуживает поиск крупных структурированных компонентов текста. Вне речевых множеств, на базе элементарных языково-речевых единиц убедительные трактовки жанра и текста невозможны. Л. Р. Дускаева включается в направление современной лингвостилистики — поиск комплексных единиц жанрово-текстового описания, справедливо подчёркивая, что функциональное направление требует переосмысления составляющих текста.

Автор монографии не ограничивается выявлением и описанием циклов в их отдельном и самостоятельном виде, в работе прослеживаются типичные цепочки циклов, характерные для отдельных жанров. Так выявляется композиционная сторона речевого жанра — в виде последовательности циклов, а также устанавливаются циклы, характерные для определённых жанров. Таким образом, характеристика жанра включает в себя все три жанровых компонента, по Бахтину: тематический, композиционный и стилистический. При этом

(Окончание на с. 71)

Н. А. Володько

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОЗЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-САТИРИКОВ

NATALIA A. VOLODKO

LANGUAGE GAME WITH PROPER NAMES IN MODERN SATIRISTS PROSE

В статье рассматривается типология приемов языковой игры на основе имен собственных в произведениях писателей сатирического жанра конца XX — начала XXI века (М. Задорнов, М. Жванецкий, Е. Смолин, С. Альтов), а также устанавливается функциональная роль приемов языковой игры на основе антропонимов, топонимов и других онимов в художественном тексте.

Ключевые слова: языковая игра, имена собственные, язык сатиры.

The article covers the typology of receptions of language game with proper names in satirists's pieces of writing of the end of the XX-th and the beginning of the XXI-st century (M. Zadornov, M. Zhvanetsky, E. Smolin, S. Altov). A functional role of receptions of language game with personal names, place names and others names in the art text is represented as well.

Keywords: language game, proper names, satire language.

Наталья Александровна Володько

Соискатель кафедры русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета
► Volna1984@mail.ru

Особенностью сатирических произведений исследователи называют рефлексию особого рода, которая заключается в «способности быстро откликаться на события современной автору жизни» [1: 3], при этом такая рефлексия предполагает использование языковых средств, реализующих комическое начало. В силу этого язык сатиры всегда привлекал внимание лингвистов. Однако обычно работа по определению специфики сатирических произведений проводится на обширном материале русской литературы XIX — начала XX века и не затрагивает творчество писателей-сатириков конца XX — начала XXI века, за исключением единичных исследований (напр.: [5]). Поэтому наше внимание будет сосредоточено на творчестве таких писателей, как Михаил Задорнов, Михаил Жванецкий, Ефим Смолин, Семен Альтов.

Изучение приемов языковой игры на основе имен собственных целесообразно в контексте глубокого изучения языка сатиры как особого жанра художественной литературы, поскольку имена собственные не только участвуют в создании культурного фона, колорита художественного текста, но и отражают идейно-художественный замысел самого автора, демонстрирующего жизнь под определенным углом зрения. Наше обращение к именам собственным как основе языковой игры обусловлено не только слабой изученностью данного вопроса на материале современной сатиры, но и важностью определения функциональной роли приемов языковой игры на основе антропонимов, топонимов и других онимов в художественном тексте, так как этот вопрос остался за пределами внимания исследователей.

Наиболее широко в творчестве современных писателей-сатириков представлена языковая игра на основе имен собственных, которая реализуется в следующих риторических приемах: 1) образование окказионализмов на основе имен собственных; 2) каламбур; 3) трансформация фразеологизмов; 4) использование прецедентного имени; 5) трансформация прецедентного имени; 6) переосмысление внутренней формы слова; 7) гомеология.

Под риторическим приемом мы будем понимать «способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (контекстом и/или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле» [7: 274]. Рассмотрим более подробно названные приемы с точки зрения их структуры и функций в текстах произведений современных писателей-сатириков.

Анализ материала показывает, что частотным приемом языковой игры на основе имен собственных является образование **окказиональных слов**, продуктивной основой которых являются ономастические единицы. Под окказионализмами мы понимаем «неузуальные речевые единицы <...>, создаваемые говорящим или пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом» [Там же: 193]. Такие слова имеют статус риторического приема, поскольку создаются и употребляются намеренно. Как правило, они необычны и выразительны. Так, Ефим Смолин в рассказе «Кусок таланта», используя способ словообразовательной контаминации, образует следующие окказиональные единицы, обозначающие средства передвижения по воздуху: *«Писатель Ларин летел на своем атомном **„Звездорожце“** и думал о том, что жизнь не сложилась <...> снова подумал о Фоменко: у того был фирменный **„Жигулет“** с фотонным двигателем»*.

Михаил Задорнов использует в своих произведениях окказионализмы, совмещая их с графоном: ***СШАкалы, ХАМерика.*** В данных примерах ярко выражается негативная оценка автором описываемых явлений. Помимо эмоционально-оценочной в этих примерах обнаруживается смыслообразующая функция — создание нового содержания за счет оригинального использования языка. Языковая игра с именами собственными в этом случае выступает средством создания новых смыслов, новых ассоциативных связей между смыслами слов в ходе осуществляемой творческо-коммуникативной деятельности.

Значительную часть примеров языковой игры на основе имен собственных составляют **каламбуры** — «разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, паронимия (в широком смысле, включая парономазию) и антонимия» [3: 234]. Так, Ефим Смолин в рассказе «Эсперанто» использует имена собственные для создания каламбуров на основе парономазии и трансформации фразеологизмов: *«Подожди! Куда ты уходишь? Что ты сразу от ворот... — **Поворотти** делаешь?» «Я говорю, у меня от твоей ценя... эти... глазунио на лоб лезут, вот! **Челентано** отвисло...»* Заменяя слова *«поворот»* и *«челюсть»* парономазами *«Поворотти»* и *«Челентано»* и включая их в устойчивые словосочетания *«От ворот поворот»* и *«Челюсть отвисла»*, автор, во-первых, привлекает внимание читателей, а во-вторых, реализует комическую функцию языковой игры — вызывает улыбку, смех, создает шутливое настроение.

На принципе обыгрывания многозначности слова строится следующий каламбур Михаила Жванецкого: *«Только с этим не ко мне, а к жене моей. **До Фени. До Фенички**»*. Достижению комического эффекта способствует одновременная реализация просторечного текста (*до Фени*, в значении *к Фене*) и грубого жаргонизма (*до Фени*, в значении *все равно*)

Современная сатира предполагает активное использование прецедентных имен, причем как дословных, так и трансформированных. Устойчивость ассоциаций, связанных с неким лицом, позволяет автору использовать его имя для обозначения людей, обладающих чертами, сходными с чертами первоначального носителя данного имени. Семен Альтов уже в заглавии

миниатюры использует прецедентное имя «Агата Кристи»:

«Как она догадалась, что у меня кто-то был? Никаких следов. Наоборот! Стиральным порошком вымыл пол. Ужин подал, а пока ела, затеял стирку! С мебели пыль стер чуть не с лаком! Непрерывно выносил мусор, целуя ее по дороге и орал на весь дом, что лучше ее никого в мире нет... Вдруг чувствую, — по физиономии хрясь! Как вычислила? ***Агата Кристи****».*

В приведенном примере широко известное имя дается без изменения, происходит прямой перенос из одного текста в другой. Такие имена мы называем **дословными прецедентными именами**. Они представляют собой свернутую информацию, получаемую из предшествующих текстов, и являются одним из способов характеристики, поскольку образ того или иного литературного персонажа, исторического лица вызывает в сознании реципиента ассоциативный ряд признаков.

Помимо дословных прецедентных имен авторы используют и трансформированные имена, в которых частично изменен внешний облик, однако прототип легко узнается. Трансформированное прецедентное имя, как правило, выполняет оценочную функцию, причем дается оценка не выдуманным героям, а их прототипам. В соответствии с жанром анализируемых произведений — сатирические рассказы — эта оценка носит характер сатиры. Так, Ефим Смолин, называя один из своих рассказов ***«Улица подбитых фонарей»,*** трансформирует название известного в последнее десятилетие сериала «Улица разбитых фонарей». Заметим, что в данном примере ирония строится и на многозначности слова фонарь: 1) осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки, трубки, в которой помещается источник света; 2) синяк под глазом от побоев, от ушиба (разг.). Главными действующими лицами названного рассказа являются: ***Толстый Нахалис*** (трансформация фамилии милиционера Дукалис с намеком на внешность героя), ***Цементская*** (трансформированное имя киногероини Каменской, занимающейся расследованием уголовных дел) и ***Щеглов*** (трансформированное прецедентное имя Глеба Жеглова — одного из главных героев кинофильма «Место встречи изменить нельзя», оперативного работника Московского уголовного розыска). В случае трансформации прецедентных имен реализуется и так называемая маскировочная функция языковой игры: языковая шутка позволяет обойти цензуру. По словам В. З. Санникова, «говорящий прячется за язык» [4: 27].

Своеобразной трансформацией личных собственных имен является образование прозвищ. «Масштаб всенародной языковой игры особенно заметен в такой сфере русского коммуникативного пространства, как прозвища» [6: 289]. Писатели-сатирики в своих рассказах отражают результат языковой игры русского народа в отношении фамилий известных личностей, чаще всего связанных с политикой и государственным устройством страны. Так, в миниатюре М. Задорнова «Пахан» мы встречаем следующие примеры творческого словообразования в системе политических прозвищ: ***Беня*** — Борис Николаевич Ельцин, ***Лужок*** — Юрий Михайлович Лужков, ***Жирик*** — Владимир Вольфович Жириновский, ***Козел отпущения*** — Андрей Владимирович Козырев, ***Степаша*** — Виктор Степанович Черномырдин. Здесь выражается отношение писателя (а возможно, и жителей страны) к современной политике, к людям, достигшим вершин власти.

Следует отметить, что современные писатели-сатирики часто подвергают имена собственные намеренному переосмыслению, в результате которого дают имени иное, игровое толкование. Например: *«****Парагвай****! Кто такие гваи, что их в стране всего пара?* ***Я-майка****! Надо ж!? Кто-то считает себя майкой. Наверное, на этой Ямайке все жители футболисты. А кто-то из королей, видно, переживал, что он небольшого роста и назвал своё королевство по-честному:* ***Я-мал****!»* Или: *«А с чего Париж начинался? С Елисейских полей! Вслушайтесь:* ***Ели-сей-ские поля****. Кто в истории на полях всегда еле сеял? Только наши!»* *«****Шварценеггер*** *— все-таки негр? Или еврей Шварц?» (М. Задорнов. «Всюду наши»).*

В текстах современных писателей-сатириков можно встретить игру с именем собственным

на основе **гомеологии** — стилистического приема, заключающегося в повторении однотипных морфем. Например:

> «***Горький пил горькую! Бухарин бухал! Киров кирял!***» *Разоблачайте всех и вся... (М. Задорнов. «Из достоверных источников»). Или: Скоро, как пить дать, все города на свою капусту перейдут.* ***В Саратове будет один сарай, в Хабаровске — одна харя****... (М. Задорнов. «Пахан»).*

По мнению Е. А. Земской, М. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой, языковая игра может иметь изобразительный характер — «служить для имитации человека, чьи слова передает говорящий, или для наглядного изображения ситуации говорения» [2: 175]. С нашей точки зрения, эта функция реализуется в следующих примерах языковой игры на основе имен собственных из произведения Ефима Смолина «Урмас и грузин»:

> *1. «Грузин. В Америку? Никогда!*
>
> *Урмас. Но почему? Может, вам просто не нравится, что там* ***Пилл Клинтон****?*
>
> *Грузин. Слушай, какое мне дело, что он там пил? Вообще это Ельцин про него такой слух распустил, что он пьющий...*
>
> *Урмас. Ельцин?*
>
> *Грузин. Да! На пресс-конференции, при всех: «Мой друг пил, мой друг пил...»*
>
> *2. «Грузин. Урмас — интересное имя... (Протягивает руку.)* ***Гамарджоба****...*
>
> *Урмас. Тоже интересное имя —* ***„комар... жопа“...»***

Отметим, что факты языковой игры нельзя рассматривать вне определенного контекста, так как экспрессивность высказывания, как правило, обусловлена их необычным сочетанием с окружающим контекстом.

Таким образом, с помощью языковой игры на основе имен собственных реализуются авторские установки, делающие современный сатирический текст прагматически интенсивным. Привлечение внимания, эмоциональное воздействие, оценка, поддержание контакта с читателем, побуждение к действию — все эти задачи писатели-сатирики успешно решают через использование различных приемов языковой игры с различными ономастическими единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дергилёва Ж. И.* Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении :на материале дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008.

2. *Земская* Е. А. *Языковая игра* // Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь. М., 1983. С. 172–214.

3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.

4. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

5. *Трач А. С.* Феномен М. М. Жванецкого: жанровый и прагмалингвистический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007.

6. *Фельде О. В.* Прозвища политиков в свете теории языковой игры // Игра как прием текстопорождения: Коллективная монография. Красноярск, 2010. С. 288–296.

7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М., 2005.

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ *(Окончание. Начало на с. 18, 24, 28, 33)*

Важным итогом семинара явились и завязавшиеся в процессе его работы профессиональные и дружеские контакты между учителями, работающими в разных странах, которые они используют в работе со своими учениками. Учителя высказали слова благодарности Герценовскому университету, организовавшему семинар, и фонду «Русский мир», обеспечившему его финансовую поддержку, а также выразили надежду на продолжение традиции ежегодного семинара.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Русский язык: современная языковая ситуация и речевая культура. Матер. междунар. научн.-практ. семинара. 21–28 марта 2011 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб., 2011; Русский язык: нормы и правила современной коммуникации: Учебно-методич. матер. междунар. научн.-практ. семинара 2–9 апр. 2012 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб., 2012; Правильность и эффективность русской речи: Словарные материалы для преподавателей русского языка (к междунар. семинару «Русский язык: Современная языковая ситуация и речевая культура») / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб., 2013.

А. И. Дунев, В. Д. Черняк

Н. А. Азаренко

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АНТОНИМИЧНЫХ АВТОРСКИХ МЕТАФОР «ЛЮБОВЬ — БОЖЕСТВЕННОЕ ЧУВСТВО» И «НЕНАВИСТЬ — БЕСОВСКОЕ ЧУВСТВО» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

NADEZHDA A. AZARENKO

THE LINGUISTIC REALIZATION OF "LOVE, THE DIVINE FEELING" AND "HATRED, THE DIABOLICAL FEELING", AUTHOR'S METAPHORIC PATTERNS IN FYODOR M. DOSTOEVSKY'S "CRIME AND PUNISHMENT"

В статье анализируется языковое представление православных метафор «любовь — божественное чувство» и «ненависть — бесовское чувство» в тексте романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Посредством адекватной авторскому замыслу дешифровки названных метафорических моделей может быть исследована не только православная картина мира самого Достоевского, но и тот смысл, который писатель хотел донести до читателей посредством первого романа «великого пятикнижия».

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, картина мира.

The article covers the linguistic representation of Crime and Punishment "Love, the divine feeling" and "Hatred, the diabolical feeling" orthodox metaphors. The authors concludes that by deciphering the metaphoric pattern, relevant to the author's plan, not only Dostoevsky's Orthodox world view than can be analyzed, but the very sense he had intended for the readers via the first novel of the "Great Pentateuch".

Keywords: cognitive metaphor, metaphoric patterns, world view.

Надежда Александровна Азаренко

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры современного русского языка и методики его преподавания филологического факультета Липецкого государственного педагогического университета
► azarenko.nadezhda@yandex.ru

В последние десятилетия большой интерес у лингвистов вызывает когнитивная теория метафоры [10], в рамках которой метафора понимается как ментальная операция, проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, широкий класс случаев осмысления сущностей одной понятийной области в терминах другой. Другими словами, метафоризация представляет собой взаимодействие двух структур знания: структуры источника (хорошо знакомого) и структуры цели (чего-то нового).

На данном этапе развития языкознания не подвергается сомнению, что в метафорических значениях и способах их выражения отражается мировосприятие: и индивидуальное, и этническое. По мнению В. Г. Гака, изучение языковых и речевых метафор открывает возможность «проникнуть в общие закономерности человеческого мышления» [5: 13], позволяет дешифровать представления о мире конкретного человека и, если речь идет о художественном произведении, максимально определить смысл, вложенный автором в свое творение, сознательно или бессознательно. То есть метафорические употребления являются одним из способов объективации концептуальной информации в языке художественных произведений.

Таким образом, можно сказать, что в современных когнитивных исследованиях метафора рассматривается как один из инструментов концептуализации мира, как способ проникновения в процессы речемыслительной деятельности человека, способ познания его картины мира. Особенно актуально это, на наш взгляд, применительно к великим именам нашей классической литературы, особенно к Достоевскому.

В настоящей статье мы предпринимаем попытку проанализировать особенности миропонимания писателя посредством исследования

его специфической особенности представлять одну понятийную область (христиански ориентированную) в терминах другой (бытовой, обыденной, эмпирической). Исследование христианского творчества Достоевского с метафорической точки зрения является *новым* для лингвистической науки и может представлять интерес не только для лингвистов, но и для литературоведов.

Новизна подхода к анализу художественного текста в целом и к метафоре в частности предопределили и нетипичную *методику исследования*. В качестве основного метода исследования может быть назван метод обязательного учета авторских интенций и читательского восприятия произведения, близкий к методу рецептивной эстетики; использовался также широко распространенный в социологии и психолингвистике метод ассоциативного эксперимента.

Именно ассоциация лежит в основе когнитивной метафоры. Устойчивые ассоциативные соответствия между областью источника и областью цели называются метафорическими моделями ([1] и др.). Любая метафорическая модель, существующая в индивидуальном или коллективном сознании, воплощает некий стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт человека и его представления о мире [15: 116].

Представления о мире Достоевского нашли реализацию в разных метафорических моделях, в частности в анализируемых далее субъективных, творческих моделях «любовь — божественное чувство» и «ненависть — бесовское чувство».

На особую значимость метафорических моделей в художественном тексте обращали внимание многие исследователи. Несмотря на общую природу метафорических моделей, они неодинаковы в научных текстах и в художественных произведениях. В первых авторы опираются в основном на общеязыковые (онтологические, структурные, пространственные и т. п.) метафорические модели, во вторых — на субъективные авторские метафоры. Что касается анализа общеязыковых метафор, то их исследованию и структурному описанию посвящено много работ ([13] и др.). Что же касается конкретных субъективных авторских метафор (которые называются также окказиональными [12: 37], живыми, творческими [8: 139]), то они изучены, на наш взгляд, недостаточно, хотя в современной лингвистической науке интерес к этому вопросу неуклонно растет.

Творческие авторские метафоры имеют особую значимость для исследования идиолектной нормы, поскольку метафорические модели варьируются для каждого конкретного автора текста, в особенности художественного, в зависимости от его взглядов на мир, системы ценностей, поэтому их можно назвать субъективными.

Стоит отметить, что при дешифровке авторских метафор надо помнить, что часть значения высказывания, представляющего собой метафору, лежит за пределами строго лингвистического содержания высказывания, если под таковым понимать суждение, выраженное лексическими, морфологическими и синтаксическими элементами предложения. Л. Брандт и П. А. Брандт называют это «психологическим аспектом понимания семантического содержания метафоры», а пространство, в котором метафорические высказывания приобретают то значение, которое в них вкладывается, — «семиотическим пространством» [4: 6–8].

В религиозном мировосприятии Ф. М. Достоевского «сила Бога — это сила любви», «Бог есть любовь» [3: 149]. Ненависть же, безусловно, является противоположным чувством и почти всегда у Достоевского инфернально маркирована. Такое понимание человеческих чувств глубоко индивидуально и почти не закреплено в узуальных значениях слов «любовь», «ненависть» и однокоренных лексем.

Так, существительное «любовь» в современных толковых словарях представлено такими значениями: «чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.», «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола», «внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л.» [14, т. 2: 209].

Заметим, что в толковых словарях не обозначена связь любви с божественной сферой. В библейских энциклопедиях и справочниках констатируется: «Бог есть любовь». Любовь всегда была

сущностью Божьего отношения к миру. Этой любовью Господь возлюбил мир, и, как Божий дар, она — часть христианской жизни. Любовь — знак Божьего присутствия в жизни христианина. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, — говорит Иисус, — если будете иметь любовь между собою» [3: 149].

В лексеме «ненависть» современные толковые словари также не фиксируют сакральных сем. Библейские энциклопедии и справочники [2; 3] не содержат объяснения этого слова, что вполне понятно, поскольку христианская вера основана именно на любви.

Несмотря на отсутствие религиозных дефиниций, можно на основе абсолютной противопоставленности понятий, а следовательно, и антонимии слов «любовь» и «ненависть» сформулировать религиозное значение негативно маркированного слова: ненависть есть безусловное порождение темной, или теневой, стороны бытия, можно сказать, порождение сатаны. Именно чувство ненависти к кому- или чему-либо обычно заставляет совершать греховные действия, а «грех как деяние, дело, действие — всего лишь ответ человека на вызов и соблазны дьявола, на его наущение на грех, и только Бог может простить этот грех или избавить от него. Расплатой за грех, то есть за соблазн, становится горе и беда...» [9: 36].

Достоевский, глубоко верующий человек, не мог не перенести религиозные убеждения на страницы своих творений, и эта, глубинная, религиозность обусловила религиозное прочтение им основных человеческих чувств. Благодаря метафоре как способу видеть один объект через другой, писатель репрезентирует в текстах романов христианский смысл, ориентированный на тексты Священного Писания.

Антонимичные метафорические модели «любовь — божественное чувство» и «ненависть — бесовское чувство» в тексте романа «Преступление и наказание» лексически представлены в плане частотности различно: существительное «любовь», глагол «любить», их дериваты выявлены в 159 употреблениях, лексемы «ненависть», «ненавидеть» и их производные — в 33.

Негативно маркированная модель представлена также сочетанием глагола «любить» с отрицательной частицей «не», например, при характеристике убийцы, а значит, отошедшего от Бога грешника Родиона Раскольникова («*Раскольникова уважали, но* ***никто не любил***» [6: 43]). В контексте характеристики убийцы предикат «не любил», «усиленный» отрицательным местоимением «никто», не только эксплицирует структуру источника авторской метафоры «ненависть есть бесовское чувство», но одновременно имплицирует структуру цели этой же метафорической модели, посредством антропонима «Раскольников» в функции прямого дополнения. Поясним: Раскольников — убийца, то есть, по Достоевскому, отошедший от Бога грешник, а грех в религиозной картине мира писателя всегда результат «научений» сатаны.

Антонимичную творческую метафору «любовь есть божественное чувство» реализует, например, следующий фрагмент текста:

> *«Это (Разумихин) был необыкновенно веселый и сообщительный парень,* ***добрый*** *до простоты. Впрочем, под этою простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это,* ***все любили его***» [Там же].

Прилагательное «добрый», использованное при характеристике Разумихина, у Достоевского последовательно выражает контекстное приращение смысла, связанное со своего рода авторской метафорической «богопринадлежностью» персонажей, наделенных писателем этим качеством. Таким образом, прилагательное «добрый» выступает на имплицитном уровне в качестве языкового представителя структуры цели анализируемой метафоры, структура источника представлена столь же «предельно», как и в случае с рассмотренной выше антонимичной метафорой: если семантика предиката «не любил» из предыдущего примера усиливается местоимением «никто», то сказуемое «любили» из последнего предложения второй цитаты «расширяется» за счет семы «всеохватности» в структуре лексического значения подлежащего, выраженного определительным местоимением «все». Перед нами излюбленный Достоевским прием противопоставления демонически и божественно метафоризованных образов.

Стоит отметить, что на настоящую, бескорыстную любовь у Достоевского способны лишь «христоликие», как их назвал Иустин Попович [7: 24], персонажи. К таким образам, безусловно, относится образ Разумихина, именно поэтому он способен не только вызывать любовь **всех** к себе, но и сам не способен относиться к миру иначе, нежели с любовью: его чувства характеризуются Достоевским с помощью многочисленных словоформ с корнем -люб-, эксплицирующих структуру источника метафоры «любовь есть божественное чувство». Приведем некоторые примеры подобных словоупотреблений:

> «*Я это* ***любя*** (Раскольникова) *говорю* ...» [6: 98]; «*Я его* (старого дядю)... ***люблю***» [Там же: 104]; «*Если б вы только знали, как я* (Разумихин) *вас обеих* (мать и сестру Раскольникова) ***люблю!***» [Там же: 154]; ... *я* (Разумихин) *ведь их всех уважаю; даже Заметова... **люблю**... Даже этого скота Зосимова, потому — честен и дело знает...*» [Там же: 156]; «*Он* (Разумихин) *человек деловой, трудолюбивый, честный и* ***способный сильно любить***» [Там же: 327]; «*Дмитрий Прокофьич, спасибо ему, заходит со мной посидеть и все об тебе говорит.* ***Любит*** *он тебя* (Раскольникова) [Там же: 396].

Совершенно противоположно изображен Раскольников, душа которого поражена бесовщиной, вследствие чего не только его «никто не любит», но и он не способен никого любить, так как любовь — светлое, чистое, божественное чувство, а там, где дьявол одерживает победу, светлые чувства любви, дружбы, доброжелательности невозможны, им на смену приходят ненависть, вражда, злоба и зависть. Например, о Раскольникове:

> « — *Ведь он* ***никого не любит****, может, и* ***никогда не полюбит****, — отрезал Разумихин. — То есть* ***не способен полюбить?***» [Там же: 166].

Этот фрагмент диалога чрезвычайно важен: отрицательные глагольные словоформы настоящего и будущего времени с объектным и обстоятельственным распространителями, выраженными отрицательным местоимением и временным местоимённым наречием, не просто объективируют структуру источника метафоры «ненависть есть бесовское чувство», но и выводят план повествования во всеохватный («никого») и вневременной («никогда») смысловые планы. То же значение эксплицируется сложным глагольным сказуемым («не способен (был, будет) полюбить»), использованным Достоевским в последнем процитированном предложении.

Эту же негативно (а по Достоевскому, инфернально) маркированную метафору объективируют и следующий фрагмент текста:

> «*Мать, сестра, как* ***любил*** *я их! Отчего* ***теперь я их ненавижу?*** *Да, я их* ***ненавижу****, физически* ***ненавижу****, подле себя не могу выносить...*» [Там же: 212].

Раскольников любил мать и сестру до момента грехопадения, после него все изменилось, смешались нравственные ориентиры, и там, где была любовь, воцарилась ненависть. О Раскольникове после преступления:

> «*Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более почти с каждой минутой: это было какое-то бесконечное, почти физическое* ***отвращение*** *ко всему встречавшемуся и окружающему, упорное,* ***злобное***, ***ненавистное***. *Ему* ***гадки*** *были все встречные, —* ***гадки*** *были их лица, походка, движения. Просто наплевал бы на кого-нибудь,* ***укусил бы****, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил*» [Там же: 87].

Концепт «бесовщина» в процитированном сложном синтаксическом целом имплицирует не только адъективная словоформа «ненавистное», но и прилагательное «злобное», краткая адъективная форма «гадки», употребленная в лексическом повторе, существительное «отвращение» и условная глагольная словоформа «укусил бы». Последняя реализует семантический признак «зверь», который у Достоевского последовательно инфернально маркирован.

Любовь становится возможной для Раскольникова лишь тогда, когда начинается покаяние: даже уже одно решение (хотя и нетвердое) покаяться возрождает омраченное бесовщиной чувство любви, вначале к родным, потом к Соне. Перед покаянием Раскольников признается в любви матери и сестре и спрашивает о возможности их любви к нему, интуитивно чувствуя, что необходимым условием воскрешения является сострадательная любовь близких:

> «*Маменька, что бы ни случилось, что бы вы обо мне ни услышали, что бы вам обо мне ни сказали, будете ли вы* ***любит*** *меня так, как теперь?... Я при-*

шел вас уверить, что я вас всегда ***любил****... я пришел вам сказать прямо, что сын ваш* ***любит*** *вас теперь* ***больше себя*** *и что все, что вы думали про меня, что я жесток и не люблю вас, все это была неправда»* [Там же: 397].

Таким образом, путь к Богу «воскрешает» в омраченной душе грешника способность любить, любить ближнего больше себя самого, что и составляет суть Божеской любви. Процитированное сложное синтаксическое целое эксплицирует православную метафору «любовь есть божественное чувство», что, по глубокому убеждению Достоевского, является непременным условием жизни как таковой. Напомним, что в произведениях Достоевского все персонажи, погрузившиеся в омут бесовщины и, как следствие, неспособные любить (любовь следует отличать от страсти как плотского, а потому демонического начала), оказываются обреченными на гибель: достаточно вспомнить Свидригайлова из анализируемого нами романа, Ставрогина из «Бесов», Федора Павловича Карамазова, Смердякова и Ивана Федоровича Карамазова из последнего романа писателя. Конечно, судьба Ивана Карамазова остается неизвестной читателю, но устами его «христоликого» брата Алеши Достоевский говорит о том, что духовное, а следовательно, по Достоевскому, и физическое выздоровление Ивана возможно лишь при условии возрождения Бога, а значит, и божественного чувства любви в душе Ивана.

Итак, в исследованных метафорических значениях и способах их выражения отражается религиозное мировосприятие Ф. М. Достоевского, для которого любовь, в соответствии с ортодоксальной догматикой, — своего рода маркер «христоликости» персонажей: на это последовательно указывают их речевые портреты. Что же касается лексем, с помощью которых описывается противоположное чувство ненависти, то анализ демонстрирует их противоположную метафорику, почти всегда связанную с демонической составляющей творчества писателя.

В заключение повторим, что рассмотренные антонимичные метафоры неодинаковы в частотном отношении их языковой реализации в романе: объективаторы метафорической модели «любовь есть божественное чувство» значительно преобладают в романе «Преступление и наказание», что соответствует сути христианской веры. Такая точка зрения на творчество Ф. М. Достоевского разделяется большинством его исследователей. Например, Д. С. Мережковский назвал писателя величайшим реалистом, измерившим бездны человеческого страдания, безумия и порока, но вместе с тем величайшим ***поэтом евангельской любви***, которой дышит вся его книга, любовь — ее огонь, ее душа и поэзия [11: 464].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.
2. Библейская энциклопедия (труд и издание Архимандрита Никифора). Репринтное издание. М., 1990.
3. Библейская энциклопедия (путеводитель по Библии). М., 2002.
4. *Брандт Л., Брандт П. А.* Как понять метафору: Когнитивно-семиотический подход к изучению метафор (перевод с сокращениями) // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 4. С. 5–19.
5. *Гак В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Гак В. Г. Метафора в языке и тексте. М., 1988. С.11–26.
6. *Достоевский, Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л., 1972–1990.
7. *Иустин (Попович), преп.* Достоевский о Европе и славянстве / Вступит. статья Н. К. Симакова; перев. с сербск. Л. Н. Даниленко. М.; СПб., 2002.
8. *Козлова Л. А.* Метафора и метонимия: сходство и различия // Вопр. когнитивной лингвистики. 2011. № 4 (029). С. 137–143.
9. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
10. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с анл.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.
11. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
12. *Пименова М. В.* Артефактные метафоры как способ объективации концепта «жизнь» // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь, 2009. С. 28–38.
13. *Плисецкая А. Д.* Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Когнитивное моделирование в лингвистике. Варна, 2003.
14. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
15. *Щурина Ю. В.* Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе // Вопр. когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 116–122.

А. Н. Смирнова

КВАЗИСИМВОЛЫ И КВАЗИЭТАЛОНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЕВГ. ГРИШКОВЦА)

ALEXANDRA N. SMIRNOVA

QUASISYMBOLS AND QUASISTANDARDS IN FICTION (ON EVGENIY GRISHKOVETS' TEXTS)

В статье рассматриваются относительно недавно ставшие предметом лингвистического изучения квазисимволы и квазиэталоны — конструкции, воспроизводимые в речи в значениях, характерных для определённого времени и сфер употребления. Характер их смыслового наполнения особенно ярко проявился в художественных текстах Евг. Гришковца, творчество которого отмечено особой тональностью повествования, близкого повседневному общению современного человека.

Ключевые слова: естественный язык, повседневное общение, язык культуры, квазисимволы, квазиэталоны.

The article covers quasisymbols and quasistandards which have been under study recently. These are the speech constructions in the meanings that are typical of the epoch and the area of use. The character of their sense became apparent in Evgeniy Grishkovets' fiction. The fiction is characterized by specific narration manner that is close to nowadays everyday communication.

Keywords: natural language, everyday communication, language of culture, quasisymbols, quasistandards.

Александра Ноэлиовна Смирнова

Аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель кафедры русского языка Военной академии связи им. С. М. Будённого

► bronzy@mail.ru

В своих высказываниях человек реализует намерение сообщить о некотором фрагменте действительности, но при этом так, как **он** хочет сказать об этом. Такая установка особенно характерна для художественной литературы и её автора. Среди средств языковой выразительности им используются и такие, как символы, эталоны и др., которые в специальной литературе последнего времени рассматриваются как отражение особенностей русского менталитета, проявление в речи установок русской культуры, синтеза «языка культуры и естественного языка»[1].

Их общей чертой является воспроизводимость в речи в отличие от структур, создаваемых «сообразно регулярной для языка свободной комбинаторикой»[2]. Они принадлежат языку мысли, языку «представления знаний в человеческом интеллекте». За ними стоит устойчивый образ, эмоциональное отношение, способность к развертыванию в целый фрагмент «картины мира»[3]. Однако круг воспроизводимых единиц оказывается гораздо более широким, чем собственно символы или эталоны. К ним могут быть отнесены языковые выражения, символический смысл которых раскрывается на фоне текстов, их воспроизводимость оказывается проявлением культурно-языковой компетенции «часто дремлю-

щей в глубинах бессознательного»[4]. Они широко используются и в повседневном общении. Не обладая языковой закреплённостью, они не могут претендовать на собственно символическую или эталонную принадлежность: сближаясь с этими явлениями, они достаточно «летучи», кратковременны, но при этом «сверхличностны» и значимы для тех, кто их использует в речи и воспринимает. В лингвистической литературе они получили название квазисимволов и квазиэталонов[5].

В данной статье мы делаем попытку описать некоторые особенности функционирования квазисимволов и квазиэталонов, замеченные нами после анализа указанных единиц не изолированно, а включёнными в художественный текст.

Ранее некоторые из данных единиц привлекались только для изучения их в составе фразеологизма[6]. Мы же привлекли для анализа квазисимволов и квазиэталонов произведения Е. Гришковца «Реки», «Асфальт», «Рубашка» и «А...а» и сделали попытку пронаблюдать и проанализировать механизм обретения данными единицами языкового «тела», культурных смыслов, которые они выражают, и их влияние на смыслообразование текста в целом.

Опираясь на идеи В. Н. Телия, мы определяем квазисимвол как культурно-языковую единицу, указывающую, в отличие от знака, не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею, которая связана с представлениями о данном предмете. Можно сказать, что образ данного референта отсылает нас к связанным с ним представлениям.

Разъясним нашу идею примером из текста романа Е. Гришковца «Рубашка». Главный герой, живущий в Москве, встречает в аэропорту друга-земляка, прилетающего из их родного города, и говорит о встрече так: «*Потом из дверей повалили женщины и мужчины в больших меховых шапках. Наш рейс, догадался я. Макс появился последним...*» В данном контексте **большая меховая шапка** для главного героя является квазисимволом родного края и его жителей. Позже мы узнаём, что главный герой и его друг сибиряки. В этом случае **большая меховая шапка** указывает не столько на сам предмет (шапку), сколько на ассоциации, связанные в сознании главного героя с данным предметом. Для него **большая меховая шапка** обязательно включается в образ настоящего сибиряка.

Результаты проведённого нами исследования показали, что квазисимвол в художественном тексте часто соотносится с концептами. Они взаимодействуют как часть — целое. Так, наиболее устойчивые и воспроизводимые элементы концепта могут выступать в контексте его квазисимволами. Более того, квазисимвол обладает возможностью выполнять дейктическую функцию (функцию указания) и выступать в дискурсе в качестве знака концепта, его заместителя. При этом он будет функционировать, как синекдоха, и апеллировать к концепту, содержащемуся в сознании человека — реципиента.

Приведём пример из повести Е. Гришковца «Реки»: «*Я только однажды видел медведя не в зоопарке. Только один раз в жизни. Хотя я родился и первые свои тридцать с небольшим лет прожил в Сибири*». В данном отрывке текста медведь является квазисимволом Сибири, он указывает не на особенности медведя как животного (не на референт или денотат), а на идею Сибири. В соответствии с ней считается (это показал проведённый нами ассоциативный эксперимент), что в представлении русских медведь — самое характерное животное для Сибири и обычное для сибиряков, каждый из которых обязательно видел медведя на воле. Таким образом, в данном контексте лексема медведь указывает на стоящий за ней концепт Сибирь и апеллирует к представлениям, входящим в данный концепт в сознании носителей русской лингвокультуры.

Что касается квазиэталона, то мы, развивая идеи В. Н. Телия, определяем квазиэталон как языковую единицу, которая, в отличие от эталона, указывает не на референт (обозначенный предмет), а на представление о том, что данный предмет является эталонным носителем некоего качества, которое репрезентировано образом данного референта.

Приведём пример квазиэталона из повести Е. Гришковца «Реки»: «*Так вот, из-под моей лопаты выпало две половинки настоящего бронзового*

наконечника. Как я удивился, как я обрадовался, как я закричал! Я закричал, ***как вахтенный матрос, увидев долгожданную землю!***» В данном контексте вахтенный матрос для главного героя повести является квазиэталоном очень громко кричащего человека. Мы видим, что квазиэталон реализуется как сравнение и выполняет характеризующую функцию.

Контекст не даёт прямой информации о том, где главный герой, юный парень, мог видеть вахтенного матроса на судне, однако, можно предположить, что это образ, оставшийся в его сознании после просмотра какого-то приключенческого фильма или прочтения книги. Наши наблюдения позволяют нам говорить о тех знаниях, которые часто являются результатом мифологизации. Для мифологизации, на наш взгляд, не всегда нужен миф, достаточно будет соотнесения предмета действительности с фантазией, ирреальной модальностью, как в приведённом выше контексте с матросом.

Квазиэталон, так же как и квазисимвол, взаимодействует с другими ментефактами-представлениями, он включается в стереотип и соотносится с ним как часть-целое.

На наш взгляд, наблюдение над функционированием квазисимволов и квазиэталонов именно в рамках текстов даёт богатую почву для исследований смыслов, заложенных в текст. Формат текста наряду с устной речью позволяет автору наиболее полно вербализовать хранящийся в его сознании образ.

Е. Ф. Тарасов объясняет этот процесс так: «Коммуниканты при общении пытаются указать друг другу на свои мысли, которые, как они считают, необходимо продемонстрировать собеседнику. Так как мысли нельзя непосредственно воспринять органами чувств, то собеседники используют знаки, т. е. предметы в знаковой функции, предметы, специально приспособленные людьми для указания на свои мысли и, следовательно, для их опосредованного обнаружения»[7].

При этом речевые средства, используемые коммуникантами для выражения своих представлений, могут носить устойчивый / произвольный характер. Большинство носителей какого-либо ментально-лингвального комплекса имеют некий общий национально-детерминированный минимизированный инвариант восприятия какого-либо ментефакта. При этом данный инвариант может быть как вербальным, так и вербализуемым. Вербальным в языке соответствуют конкретные единицы; вербализуемые хранятся в сознании, «как очень сжатый „образ“, максимально „уплотнённое“ представление об этом феномене, к которому в дальнейшем происходит апелляция в речи, где оно может быть „развёрнуто“»[8]. Всё вышесказанное касается, прежде всего, квазисимволов и квазиэталонов. Данные единицы, не устойчивые в своём языковом выражении, не все имеют языковое «тело», но все в той или иной мере могут быть вербализованы.

Вербализация квазисимволов и квазиэталонов может происходить как в предложении, так и фрагменте текста. Приведём примеры таких языковых воплощений интересующих нас ментефактов-представлений. Первый из повести Е. Гришковца «Реки»: «*Особенно, мне нравится фото, на котором дед идеально причесан, стоит, расправив плечи, как шкаф*». В данном отрывке шкаф является квазиэталоном широкого объекта, характеризующим выправку деда главного героя. В данном отрывке квазиэталон обретает языковое «тело» в сравнительной конструкции.

Второй фрагмент текста из романа «Асфальт»: «*И конечно, наши люди самые весёлые, искренние, щедрые, открытые, а наши женщины самые красивые и добрые. Мы вообще лучше всех. Но зато там люди умеют себя вести. Они меня знать не знают, но говорят мне „доброе утро“ и улыбаются. Всегда! Конечно, это ничего не значит, и это просто обычное для них дело. Но меня это устраивает. Я зашёл там пару раз в одно кафе, меня на третий раз узнают, и будут мне рады. Пусть не очень сильно рады, пусть даже они подумают, что я дурак, или вообще обо мне ничего не подумают. Но я же этого не знаю. А они этого не скажут, никак не покажут и даже не намекнут. И, кстати, если вдруг я им очень понравлюсь, они всё равно будут вести себя так же, в душу не полезут, душить в объятиях не станут. Они умеют себя вести*». В данном отрывке иностран-

цы выступают квазиэталоном людей, умеющих себя вести. Имея в сознании образ этих людей, впечатления о них, главный герой не может выразить свою мысль в одном предложении. Чтобы подчеркнуть и усилить квазиэталонную функцию данного образа, он приводит примеры из жизни, формулируя свою идею в обширном речевом фрагменте.

Ассоциативный эксперимент, проведённый нами, позволил установить, что существует национальная норма стереотипизации как фрагментов действительности, так и их речевого воплощения.

В целом наше исследование, проведённое с привлечением произведений Е. Гришковца, показало, что художественные тексты используют рассматриваемые явления: квазисимволы и квазиэталоны, характерные для повседневного речевого общения определённого времени, создавая образ этого времени и тональность самого повествования (эффект беседы с современниками, осведомлёнными о значениях использованных воспроизводимых языковых средств). Что касается самих рассматриваемых средств, то они обладают неисчерпаемым потенциалом для анализа единиц сознания всех типов. Ментефакты — представления, для которых образная составляющая является определяющей, на наш взгляд, наиболее полное отражение находят именно в речи, как устной, так и письменной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2009.

[2] *Телия В. Н.* Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы) // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам: Сб. памяти Г. В. Колшанского. М., 2000. С. 34.

[3] *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 181.

[4] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 24.

[5] См., например: *Телия В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26–52; *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 243–244.

[6] См. указ. выше работы.

[7] *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. научн. ст. М., 2000. С. 24–32.

[8] *Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В.* Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004. С. 16–17.

Дускаева Л. Р. **Диалогическая природа газетных речевых жанров...**

(Окончание. Начало на с. 44, 58)

когнитивные построения неизменно характеризуются хорошей лингвистической обеспеченностью, без чего провисал бы вопрос о том, как добиваться полноценного продуцирования текстов заданного жанра.

Материал, вовлекаемый Л. Р. Дускаевой в план анализа, обширен (привлечены тексты пятнадцати центральных изданий) и современен. Наблюдения автора демонстрируются на достаточно объёмных текстовых фрагментах, сегментированных с помощью шрифтовых выделений. Главы 3–5, которые содержат в себе конкретное описание речевых жанров газетной публицистики в аспекте диалогичности, заставляют вспомнить о практичности хорошей теории.

Книга «Диалогическая природа газетных речевых жанров» продолжает и развивает идеи Пермской школы лингвостилистики, научной школы профессора М. Н. Кожиной. Осмысление сложнейшего речетекстового феномена и продвижение в жанровую сферу метода семантического моделирования, предпринятые Л. Р. Дускаевой, носят этапный характер. Русская генология только начинает складываться. Здесь на особом счету монографические исследования, выполненные на строго выдержанном коммуникативном основании и сочетающие в себе теоретическую непротиворечивость с большой разрешающей силой изложенной теории. Перед нами именно такая книга.

Т. В. Матвеева,
д-р филол. наук, профессор
кафедры риторики УРГУ

Ф. И. Панков

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА И РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

FEDOR I. PANKOV

FUNCTIONAL-COMMUNICATIVE GRAMMAR AND NATIONAL LINGUISTIC WORLD PICTURE

Способность языка отображать экстралингвистическую действительность создаёт национальную языковую картину мира, которую необходимо учитывать, в частности, в практике преподавания русского языка. В статье рассматривается связь грамматических и лексических явлений с особенностями русской языковой картины мира в области таких универсальных семантических категорий, как время, пространство, причина и состояние. Собственно русский материал сопоставляется с данными других языков.

Ключевые слова: функционально-коммуникативная грамматика, языковая картина мира.

The article covers the link between lexical, morphological and syntactic phenomena, on the one hand, and the peculiarities of the Russian world picture, such as the semantic universals of time, space, cause and state, on the other hand. The ability of a language to reflect extralinguistic reality makes the national linguistic world picture which should be taken into account in the process of language teaching. The data borrowed from Russian are being compared to that of other languages.

Keywords: functional-communicative grammar, linguistic world picture.

Федор Иванович Панков

Доктор филологических наук, доцент кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
► pankovf@mail.ru

Ядром, организующим центром лингводидактической модели языка [1] является функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ), предназначенная для обучения русскому языку нерусских. ФКГ как «грамматика речи» опирается на достижения традиционной формально-описательной грамматики (ФОГ) как «грамматики языка», хотя во многом и противопоставлена ей. В компетенцию ФКГ по сравнению с традиционной ФОГ вошёл гораздо более широкий круг лингвистических вопросов, поскольку практика преподавания русского языка как иностранного потребовала обращения и к тем языковым фактам, которые при чисто теоретическом подходе к языку не относятся к числу изучаемых объектов или оцениваются пока как периферийные. В рамках лингводидактической модели языка мы становимся свидетелями (и участниками!) расширения объекта грамматических исследований. Анализ явлений одного языкового уровня становится невозможен без анализа смежных. В сферу интересов ФКГ вошли, с одной стороны, лексика как его «тело», его интегральная часть, а с другой — определённые сферы собственно грамматики: а) содержательное пространство языка, его структуры (план содержания языка); б) формальные единицы

и объекты ФКГ (план выражения языка, языковые средства); в) языковые механизмы, отвечающие за смысловую и формальную правильность нашей речи [4]).

Грамматические явления часто обусловлены особенностями восприятия мира носителями того или иного языка. Его содержательное пространство в своих структурах[1] отражает как интернациональные черты категоризации мира, так и определённую специфику национального менталитета, которая закреплена в концептосфере данного языка и в его модусе. Способность языка отображать экстралингвистическую действительность создаёт языковую картину мира каждого народа, которую необходимо учитывать, в частности, в практике преподавания языка.

Помимо универсальных черт в национальных языковых картинах мира существуют и принципиальные специфические особенности. Языки различаются между собой как наборами формальных средств, так и системами тех смыслов, которые при помощи данных средств могут быть выражены. Так, русская языковая картина мира получила своё отражение и в лексике, и в синтаксических моделях, и в морфологических формах, и в интонации, и в речевом этикете, а также в мимике и жестах. В преподавании русского языка должны быть учтены такие его фундаментальные характеристики, как системность, объективный характер языка и субъективный характер речевых реализаций, материальный характер лексики и идеальный характер грамматики [4; 5].

В случае отсутствия учёта преподавателем специфики национальной языковой картины мира и фундаментальных характеристик каждого языка оказываются не только возможными, но и закономерными грамматические, лексические и коммуникативные ошибки иностранных учащихся — так называемый «отрицательный» языковой материал (в терминах академика Л. В. Щербы [13]). Рассмотрим особенности русской языковой картины мира в области таких универсальных понятийных и функционально-семантических категорий, как время, пространство, причина и состояние, тесно связанные с преподаванием русского языка.

1. Фрагменты категории времени. Во взгляде на категорию времени возможны глобальные расхождения в национальных языковых картинах мира, что проявляется, в частности, в ориентации во времени (прошлое — будущее), в делении суток на части, а также в формах приветствия и прощания.

Прошлое — будущее. Разные народы имеют неодинаковую ориентацию во времени. Например, для русских и, видимо, вообще для европейцев прошлое метафорически находится «позади», а будущее — «впереди». Во многих же неевропейских языках, например в армянском, монгольском и китайском, вектор движения времени воспринимается как направленный в противоположную сторону: прошлое — «впереди», а будущее — «сзади» [4; 8; 9; 11 и др.]. Это объяснимо логически: собственная история известна говорящему и поэтому обозреваема взглядом, будущее же неведомо, оно за спиной. Русский и вообще европеец представляет себя во времени движущимся вперёд по жизненному пути. Армянин же, монгол или китаец ощущает себя неподвижным. Для азиата время проходит сквозь человека, как ветер, дующий сзади. Таким образом, русские ориентированы (обращены лицом) во времени в будущее, а, например, армяне, монголы и китайцы — в прошлое. Отсюда возможны коммуникативные неудачи иностранных учащихся при восприятии таких типично русских высказываний, как (1а) — (1г):

(1) а) ***Впереди*** *трудные испытания*;
б) *Зима уже* ***близко***;
в) *Самое страшное* ***позади***;
г) ***За плечами*** *— огромный опыт.*

В предложении (1а) речь идёт о том, что испытания предстоят в будущем, в (1б) — что зима скоро наступит, в (1в) — что самое страшное осталось в прошлом, в (1г) — что опыт уже приобретён, а совсем не наоборот.

Однако имеются примеры, казалось бы, противоречащие этому утверждению.

1. Так, хотя мы представляем себя движущимися по жизненному (временно́му) пути (т. е. мы находимся в движении, а время якобы неподвижно), мы говорим: «*Время бежит*», «*Время летит*», «*Время прошло незаметно*» и т. д.

2. Хотя мы представляем себе будущее впереди, а прошлое сзади, мы говорим: *«на следующий день», «на следующей неделе», «в следующем году»* и т. д., но ведь *«следующий»* — это тот, кто «следует», т. е. идёт **за** кем-то, а не **перед** кем-то.

3. Ещё одно несоответствие касается слов *предстоящий* и *предыдущий*, имеющих сходные элементы внутренней формы, но совершенно различных по семантике. *«Предстоящий»* — тот, кто стоит впереди, т. е. в будущем: *«предстоящие экзамены»* — это будущие экзамены, ср.: *«предыдущий»* — тот, кто идёт впереди, но значит, что это «тот, кто уже прошёл», т. е. находящийся в прошлом.

Чтобы разрешить эти кажущиеся противоречия, необходимо, во-первых, определиться с характером временного ориентира; во-вторых, выявить направление движения времени (и вообще, действительно оно находится в покое или всё-таки движется). Наблюдения над конкретным материалом показали, что не только мы движемся во времени вперёд, приближаясь к своему будущему (см. примеры 1а, 1б), но и время движется нам навстречу, будучи повёрнутым к нам лицом (2а, 2б):

(2) а) *А время уж не раннее — **Подходит** месяц май!* (Н. Некрасов);

б) ***Пришла** зима бессменная* (Н. Некрасов).

Утро — день — вечер — ночь. Кроме того, разные народы делят сутки на части по разным основаниям. Поэтому русские идут в театр или в гости *вечером (сегодня вечером)*, а англоязычные — *ночью (tonight, at night)*. Для русских с 12 до 16–17 часов — *день*, а для испанцев и португальцев после 12 начинается *вечер (tarde)*. Для русских *первая половина дня, до обеда* — это, как правило, время до 13–14 часов, но для жителей многих европейских и азиатских стран оно ограничено двенадцатью часами, полуднем. Оказывается, в современном русском языке *полдень* и *полночь* — это обозначение не середины дня (ср. англ. *midday*) или ночи (ср. англ. *midnight*), а их начала. Поэтому для русского высказывание (3а) или (3б) обычно означает, что встреча назначена на время после 14.00:

(3) а) *Встретимся **во второй половине дня***;

б) *Встретимся **после обеда***.

Доброе утро — добрый день — добрый вечер — спокойной ночи. Специфическое деление суток на части нашло отражение в наличии традиционных русских приветствий: *Доброе утро!, Добрый день!, Добрый вечер!* и в пожелании *Спокойной ночи!* В китайском и корейском языках деление суток на части раньше (примерно до 1970-х — 1980-х годов прошлого века) было связано со временем приёма пищи и соответствующие приветствия звучали как (4а), (4б), (4в) или как более общее (4г) — эквивалент нашего *Здравствуйте! Как поживаете? Как дела?* Поэтому бывало чрезвычайно странно слышать, когда китайские или корейские учащиеся на русском языке с подобным вопросом обращались к собственному преподавателю:

(4) а) *Вы уже позавтракали*
(= Вы уже съели утренний рис)?;
б) *Вы уже пообедали*
(= Вы уже съели дневной рис)?;
в) *Вы уже поужинали*
(= Вы уже съели вечерний рис)?;
г) *Ели ли Вы?*

Причём употребление русских приветствий, начинающихся со слова *добрый,* как правило, используется при встрече, а пожелание *Спокойной ночи!* — только при прощании. В то же время, например, по-турецки можно сказать (5а) — только как приветствие, а (5б), (5в) и (5г) — как при встрече, так и при расставании:

(5) а) *Gün aydın!* (т. е. *Доброе утро!,* буквально — *День светлый!*);

б) *Iyi günler!* (т. е. *Добрый день!*);

в) *Iyi akşamlar!* (т. е. *Добрый вечер!*);

г) *Iyi geceler!* (т. е. *Спокойной ночи!*).

Это приводит к таким ошибкам, когда турецкие учащиеся, прощаясь с преподавателем, говорят ему: *Добрый день!* или *Добрый вечер!*, что не допускается законами русского речевого этикета. Любопытно, что в современных теле- и радиопередачах в России, начинающихся ночью, звучит приветствие ***Доброй** ночи!* (не ***Спокойной** ночи!*), которое ещё лет пятнадцать-двадцать назад невозможно было представить. В Интернете же, когда общающиеся по-русски между собой люди могут находиться в разных часовых поясах,

закрепилось обращение «***Доброе*** *время суток!*» как констатация факта или «***Доброго*** *времени суток!*» как пожелание (не ***Спокойное*** *время суток!* и не ***Спокойного*** *времени суток!*). Таким образом, в русском языке использование эпитета *добрый* закрепилось преимущественно за приветствием, а *спокойный* — за прощанием.

2. Фрагменты категории пространства. Расхождения в национальных языковых картинах мира проявляются также во взгляде на категорию пространства и выражаются нередко в грамматических формах, в частности, при выражении значений собственно локатива, или местонахождения (*где*), и направления — директива-финиша (*куда*) и директива-старта (*откуда*), а также в употреблении тех или иных пространственных предлогов.

Где — куда. В некоторых европейских языках, например английском или датском, отсутствует формальное различие между значениями местонахождения и направления, т. е. между *где* (англ. *where*) и *куда* (англ. *where*). Это приводит к ошибкам учащихся типа (6а) или (6б):

(6) а) **Вчера мы ходили в* ***театре*** (вместо *Вчера мы ходили в* ***театр***);

б) **Летом мы ездили в* ***Москве*** (вместо *Летом мы ездили в* ***Москву***).

Приведём ещё пример. В русском языке (так же как, например, в английском) глагол *писáть* имеет валентность *где* (т. е. концептуализируется как имеющий указание на собственно локатив), а в турецком языке глагол *yazmak (писáть)* имеет валентность *куда* (т. е. концептуализируется как имеющий указание на директив-финиш — направление). По-русски нужно употребить предложный падеж имени с предлогом *в* (7а), а по-турецки — коррелят русского винительного с предлогом *в*, причём с обязательным указанием на субъекта обладания (7б). В русском языке подобную валентность имеет глагол *записывать* (7в), хотя возможно и записать *где*, если это открытая поверхность, например, листок бумаги, выдранный из тетради. При этом с предложным падежом регулярнее выступает предлог *на* (7г). Ср.:

(7) а) *Я пишу (где?)* ***в тетради***;

б) ***Defterime*** *yazıyorum (=*Я пишу (куда?)* ***в свою тетрадь***);

в) *Я записываю что-либо* ***в тетрадь***;

г) *Запиши телефон* ***на этом листке бумаги***.

Где — откуда. Так же как глагол *писáть*, русский глагол *покупать* имеет валентность *где*, т. е. русские покупают что-либо где-либо (8а). В то же время коррелят русского *покупать* турецкий глагол *satınalmak* (буквально «брать за деньги»), являющийся дериватом глагола *almak* («брать»), имеет валентность *откуда*, т. е. турки покупают что-либо откуда-либо, соответственно используя коррелят не именной группы *в*+$N_{п}$ (т. е. *в* + предложный падеж имени), а *из*+$N_{р}$, т. е. русского родительного с предлогом *из* (8б). Ср.:

(8) а) *Я купил книгу (где?)* ***в магазине***;

б) *Kitabı* ***mağazadan*** *satınaldım (=*Я купил книгу (откуда?)* ***из магазина***).

Точно так же русские берут книгу ***в*** *библиотеке,* т. е. *где* (9а), а тюркоговорящие или англоговорящие — ***из*** *библиотеки,* т. е. *откуда* (9б), (9в):

(9) а) *Я взял книгу (где?)* ***в библиотеке***;

б) *Kitabı* ***kütüphaneden*** *aldım (=*Я взял книгу* ***из библиотеки***);

в) *I borrowed (took) a book* ***from the library*** *(=*Я взял книгу* ***из библиотеки***).

Отсутствие учёта подобной специфики может приводить к грамматическим и коммуникативным ошибкам иностранных учащихся.

Предлоги *на — в, из — с.* Законы развития языка, как известно, носят объективный характер, а его конкретные речевые реализации могут быть и субъективными. Так, в последние годы распространилось употребление русских именных локативных групп ***в*** *Украину* вместо традиционной ***на*** *Украину*, ***в*** *Украине* вместо ***на*** *Украине*, ***из*** *Украины* вместо ***с*** *Украины.* Мотивация приводится примерно такая: если теперь Украина — самостоятельное государство, значит, по-русски нужно говорить не *на*, а *в*, не *с,* а *из*. Но ведь мы говорим и о самостоятельных островных государствах *на Кубу — на Кубе — с Кубы, на Мадагаскар — на Мадагаскаре — с Мадагаскара, на Кипр — на Кипре — с Кипра.* В то же время мы говорим *в Крым — в Крыму — из Крыма, в Сибирь — в Сибири — из Сибири, в Карпаты — в Карпатах — из Карпат* и т. д. Люди говорят так, как диктует им традиция и собственная языковая интуиция.

У нас спросят: возможно ли в будущем нормативное употребление *в Украину — в Украине — из Украины*? Ответим: безусловно, возможно, потому что в языке действует принцип аналогии, ср.: *в Китай — в Китае — из Китая*. Однако язык меняется и развивается медленно, и по своим собственным, а не по политическим законам.

Системность — асистемность языка. Одной из фундаментальных характеристик русского языка является его системность, однако это не значит, что в нём отсутствуют отдельные асистемные участки. Так, асистемно образование названий лиц — жителей той или иной местности: города, страны, региона.

1. Названия лиц — жителей городов: **Москва** — москвич (м.р.), москвичка (ж.р.), москвичи (мн.ч.); **Санкт-Петербург** — петербуржец, петербурженка, петербуржцы; **Минск** — минчанин, минчанка, минчане; **Киев** — киевлянин, киевлянка, киевляне; **Тула** — туляк, тулячка, туляки; **Архангельск** — архангелогородец, архангелогородка, архангелогородцы; **Гусь-Хрустальный** — гусевец, гусевка, гусевцы; **Мирный** — мирновец, мирновка, мирновцы; **Торжок** — новотор, новоторка, новоторы.

2. Названия лиц — жителей стран: **Россия** — русский (м.р.), русская (ж.р.), русские (мн.ч.); **Индия** — индиец, индианка, индийцы (не индусы!); **Франция** — француз, француженка, французы; **Англия** — англичанин, англичанка, англичане; **Турция** — турок, турчанка, турки; **Чехия** — чех, чешка, чехи; **Германия** — немец, немка, немцы; **Польша** — поляк, полька, поляки; **Кипр** — киприот, киприотка, киприоты; **Япония** — японец, японка, японцы; **Грузия** — грузин, грузинка, грузины.

3. Названия лиц — жителей регионов: **Европа** — европеец (м.р.), европейка (ж.р.), европейцы (мн.ч.); **Азия** — азиат, азиатка, азиаты; **Африка** — африканец, африканка, африканцы; **Юг** — южанин, южанка, южане; **Север** — северянин, северянка, северяне; **Восток** (Запад) — житель Востока (Запада), жительница Востока (Запада), жители Востока (Запада); **Сибирь** — сибиряк, сибирячка, сибиряки; **Камчатка** — камчадал, камчадалка, камчадалы; **Чукотка** — чукча, чукча, чукчи.

Отсутствие системности в образовании подобных названий в некоторых случаях приводит к курьёзам — появлению «отрицательного» языкового материала даже в речи носителей языка. Так, в российских средствах массовой информации жителей Индии нередко называют *индусами*, в то время как индусы — это «последователи индуизма» [3: 392]. Кроме того, руководители города Мирный в последнее время стали использовать в качестве обращения к жителям слово *миряне* вместо *мирновцы*, хотя мирянин — это в церковном лексиконе «тот, кто, не имея монашеского или духовного звания, живёт в миру» [Там же: 545]. При склонении слова *турки* форма родительного падежа множественного числа в норме должна быть *турок*, совпадающая с формой именительного падежа единственного числа, в то же время и в устной, и в письменной речи нередко приходится слышать или читать **турков*. Похожие проблемы возникают и при склонении некоторых других названий лиц — жителей стран. Как правильно сказать или написать — *Много грузин* или *много грузинов*? Правильно — *грузин*. *Много киргиз* или *много киргизов?* Правильно — *киргизов*.

Любопытно, что в русском языке существуют варианты названий некоторых государств типа *Башкирия — Башкортостан, Киргизия — Кыргызстан, Татария — Татарстан*. В то же время системы в подобных соотношениях мы не усматриваем (табл.).

3. Фрагменты категории причины. В русском языке при выражении причины так называемые предметные имена существительные или личные местоимения, указывающие на предмет или лицо, способны употребляться в значении пропозитивных имён. Таким образом они выступают во вторичной семантической функции. Так, по-русски можно сказать не только (10а), но и (10б), не только (11а), но и (11б), что недопустимо во многих других языках, в частности в английском или китайском. Ср.:

(10) а) *Студент опоздал на лекцию* ***из-за поломки автобуса***. —

б) *Студент опоздал на лекцию* ***из-за автобуса;***

(11) а) *Мы рады* ***видеть вас***. —

б) *Мы рады* ***вам***.

Табл. **Соотнесённость вариантов названий некоторых государств на *-стан* и *-ия***

-стан	*-ия*
Афганистан	**Афгания*
Башкортостан	*Башкирия*
**Болгаристан*[2]	*Болгария*
Казахстан	**Казахия*
Кыргызстан	*Киргизия*
Таджикистан	**Таджикия*
Татарстан	*Татария*

Примечание к таблице: знаком «звёздочка» (*) отмечены неупотребительные в современном русском языке варианты названий государств.

Эту особенность следует учитывать в преподавании как русского языка иностранцам, так и английского языка русским. Тогда можно будет избежать распространённых ошибок, когда вместо типа (12а) русские по-английски ошибочно говорят (12б):

(12) а) *We are glad **to see you**. —*
б) **We are glad **to you**.*

Ср. аналогично (13а). По-английски же или по-китайски же необходимо эксплицировать каузирующую пропозицию (13б, 13в или 13г):

(13) а) *Собака обрадовалась **хозяину***;
б) *Собака была рада **видеть** своего хозяина (The dog was happy **to see** its master)*;
в) *Собака обрадовалась **приходу** хозяина*;
г) *Собака обрадовалась, **потому что пришёл** хозяин.*

4. Фрагменты категории состояния. Носители структурно различных языков по-разному выражают и значение состояния. Например, сообщение о головной боли по-русски (14а), по-английски (14б) и по-турецки (14в):

(14) а) *У меня болит голова*
(**Моя голова болит*, **Я имею головную боль*);
б) *I have a headache*
(= *Я имею головную боль*);
в) *Başım ağrıyor*
(= *Моя голова болит*).

Это связано с различными коммуникативными целеустановками говорящих: 1) коммуникативная установка русского — рассказ о себе и своём состоянии; 2) коммуникативная установка англичанина — сообщение о том, чем он (субъект речи) обладает, в данном случае — таким состоянием, как головная боль; 3) коммуникативная установка турка — рассказ о состоянии больного органа (в данном случае головы) говорящего.

Если нарушить коммуникативную установку, свойственную носителям того или иного языка, т. е. не учесть особенности национального менталитета, можно спровоцировать «отрицательный» языковой материал. Примерами ошибочного употребления, например, в русском языке могут служить предложения (15а$_1$) или (15а$_2$), в английском языке — (15б$_1$) или (15б$_2$), в турецком языке — (15в):

(15) а$_1$) **Моя голова болит*;
а$_2$) **Я имею головную боль*;
б$_1$) **My head is ill;*
б$_2$) **My head is sick*;
в) **Benim hasta başım var*
(= *У меня есть больная голова*).

5. Диктум и модус. В преподавании иностранного языка чрезвычайно важным является учёт и т. н. диктальных и модальных смыслов (в терминологии Ш. Балли), или диктума и модуса (в терминологии некоторых других лингвистов: Т. В. Шмелёвой, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой и др.), сообщаемого факта и факта сообщения (Р. О. Якобсон). Диктальные смыслы (диктум, сообщаемый факт) — это объективные смыслы, не зависящие от отношения говорящего к высказываемому. Модальные смыслы (модус, факт сообщения) — субъективные смыслы, отражающие отношение говорящего к сообщаемому или явлениям внеязыковой действительности. Приведём примеры. Ср., например, высказывание (16а), где содержится лишь

диктумная информация, и (16б — 16е), где помимо диктумных выражены и модусные смыслы, например: положительное отношение говорящего к факту прихода Оли (16б), сообщение о факте выполнения долгожданного действия (16в), полемически заострённое утверждение (16г), отрицательное отношение говорящего к факту прихода Оли (16д и даже стилистически сниженное 16е):

(16) а) *Оля пришла*;
б) ***К счастью**, Оля пришла*;
в) *Оля **наконец-то** пришла*;
г) *Оля **всё-таки** пришла*;
д) ***К сожалению**, Оля пришла*;
е) *Оля **припёрлась**.*

Модус может быть не только эксплицитный (см. примеры выше), но и имплицитный. Если эксплицитный модус можно считать языковой универсалией или хотя бы фреквенталией, то имплицитный модус, как правило, национально специфичен. Имплицитные модусные смыслы зачастую оказываются непонятными для иностранцев. Именно на таких подразумеваемых смыслах основан эффект комического в некоторых анекдотах. Особенно ярко, на мой взгляд, трудности в овладении имплицитными модусными смыслами и отсутствие их учёта иллюстрирует старая шутка, рассказанная когда-то профессором М. В. Всеволодовой, о женщине, которую через переводчика судили за границей за то, что она якобы украла курицу то ли у соседей, то ли в супермаркете. Кроме того, для целей адекватного прочтения мы сопроводили текст интонационной транскрипцией по Е. А. Брызгуновой [12, т. 1: 96–122; 2: 873–877]. Цифра в верхнем индексе после гласного означает тип ИК на гласном интонационного центра синтагмы, косая черта — знак синтагматического членения. Итак:

Судья: *Вы обвиняетесь в то³м, / что украли ку¹рицу. Это пра³вда?*
Подсудимая: *Брала⁷ я вашу курицу!*
Переводчик: *Подсудимая призна⁴лась, / что она курицу взяла¹.*
Судья: *Заче²м вы это сделали?*
Женщина: *Да отста⁷ньте! Нужна⁷ мне ваша курица!*
Переводчик: *Она говори⁴т, / что курица была ей нужна¹.*
Судья: *Вы специа³льно приехали к нам, чтобы воровать?*
Женщина: *Ну ка²к же, / я нарочно из Одессы прие³хала, / чтобы украсть вашу ку¹рицу. Де²лать мне больше нечего!*
Переводчик: *Подсудимая призна⁴лась, / что приехала из Одессы специа⁴льно, / чтобы заниматься преступной де¹ятельностью, / так как дома она не может найти рабо¹ту.*
Судья: *Да за это вас могут посадить в тюрьму² / — на срок до шести ме²сяцев!*
Подсудимая: *Всю жи¹знь мечтала оказаться за решёткой.*
Переводчик: *Она говори³т, / что главная цель её жи⁶зни / — попасть в тюрьму¹.*
Судья: *Она что², / сумасше³дшая?*
Подсудимая: *Здра²вствуйте, / я ваша тё¹тя!*
Переводчик: *Она вас приве⁶тствует / и говори³т, / что является вашей близкой ро¹дственницей.*
Судья (устало): *Ну если она ро³дственница, / то пусть заплатит хотя бы штра¹ф.*
Подсудимая: *Хре²н вам!*
Переводчик: *Подсудимая предлагает расплатиться овоща²ми!*
Судья: *Убери²те отсюда эту ненормальную!*
Подсудимая (уходя): *Ну и пё²с с вами!*
Судья *(испуганно): Что²?, что она говори²т?*
Переводчик: *Если я правильно по³нял, / она ухо¹дит, / а собачку оставляет ва¹м.*

Рассмотрим некоторые из имплицитных модусных смыслов, в частности отрицание через утверждение и утверждение через отрицание.

Отрицание через утверждение. Значение ‘отрицание через утверждение’ может быть передано, например, при соответствующем интонационном оформлении и смысловых связях предложений в контексте (17а, 17б):

(17) а) *Ты хочешь видеть Ле³ну? **Придё²т** она! **Жди²**!;*
б) *Ка²к же, / **да²ст** она тебе книгу! **Наде²йся**!*

Здесь говорящим отрицается факт возможности действия (прихода Лены в (17а) или передачи книги в (17б). Ещё пример — диалог старшего брата с сестрой (18):

(18) *— Помой посу³ду / и сходи в магазин за хле²бом!*
*— **Ща²с**! (Разбегу²сь!)*

Употребление разговорной формы наречия *щас* или даже *ща[з:]* (вместо *сейчас [с'ичас]*) вку-

пе с интонацией и контекстом (*Разбегу²сь!*) однозначно сигнализирует об отказе младшей сестры выполнить требование брата.

Утверждение через отрицание. Здесь возможны два случая: 1) утверждение, выраженное в высказываниях с одним отрицанием, и 2) утверждение, переданное с помощью двойного отрицания.

1. Утверждение, выраженное в высказываниях с одним отрицанием. Известно, что отрицание как форма в речи русских очень употребительно и частотно. В книжном магазине иностранец спросит: «*У вас есть последняя монография Всеволодовой?*», русский же, скорее всего, сформулирует вопрос по-другому — через отрицание: «*У вас* ***нет*** *последней монографии Всеволодовой?*» Ср. также: *Вы случаем* ***не*** *из Ростова родом?*

Там, где представители других языков попросят: «*Помогите мне, пожалуйста*», «*Скажите, пожалуйста*», русский скажет: «*Вы мне* ***не*** *поможете?*», «*Вы* ***не*** *скажете?*» Помимо формально выраженного отрицания здесь используются так называемые несобственно-вопросительные предложения, в которых выражено значение просьбы. Причина употребления общего вопроса в невопросительном значении заключается в коммуникативной целеустановке говорящего — выразить смягчённое, некатегоричное, более вежливое побуждение к действию. Ср. также (19а) и (19б):

(19) а) *Закурить* ***не*** *найдё³тся?* (=Дайте, пожалуйста, закурить);

б) *Вы* ***не*** *согласи³тесь составить мне компанию?* (= Составьте мне, пожалуйста, компанию).

Справедливости ради следует сказать, что подобная вопросительная форма вежливой просьбы используется и в некоторых других языках (например, в английском и турецком), однако обычно не сопровождается при этом отрицанием.

Значение ‘утверждение через отрицание’ может быть передано не только общими, но и частными (специальными) несобственно-вопросительными предложениями типа (20а), (20б) и (20в):

(20) а) *Где я только не бывал?! Чего я только не видал?!;*

(20) б) *И какой же русский не любит быстрой езды?* (Н. Гоголь, пример из [6]);

(20) в) *Кто не знает Любочку?* (пример из [6]).

Синонимичными по отношению к (20а) являются утвердительные модификации высказывания: *Я бывал во многих местах; Я видел многое*; по отношению к (20б) — *Все русские любят быструю езду*; (20в) — *Любочку знают все.*

Коммуникативные ошибки иностранных учащихся нередко бывают вызваны неверным восприятием русских высказываний, построенных по модели *не успел (что сделать) как*, со значением экспрессивно подчёркнутого быстрого следования событий:

(21) а) *Не успел я закрыть за собой дверь, как зазвонил телефон*;

(22) а) *Не успели мы вернуться с практики, как нас вызвали к декану.*

Частица *не* в данном случае не несёт отрицания, она изофункциональна союзу *едва,* ср. синонимичные предложения:

(21) б) *Едва успел я закрыть за собой дверь, как зазвонил телефон;*

(22) б) *Едва мы вернулись с практики, как нас вызвали к декану.*

Однако иностранцы нередко воспринимают значение подобных высказываний так, как будто действие, выраженное в первой части предложения, не было выполнено (см. об этом также: [6: 106; 10: 220]).

Значение ‘утверждение через отрицание’ может быть передано, например, при соответствующем интонационном оформлении и смысловых связях предложений в контексте (23, 24а):

(23) — *Ты что такой мокрый, под дождь попал?*

— *Нет,* ***под душ встал в пальто****;*

(24) а) — *Дождь уже который день моросит. По-моему, климат у вас не очень.*

— ***Не говорите!*** *(=И не говорите!)*

В примере (23) в реплике-реакции утверждается неуместность подобных вопросов о причинах состояния собеседника, так как они очевидны из ситуации. В ответном высказывании (24а) выражено согласие с мнением собеседника. Если же изменить грамматический вид глагола, то значение поменяется на противоположное — несогласие собеседника с утверждением первого говорящего (24б):

(24) б) — *Дождь уже который день моросит. По-моему, климат у вас не очень.*

— ***Не скажите!*** *Обычно в это время уже вовсю загорают.*

2. Утверждение, переданное высказываниями с двойным отрицанием. Одной из разновидностей высказываний с двойным отрицанием является литота [7: 308], например, (25а) и (25б):

(25) а) *Пётр выслушал эту грустную историю* ***не без*** *участия.* (= с участием);

б) ***Не*** *могу* ***не*** *согласиться с вами.* (= Я согласен с вами).

В качестве «завершающего аккорда» приведу весьма уместный филологический анекдот о выражении модусных смыслов. Профессор читает лекцию: «*Есть языки, в которых одно отрицание обозначает просто отрицание. Есть языки, в которых два отрицания означают утверждение. Но нет таких языков, в которых два утверждения обозначали бы отрицание*». С задней парты слышен ироничный голос: «*Да! Конечно!*»

Выводы. Нетрудно убедиться в том, что изучение неродного языка — это в определённой степени постижение языковой картины мира его носителей. Соответственно непонимание, трудности в усвоении грамматики, лексики, интонации звучащей речи могут быть связаны с различиями в языковой картине мира родного и изучаемого языков, что следует учитывать в процессе преподавания языка, введения и закрепления лексического и грамматического материала — как устного, так и письменного, как книжного, так и разговорного. Безусловно, в преподавании иностранных языков в целом и русского как иностранного в частности недооценивать специфику национальной языковой картины мира недопустимо.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К структурам содержательного пространства языка вслед за М. В. Всеволодовой отнесём типовые ситуации как основу речевых реализаций содержательного аспекта языка, денотативные роли как составляющие типовых ситуаций, функционально-семантические поля, функционально-семантические категории, системы значений как фрагменты функционально-семантических полей, синонимико-вариативные ряды, лексемы как совокупности лексико-семантических вариантов, собственно лексико-семантические варианты слова, а также семы как минимальные единицы смысла.

[2] В других языках такая форма вполне возможна. Например, в турецком языке название Болгарии — *Bulgaristan*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амиантова Э .И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В. и др.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 215–233.

2. *Брызгунова Е. А.* Интонация и синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. учебных заведений / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997. С. 869–902.

3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004.

4. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.

5. *Всеволодова М. В., Панков Ф. И.* Практикум по курсу «Теория функционально-коммуникативной грамматики»: Рабочая тетрадь: Учебн. пособие. М., 2005.

6. *Кузьменкова В. А.* Грамматика в свете прагматики // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Матер. междунар. научн.-практ. конф. 25–27 апр. 2002 года. СПб., 2003. С. 104–108.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.

8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.

9. Мы и мир. Психологическая газета. М., 1998. Февр., № 4.

10. *Панков Ф. И.* Временные отношения // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный: Учебн. пособие / Под ред. А. В. Величко. М., 2004. С. 199–225.

11. *Панков Ф. И.* Некоторые вопросы преподавания русской грамматики и лексики в свете национальной языковой картины мира // Вопр. когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 95–101.

12. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

13. *Щерба Л. В.* Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики: Учеб. пособие. М., 2002.

И. В. Ружицкий, Е. В. Потёмкина

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

IGOR V. ROUZHITSKIY, EKATERINA V. POTYOMKINA
THE PROBLEM OF THE FORMATION OF A BILINGUAL PERSONALITY IN LINGUODIDACTICS

Игорь Васильевич Ружицкий
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
► konnitie@mail.ru

Екатерина Владимировна Потёмкина
Аспирант кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
► kpisareva@yandex.ru

Статья посвящена изучению феномена билингвизма в его тесной связи с лингводидактикой и теорией языковой личности Ю. Н. Караулова. Проведен подробный анализ структурных различий языковой личности и вторичной языковой личности, описана модель формирования билингвальной личности. Поставлен вопрос о разработке метода формирования билингвальной личности учащихся, основанного на использовании на занятиях по русскому языку как иностранному художественного текста.

Ключевые слова: лингводидактика, языковая личность, билингвизм, вторичная языковая личность, художественный текст.

The article covers the analysis of the phenomenon of bilingualism as it relates to linguodidactics and the theory of language personality (by Yuriy N. Karaulov). The detailed analysis of the structural differences between language personality and the secondary language personality is given, the model of the formation of a bilingual personality is described. The question of developing a method of forming a student's bilingual personality based on the literary text using on the lessons of the Russian as a foreign language is set.

Keywords: linguodidactics, language personality, bilingualism, the secondary language personality, literary text.

Введение

Антропоцентрическая парадигма современной лингводидактики определяет объектом своего изучения языковую личность (далее — ЯЛ) учащегося (С. Г. Блинова [1], И. Г. Богин [2], Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез [8], Ю. Н. Караулов [11; 12], И. И. Халеева [24], Т. К. Цветкова [1]), в связи с чем проводится немало исследований, посвященных личностному аспекту усвоения иностранного языка (У. Вайнрайх [3], Е. М. Верещагин [4], М. В. Завьялова [9], И.А. Зимняя [10], Р. К. Миньяр-Белоручев [14]). Однако до сих пор не выработано общей точки зрения на то, как именно лексическая единица, принадлежащая иной языковой системе, включается в языковое сознание индивида; какие связи формируются между единицами родного и иностранного языков; каким образом новые понятия, образы, ассоциации и другие типы когнем (единиц знаний) изучаемого языка входят в существующее в сознании учащегося концептуальное поле. Другими словами, открытым остается вопрос: меняется ли ЯЛ учащихся в условиях билингвизма? При этом из прак-

тики преподавания иностранного языка можно привести большое количество примеров появления на продвинутом этапе обучения «акцента» на всех уровнях ЯЛ, а не только фонетического: речь иностранцев, изучающих русский язык, может становиться более эмоциональной, меняется темп и интонация; по возвращении в свою страну учащиеся могут даже констатировать некоторый дискомфорт в общении на родном языке. Отметим, что программа изучения и описания взаимодействия языков в речевой деятельности была заложена еще Л. В. Щербой, в работах которого рассматривается процесс интерференции, приспособления систем языка (и шире — того, что стоит за языком) в условиях билингвизма (см.: [26]). Вопрос о структурных особенностях ЯЛ билингва и является основной темой обсуждения в данной статье.

Феномен билингвизма

Большинству исследователей свойственно широкое понимание билингвизма как гибкой характеристики, варьирующейся от самой малой степени владения двумя языками до совершенного владения, т. е. двуязычие имеет место всякий раз, когда человек переключается с одного языкового и культурного кода на другой. Наиболее распространенное определение билингвизма дано У. Вайнрайхом в его работе «Языковые контакты»: «...билингвизм — это владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения <...> с лингвистической точки зрения проблема двуязычия заключается в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом» [3: 27].

В науке уже достаточно подробно описаны типы билингвизма в зависимости от характера взаимодействия языков в речевой деятельности ЯЛ: чистый и смешанный (Л. В. Щерба), составной, координированный и субординативный (У. Вайнрайх), рецептивный, репродуктивный и продуктивный (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров). В зависимости от возраста, в котором происходит усвоение второго языка, различают билингвизм ранний и поздний. В статье мы будем говорить о процессе изучения русского языка как иностранного учащимися-стажерами филологического профиля — о случаях, когда система изучаемого языка уже в основном усвоена через призму родного (субординативный тип билингвизма[1]), поэтому главной задачей на этом этапе является формирование дополнительной, относительно независимой семантической базы средствами изучаемого языка (что иллюстрировало бы дистрибутивную гипотезу организации концептуальной системы при субординативном билингвизме). Данное положение подтверждается результатами ассоциативного эксперимента диагностирующего характера. Испытуемые — иностранные учащиеся — давали одинаковые ассоциативные реакции на слова-стимулы родного языка и их переводные эквиваленты в русском языке, что косвенно свидетельствовало о единой концептуальной базе родного и изучаемого языков.

Генезис языковой личности билингва

Не вызывает сомнений, что ЯЛ является проекцией личности человека в целом. Последняя, в свою очередь, определяется синтезом биологического фактора (личностные особенности) и фактора среды (совокупность условий существования человека). Эти две грани личности существуют неразрывно, и не случайно Л. С. Выготский, отвечая на вопрос о том, каким будет влияние среды на развитие индивида, использовал понятие переживания — единицы, в которой в неразложимом виде представлена, с одной стороны, среда (то, что переживается) и, с другой стороны, то, как человек переживает это (то есть особенности личности) (см.: [6]).

Под с р е д о й понимается то, с р е д и чего существует личность. Выделяется географическая, макро- и микросреда и социальная среда. При этом если в педагогическом аспекте изучения билингвизма язык является лишь одним из факторов социальной среды наряду с государственным строем, конфессиональным признаком, системой школьного воспитания, фактором науки и культуры (традиции и обычаи, историческое, литературное, архитектурное наследие и т. п.),

то в лингводидактическом аспекте языковая среда представляет основной исследовательский интерес. Личность рассматривается здесь как лингвоцентрическая сущность, т. е. языковая личность, в которой, тем не менее, находят отражение все перечисленные факторы среды. Отметим, что такой взгляд коррелирует с идеей личностно-ориентированного обучения и развиваемым К. Д. Ушинским принципом природосообразности (см.: [23]), при котором языковое обучение приравнивается к развитию имеющейся языковой способности учащихся, что определяет цели обучения языку, в том числе и наиболее универсальную — развитие мышления учащихся.

Перед специалистом в области изучения феномена билингвизма, таким образом, встает вопрос: что происходит с ЯЛ в условиях погружения в новую языковую среду? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к теории ЯЛ, которая позволит описать личность билингва с учетом совокупности структурированных параметров.

Модель ЯЛ Ю. Н. Караулова

Под ЯЛ Ю. Н. Караулов подразумевает генетически обусловленную предрасположенность к созданию и манипулированию знаковыми системами, т. е. ЯЛ есть многокомпонентный набор языковых способностей и готовностей к осуществлению речевой деятельности (см.: [11]). Соответственно, ЯЛ является «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов» [22: 671].

В концепции Ю. Н. Караулова ЯЛ имеет ряд типологических особенностей.

1. Прежде всего, ЯЛ включает три уровня — лексикон, тезаурус и прагматикон, каждый из которых характеризуется набором единиц, отношений и стереотипных объединений (под стереотипами Ю. Н. Караулов понимает единицы текста, обладающие свойством повторяемости и отвечающие коммуникативным потребностям личности и условиям коммуникации, — «стандарты», «шаблоны» [11: 54]).

Лексикон в структуре ЯЛ, т. е. то, что формирует ее словарный запас, — это уровень обычной языковой семантики (уровень «семантем»), смысловых связей слов, которые охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей. Для носителя языка он предполагает степень владения обыденным языком. Отношения между словами образуют достаточно устойчивую систему — ассоциативно-вербальную сеть ЯЛ. В качестве стереотипов на этом уровне выделяются стандартные словосочетания и модели предложений (*пойти в кино, любить цветы, купить хлеба* и т. п.).

Когнитивный уровень в структуре ЯЛ представляет собой систему ценностей и смыслов. На этом уровне анализа ЯЛ семантика размывается и на первое место выходит образ, возникающий не в семантике, а в системе знаний. Единицей этого уровня выступает элементарная единица знания — когнема (см.: [12]). В теории ЯЛ выделяются следующие типы когнем: метафора, концепт, фрейм, мнема, прецедентный текст и др.

В основе взаимодействия различных когнем внутри ЯЛ лежат подчинительно-координативные отношения, в результате которых когнемы объединяются в определенную сеть — семантические поля. В качестве стереотипов когнитивного уровня ЯЛ выступают генерализованные высказывания — общезначимые изречения, содержащие житейские правила, формулы поведения и оценки, отражающие естественные нормы здравого смысла и базовые понятия национальной языковой картины мира: пословицы, сентенции, речевые штампы, клише и др. (*Знание — сила; Каждый понимает в меру своей испорченности* и т. п.).

Прагматикон в структуре ЯЛ обеспечивает переход от речевой деятельности к осмыслению деятельности реальной, которая и является конечной целью общения — т. е. выражает интенции говорящего, являющиеся стереотипами прагматического уровня, вследствие чего единицы этого уровня — прагмемы — формируют сеть коммуникативных потребностей.

В дискурсе прагматический уровень формирует субъективный модус, который может «материализоваться» как в стилистической окраске текста, так и в оценочных суждениях, эмоциональном использовании модальных частиц и междометий. Мы ориентируемся на самое ши-

рокое понимание прагматики, в соответствии с которым к прагматическому компоненту значения слова следует относить (1) связь значения с пресуппозицией и рефлексией (рефлексивный микрокомпонент), (2) оценку по шкале пейоратив → мелиоратив (оценочный микрокомпонент), (3) выражение словом эмоций (эмотивный микрокомпонент) и (4) связь употребления слова с определенным функциональным стилем (стилистический микрокомпонент) (см.: [20]).

2. Важной составляющей модели ЯЛ является выделение в ее структуре на каждом из уровней инвариантной и вариативной частей. Инвариантная часть — это неизменные, обладающие высокой устойчивостью к изменениям общие для всех смыслы, т. е. типологические черты ЯЛ. Вариативная часть, напротив, может относиться к определенному периоду и утрачиваться со временем, становиться неактуальной для национальной языковой картины мира или относиться к узкому языковому сообществу, определять лишь индивидуальные способы создания эстетической и эмоциональной окраски речи.

В процессе изучения иностранного языка формируется в первую очередь инвариантная часть ЯЛ. Для вербально-семантического уровня ЯЛ это будет общерусский языковой тип (фонетическая, орфографическая и др. нормы языка) и устойчивая часть вербально-семантических ассоциаций. Для тезауруса — базовая часть картины мира, узловые соединения в иерархической системе ценностей и смыслов. Для прагматикона — устойчивые коммуникативные потребности и готовности, свидетельствующие о типологических особенностях речевого поведения носителей изучаемого языка.

3. В основе концепции ЯЛ лежит коммуникативно-деятельностный подход. Единицы каждого уровня значимы только с точки зрения того, какие речевые готовности они обеспечивают. Лексикон ЯЛ образует словарный запас говорящего, и сформированность этого уровня предполагает умение совершать адекватный выбор языковых средств. Кроме того, на базе лексикона формируются элементарные правила русского языка, позволяющие строить словосочетания и предложения, соответствующие языковой норме. Владение тезаурусом обеспечивает умение определять тему высказывания, выражать свое мнение, готовность пользоваться внутренней речью, готовность производить и воспроизводить генерализованные высказывания и т. д. Прагматикон отвечает за коммуникативные потребности, за соответствие выбранных языковых средств условиям коммуникации, за использование подъязыков и регистров, за идентификацию банальностей и языковой игры, за прочтение подтекста. Если провести параллель с видами компетенций, определяемыми в лингводидактике, то лексикон обеспечивает языковую и дискурсивную, тезаурус — социокультурную (распознавание социокультурного контекста), страноведческую и предметную, прагматикон — иллокутивную (т. е. выражение говорящим различных интенций) и стратегическую компетенции.

Отметим, что готовностная модель ЯЛ, предложенная Ю. Н. Карауловым, является открытой: набор готовностей определяется социальными условиями и соответствующими ролями ЯЛ. Другими словами, список готовностей может меняться в зависимости от уровня владения языком и профиля обучения иностранного учащегося.

4. Важная особенность модели ЯЛ — это взаимосвязь ее уровней (рис. 1). Ю. Н. Караулов отмечает, что компоненты-окружности на рисунке «располагаются на самом деле один под другим», так что изображенная схема «имеет три измерения» [11: 96]. Эта особенность модели ЯЛ находит отражение в том, что адекватность понимания определенной единицы текста может рассматриваться как с точки зрения семантики, так и в связи с когнитивным потенциалом, а также эмоционально-оценочной окрашенностью — в зависимости от целей и позиции исследователя (см.: [19]).

5. И наконец, особенностью модели ЯЛ является то, что это открытая система. Ю. Н. Караулов в своих работах неоднократно подчеркивает, что предложенная модель является «принципиально незавершенной, способной к умножению своих составляющих» [11: 65].

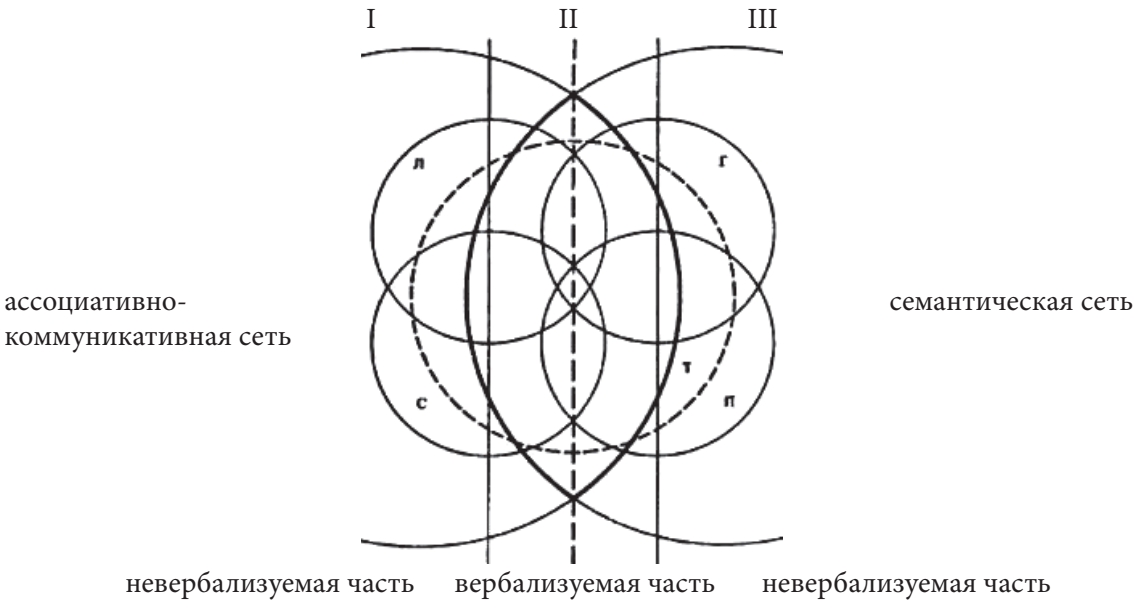


Рис. 1. Схема Ю. Н. Караулова, иллюстрирующая взаимосвязанность уровней ЯЛ. Начальными буквами Л, С, Г, П обозначены малые круги, символизирующие лексикон, семантикон, грамматикон и прагматикон ЯЛ, а пунктиром (область Т) обозначена сфера знаний о мире.

Итак, модель ЯЛ характеризуется (1) трехуровневостью, (2) наличием инвариантной и вариативной частей, (3) набором готовностей, (4) взаимосвязанностью уровней и (5) открытостью. Заметим также, что любое изменение в ее структуре повлечет за собой изменения в каждом из названных параметров.

Модель ЯЛ билингва

Определив типологические особенности ЯЛ, постараемся «наложить» их на языковую личность человека, говорящего на неродном языке.

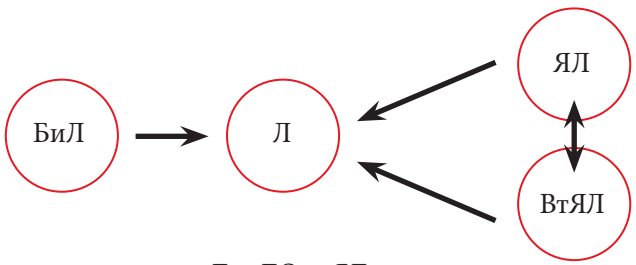
При погружении в принципиально новую языковую среду учащийся с уже сформировавшейся ЯЛ начинает испытывать на себе влияние другой, коллективной ЯЛ. В результате взаимодействия с ней формируется вторичная языковая личность (далее — ВтЯЛ) — т. е. структура ЯЛ учащегося, реализуемая средствами изучаемого языка (см.: [17]). Данный термин был впервые предложен И. И. Халеевой: «Идея Ю. Н. Караулова о языковой личности, обретающей контуры лишь вне языка системы, является ключевой не только для лингвиста, но и для лингводидакта, призванного воспитывать вторичную языковую личность» [24: 278]. Слово *вторичный* подчеркивает иерархию личностей внутри одного индивида — процесс формирования ЯЛ средствами изучаемого языка автоматически оказывается опосредован системой родного языка, поэтому новая картина мира накладывается на уже имеющуюся и не существует независимо от нее, иначе нам бы пришлось говорить о «раздвоении» личности[2]. Однако в современной лингводидактике все чаще говорят о формировании ВтЯЛ как о конечной цели обучения иностранному языку и критерии его эффективности. «Результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков — вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [8: 65]. Мы полагаем, что данное суждение требует некоторого дополнения, поскольку такие структуры, как ЯЛ и ВтЯЛ, не могут существовать отдельно друг от друга внутри индивида, они синтезируются, определяя субординативный характер билингвальной личности (далее — БиЛ). Таким

образом, формирование ВтЯЛ является лишь одним из аспектов формирования БиЛ.

В процессе формирования БиЛ личности происходит структурное взаимодействие: ЯЛ влияет на ВтЯЛ не меньше, чем ВтЯЛ трансформирует ЯЛ. Как уже было сказано во введении, на время пребывания в неродной языковой среде может даже происходить отчуждение от своей ЯЛ с превалированием ВтЯЛ (изучаемый язык становится доминатным). По словам Б. С. Котика, «систематическое употребление второго языка в реальной действительности может способствовать формированию единства языка и чувственной ткани сознания, что приводит к образованию непосредственного доступа второго языка в прелингвистический доречевой уровень» (цит. по: [1]).

Среди механизмов взаимодействия ЯЛ и ВтЯЛ выделим их слияние и разделение. Это значит, что на уровне лексикона, когнитивного уровня и прагматикона ЯЛ и ВтЯЛ будут происходить «процессы смешения и переключения» [15: 53]. Представим процесс взаимодействия ЯЛ и ВтЯЛ внутри БиЛ в виде схемы (рис. 2).

О слиянии следует говорить в связи с использованием индивидом единого «концептуального хранилища» с различными языковыми кодами. Так, например, один и тот же смысл может быть передан на двух языках, однако при этом чаще всего происходит семантическое подстраивание единицы неродного языка под единицу родного языка (ср. использование русского «эквивалента» *друг* для англ. *friend*). Если же языковое сознание индивида «сопротивляется», то на вербально-семантическом уровне неприятие новой языковой системы приводит к калькированию с родного языка (**таксист нажал на бутон для открытия и закрытия окна*), а на когнитивном уровне — к построению ценностно-иерархизированной системы смыслов, не соотносимой с ценностно-иерархизированной системой смыслов носителей языка. Так, например, в ходе эксперимента, проведенного в группах американских и российских школьников, были получены следующие результаты относительно такой базовой когнемы, как *дом*: на рисунках американских учащихся дом изображается с плоской крышей, около дома — газон, а на рисунках русских школьников рядом с домом с треугольной крышей часто изображаются деревья (как правило, яблони или березы). Неравноценными в рамках ассоциативного эксперимента будут и словесные реакции в мультинациональной группе иностранцев и группе русскоязычных испытуемых на такие слова-стимулы, как *коммуналка, кавказец, детдомовец, Москва* и др., представляющие собой строевые единицы современной русской ЯЛ. Л. В. Щерба указывал на причину подобных проявлений билингвизма: «Говорящий заимствует из другого языка, прежде чем слова, те понятия или их оттенки, ту их окраску, наконец, которые кажутся ему необходимыми» [26: 69]. Другие ученые также указывают в подобных случаях на разницу между денотативной номинацией и прагматико-сигнификативной, ас-



Л = ЛО + ЯЛ
БиЛ = ЛО + (ЯЛ + ВтЯЛ)

Рис. 2. ЛО — личные особенности; ЯЛ — языковая личность, сформированная на базе родного языка; ВтЯЛ — языковая личность, сформированная на базе изучаемого языка; Л — личность монолингва; БиЛ — личность билингва.

социативно-психологической структурой слова[3]. А. Ю. Мутылина приводит следующие примеры переключения кодов в речи русско-китайских билингвов, когда у говорящего есть необходимость употребить некоторую прагматически нагруженную единицу или своего рода концепт: *Он не хотел // второй ребенок / это слишком mafan* — ‘хлопоты, беспокойство’; *Хотелось бы внутрь зайти // но как-то buhaoyisi* — ‘неловко, неудобно, стеснительно’. Выделяются также случаи морфологической и фонетико-морфологической адаптации [15: 58–59].

Интересным представляется тот факт, что, овладев какой-либо когнемой изучаемой культуры, учащийся начинает с недоумением и даже недовольством относиться к тому, что носители этой культуры данную когнему не знают: [из письма аспиранта с Тайваня] *Мне было не только интересно, но и приятно заниматься у Кати <...> в течение этих двух недель... Она хорошенькая (ведь я наслаждаюсь подшучивать над красавицей, особенно на занятиях), и приводила занятия вообще нормально. Но честно говоря, я обнаружил у неё две небольшие проблемы: во-первых, она не так уж хорошо усвоила историю России. Сегодня я рассказал о Н. Н. Муравьёве-Амурском. Я был удивлён и немножко разочарован, что она о нём ничего не знала. Он же представитель российского империализма в середине XIX века, о котором русским нужно узнать* (пунктуация и стиль учащегося сохранены).

Как в случае слияния, так и в случае разделения ЯЛ и ВтЯЛ результатом будут многочисленные коммуникативные неудачи и даже конфликты. Специалисты в области изучения феномена билингвизма отмечают, что «наступает момент, когда выводы и обобщения относительно закономерностей иностранного языка, сделанные в рамках смысловой системы родного языка, вступают в противоречие с практикой изучаемого языка. Эти высказывания оцениваются преподавателем как неправильные, а сам учащийся начинает воспринимать изучаемый язык как нечто нелогичное и недоступное для понимания» [1].

Таким образом, в отношении характера взаимодействия ЯЛ и ВтЯЛ следует говорить о двунаправленной интерференции[4], понимаемой широко: на уровне образов, мотивов, этических ориентиров, особенностей эмоционально-оценочного восприятия действительности[5]. Другими словами, одной из типологических особенностей БиЛ наряду с типологическими особенностями ЯЛ следует назвать ее своеобразную диалогичность.

Художественный текст как диалог языковых личностей

В связи с проблемой билингвизма обращение к художественному тексту (далее — ХТ) может послужить решением сразу нескольких задач: иллюстрации диалогичности/многоголосия ЯЛ и способу выявления области размежевания ЯЛ и ВтЯЛ.

С самого начала понятие ЯЛ связывалось в отечественной лингвистике со спецификой организации пространства ХТ. Как отмечает Н. И. Конрад, вслед за К. Фосслером В. В. Виноградов ставил перед собой задачу осветить — «на базе конкретной языковой деятельности — постоянно действующую связь, отношения языка, как стиля, и его творца — человека, писателя» [13: 409]. Результатом анализа материала художественной литературы В. В. Виноградовым стали разработанные пути описания ЯЛ автора и персонажа. Сам термин «языковая личность» был впервые употреблен им в публикации «О художественной прозе», где ученый писал, что «в особую субъектную, смысловую структуру элементы речи объединяются посредством личности говорящего или пишущего» [5: 62].

Взяв за основу своей концепции некоторые теоретические положения В. В. Виноградова, Ю. Н. Караулов развил понятие ЯЛ, предложив такое ее определение (см. выше), которое делает возможным, с одной стороны, соотносить уровень понимания иноязычного ХТ со степенью сформированности БиЛ и, с другой стороны, позволяет ХТ быть инструментом ее формирования.

Эффективность изучения ХТ на занятиях по русскому языку как иностранному не вызывает сомнения. Среди множества функций, выполняемых ХТ, следует особо выделить развитие

внутренней речи читающего. В процесс затрудненного чтения учащиеся должны осуществлять логическое упорядочивание воспринимаемых данных, включая их в систему понятий — ценностно-иерархизированное дерево тезауруса. Однако этот процесс не является линейным, так как ХТ, как правило, характеризуется «многоголосием». Стилистика ХТ определяется связями между самостоятельными смысловыми центрами — голосом автора и голосами персонажей. Это же можно сказать и о рефлексии БиЛ в процессе чтения иноязычного текста. С одной стороны, она определяется особенностями ЯЛ читателя, с другой стороны, текст сам по себе оказывается заряжен некоторыми особенностями ЯЛ автора, которые осложняются независимыми голосами персонажей (в совокупности они отражают русскую ЯЛ). В результате, если полилог между читателем, автором и персонажами осуществляется успешно (происходит расшифровка интенций, заложенных автором ХТ), можно говорить о понимании смысла ХТ, что возможно только при условии большой зоны пересечения структур их ЯЛ. Между тем практика преподавания РКИ показывает, что даже на продвинутом этапе обучения учащиеся испытывают затруднения в процессе понимания ХТ (в частности, из-за насыщенности лингвострановедческим материалом). Это происходит по причине недостаточной сформированности ВтЯЛ читателя: в ее структуре слишком много лакун. Данный факт позволяет использовать потенциал ХТ в выявлении области размежевания ЯЛ и ВтЯЛ. На материале отдельного ХТ может быть составлен список единиц (вербально-семантического, когнитивного и прагматического уровней), отсутствующих в родной ЯЛ читателя по различным причинам: просто различное буквенное и фонетическое обозначение, отсутствие в родном языке целой категории, образа и др. Для обозначения ситуации непонимания той или иной единицы текста мы предлагаем использовать понятие «атопон» (букв. ‘лишенный места’), то есть то, «что не укладывается в схемы наших ожиданий и потому озадачивает» [7: 45]. Атопон — это обозначение любой непонятой читателем единицы в тексте на вербально-семантическом, когнитивном или прагматическом уровнях. Если понятие БиЛ соединяет способности учащегося с особенностями порождаемых / воспринимаемых им текстов, значит, на основе методики изучения ХТ (включающей классификацию входящих в него единиц непонимания в соответствии с трехуровневой структурой ЯЛ) потенциально может быть разработана методика формирования БиЛ.

Выводы

Успех изучения иностранного языка определяется качеством формирования БиЛ. При этом важно понимать, на каком этапе данного процесса находится та или иная БиЛ. Когда речь идет о позднем билингвизме, *на первом этапе* ВтЯЛ строится на базе родной ЯЛ. Учащийся неосознанно воспринимает изучаемый язык через призму родного — «переводит» информацию с неизвестного кода на известный, используя уже имеющуюся концептуальную базу. Впоследствии родная ЯЛ и ВтЯЛ начинают, как правило неосознанно, взаимодействовать, т. е. *второй этап* характеризуется смешением структур родной ЯЛ и ВтЯЛ: их строевые единицы могут объединяться, калькироваться, подменяться. *На третьем этапе*, когда процесс слияния становится уже вредным в рамках формирования БиЛ учащегося, следует ставить задачу сознательного разделения ВтЯЛ и родной ЯЛ, с тем чтобы сформировать две независимые структуры, каждая их которых характеризовалась бы своим набором строевых единиц и отношений между ними на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях. Необходимость в подобном разделении особенно ощущается при анализе речи иммигрантов, когда учащиеся часто не различают две различные языковые картины мира. Другими словами, на третьем этапе должна происходить постепенная трансформация субординативного билингвизма в координированный, при котором учащийся признает наличие отличной от родной ЯЛ, осознает ее типологические особенности и последовательно развивает ее.

Отметим, что в основе описанных этапов формирования БиЛ лежит, с одной стороны, идея

личностно-ориентированного обучения и, с другой стороны, общедидактический принцип сознательности и активности учащихся, который требует обеспечения в обучении осознанного усвоения знаний путем активизации рефлексии учащихся. При этом, как мы предполагаем, в процессе формирования БиЛ по критерию сознательности происходит движение от неинтенционального (стихийного) типа двуязычия к интенсиональному (см.: [25]).

В лингводидактике конкретное решение задачи формирования БиЛ предполагает построение в сознании учащегося некоторого конструкта, являющегося репрезентацией системы ВтЯЛ не только на вербально-семантическом, но и на когнитивном и прагматическом уровнях. Пути решения этой задачи лежат, вероятно, в применении на практике лингводидактической модели ЯЛ с дальнейшим ее развитием. В настоящее время, например, в учебных пособиях по иностранному языку среди объектов обучения традиционно присутствуют лишь такие когнемы и стереотипы когнитивного уровня ЯЛ, как метафора (*солнечный человек*), устойчивые сравнительные обороты *(хитрая как лиса*), пословицы (*без труда не выловишь и рыбку из пруда*), фразеологические обороты (*повесить нос*) и — не системно — концепты (*истина/правда, стыд/совесть*). «Не встроенными» во ВтЯЛ учащегося оказываются такие типы когнем, как фрейм (*майские праздники, ходить в баню, стоять в очереди, пить чай на кухне*), различного типа мнемы (*автомат с газированной водой, коммунальная квартира, лекции в Политехническом, пионерлагерь, картошка*), прецедентные тексты и отсылки к ним (*хотели как лучше, а получилось как всегда; надо Федя, надо!*; *Гиперболоид инженера Гарина; Иван Сусанин*). Прагматический уровень в практике преподавания иностранного языка, особенно такого эмоционально-нагруженного языка, как русский, также во многом остается за рамками системы обучения. Так, например, многие модальные частицы до сих пор не включаются в лексические минимумы по РКИ. Одним из возможных инструментов мотивации учащихся к изучению подобных единиц является чтение ХТ. Несмотря на попытки создания инновационных методов формирования БиЛ на материале ХТ (например, «двухуровневое» комментированное чтение (см.: [21])), данное направление лингводидактики остается приоритетным и открытым для научных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. Н. Рогозная использует термин «несовершенный» билингвизм, который отражает наличие в речи иностранцев разной степени интерференции (см.: [18]).

[2] В медицине отмечают случаи «билингвальной шизофрении», при которой человек ощущает смену своей личности при смене языка (см.: [16]).

[3] В работах Г. Н. Чиршевой выделяются следующие прагматические функции кодовых переключений: «адресатная, цитатная, юмористическая, фатическая, эзотерическая, экономии речевых усилий, эмоциональная, самоидентификации, предметно-тематическая, металингвистическая и воздействующая» [25: 73–75].

[4] В. В. Виноградов определял подобную интерференцию как «незавершенное переключение кодов» (цит. по: [25]).

[5] Как справедливо отмечает Р. К. Миньяр-Белоручев, размышляя над проблемой билингвизма, лишь овладев навыком девербализации, т. е. способностью непроизвольно переходить к образному мышлению на иностранном языке, можно «освободиться от господства одного языка и войти в мир многоязычия, познать не только свою страну, но и другие национальные культуры» [14: 66].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блинова С. Г., Цветкова Т. К.* Проблема формирования билингвального сознания в лингвистике и лингводидактике // Ярославский педагогический вестник. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/25_6/

2. *Богин Г. И.* Относительная полнота владения вторым языком. Калинин, 1978.

3. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 25–60.

4. *Верещагин Е. М.* Психологическая и метрическая характеристика двуязычия. М., 1969.

5. *Виноградов В. В.* О художественной прозе. М., 1930.

6. *Выготский Л. С.* Лекции по педологии. Ижевск, 2001.

7. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.

8. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М., 2004.

9. *Завьялова М. В.* Исследование речевых механизмов при билингвизме (на матер. ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопр. языкознания. 2001. № 5. С. 60–85.

10. *Зимняя И. А.* Психология обучения неродному языку. М., 1989.

11. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.

12. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009.

13. *Конрад Н. И.* О работах В. В. Виноградова по вопросам стилистики, поэтики и теории поэтической речи // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 400–412.

14. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Механизмы билингвизма и проблема родного языка при обучении иностранному // Иностранные языки в школе. 1991. № 5. С. 14–16.

15. *Мутылина А. Ю.* О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» (на примере устной речи русско-китайских билингвов) // Вестн. ИГЛУ. 2011. Вып. 1. С. 52–60.

16. *Панькин В.М., Филиппов А. В.* Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011.

17. *Потёмкина Е. В.* Вторичная языковая личность как объект лингводидактики // Вестн. ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 4. С. 59–64.

18. *Рогозная Н. Н., Ма Пин.* Исследования субординативного билингвизма по обе стороны контактирования языков (китайско-русский и русско-китайский интерязык) // Лингвистические и методические стратегии обучения иностранцев русскому языку как средству межкультурной коммуникации. Иркутск, 2006. С. 56–63.

19. *Ружицкий И. В.* Концепция языковой личности: лингводидактический аспект // Матер. Всерос. научн.-практ. конф. «Словесник. Учитель. Личность». Чебоксары, 20 ноября 2009 г. Чебоксары, 2009.

20. *Ружицкий И. В.* Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык. Сознание. Коммуникация. 2001. Вып. 16. С. 13–19.

21. Русская литература–XXI век: Хрестоматия для иностранных учащихся. Вып. 1 / Под ред. Е. А. Кузьминовой, И. В. Ружицкого. М., 2009.

22. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

23. *Ушинский К. Д.* Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 5. М., 1990.

24. *Халеева И. И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. С. 277–286.

25. *Чиршева Г. Н.* Введение в онтобилингвологию. Череповец, 2000.

26. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

[хроника]

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ. К ИТОГАМ ЦИКЛА НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

На одном из рабочих совещаний по поводу цикла конференций, предстоящих в начале 2013 года, у меня родилось предложение объединить их общей «шапкой» — «Научная весна на Первой линии». Именно на 1 линии Васильевского острова находится Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ (ВШЖиМК), в состав которой входят два факультета: журналистики и прикладных коммуникаций. Название понравилось, и с того момента оно замелькало в наших пресс-релизах, анонсах мероприятий, интервью и т. п. Скоро стало ясно, что весна выдалась как никогда жаркой.

Для иллюстрации перечислю те события, которые одно за другим прошли за несколько месяцев: международная студенческая конференция «СМИ в современном мире. Молодые исследователи» (март), международная конференция «СМИ в современном мире. Петербургские чтения» (апрель), включающая в себя «на правах автономии» международный семинар «Речевая коммуникация в СМИ» и англоязычную международную преконференцию «Сравнительные медиаисследования в современном мире: встреча Востока и Запада — Comparing Media Systems in Today's World: East meets West», международная конференция «Иллюстрация в печати: от прошлого к будущему» (май), всероссийская конференция Национальной ассоциации исследователей массмедиа «Российские исследования массмедиа и журналистики в международном контексте» (май), англоязычный международный семинар «Медиа в переходном состоянии — Media in transition» (май). Надо заметить, что в каждом случае речь идет не о локальных кафедральных дискуссиях, а о крупных научных форумах, собирающих многие десятки и сотни участников. Понятно, что сотрудники ВШЖиМК полной мерой ощутили на себе тяготы организационных и интеллектуальных забот.

Однако внимания заслуживают, конечно, не сами по себе труды организаторов, а идейные доминанты и научные результаты прошедших дискуссий. Среди доминант выделим, прежде всего, *международный* уровень мероприятий. Не случайно это слово повторяется в перечне конференций, который приведен выше. В ВШЖиМК избрана стратегическая установка на осмысление состояния отечественной журналистики и научного знания о ней в сопоставлении с мировыми тенденциями. В океане современной науки нет изолированных акваторий, и былое тяготение российской теоретической школы к автотрофному существованию не только выглядит архаичным, но просто перестало быть возможным. Вопрос заключается в том, на каких началах мы входим в мировое исследовательское сообщество — как ученическая аудитория, воспроизводящая концепции зарубежных авторитетов, или как равноправные партнеры, обогащающие мир тем интеллектуально-культурным капиталом, которым располагает отечественная наука.

Например, одной из самых ярких примет семинара «Речевая коммуникация в СМИ» и пленарного заседания конференции «СМИ в современном мире» стало участие в них нидерландско-

(Продолжение на с. 100)

Г. М. Васильева, Ян Лю

ДИНАМИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

GALINA M. VASILYEVA, YAN LYU
DYNAMICS OF LEXICO-SEMANTIC GROUP OF INDIVIDUALS DENOMINATION ACCORDING TO PROFESSION: LINGUOCULTURAL AND LINGUOMETHODICAL ASPECTS

Галина Михайловна Васильева
Доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
► galinav44@mail.ru

Ян Лю
Аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Статья ориентирована на задачи обучения лексике китайских студентов-филологов и посвящена лингвокультурологическому потенциалу наименований лиц по профессии, который заключен в их культурологической ценности, исторической информативности, востребованности в текстах художественной и публицистической литературы.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический потенциал, культурологическая ценность слова, историческая информативность, аксиологическая отмеченность; наименования лиц по профессии, динамика лексико-семантической группы наименований лиц по профессии.

The article covers the goals of teaching vocabulary to Chinese students of Philology and is devoted to the linguoculturological potential of denomination of individuals according to their profession, which is implemented in their cultural markedness, historical informational capacity, axiological markedness and the relevance in the texts of fiction and publicism.

Keywords: cultural linguistics, linguoculturological potential, culturological value of a word, historical informational capacity axiological markedness, denomination individuals according to profession, dynamics of lexico-semantic group of individuals denomination according to profession.

Лингвокультурологический подход к обучению иностранным языкам, базирующийся на связи языка и культуры, предполагает включение в содержание обучения студентов-филологов культурно маркированных единиц изучаемого языка. К таким единицам относится и лексико-семантическая группа наименований профессий, дающая представление о важных процессах, происходящих в социальной жизни, экономике, культуре страны.

Общеизвестно, что лексика языка постоянно впитывает в себя вновь возникающие слова, появление которых обусловлено изменениями в развитии производства, науки, культуры и т. д. При этом в лексике происходит и обратный процесс — исчезновение из ее состава устаревших слов. Поскольку появление в языке новых слов и уход из языка устаревшей лексики — это длительный и постепенный процесс, то в словарном составе языка сосуществуют одновременно два пласта слов: *активный* и *пассивный* словарные запасы языка.

Согласно общему мнению методистов, обучать иностранных студентов нужно именно активному словарному запасу языка, к которому относят лексику, не имеющую ни оттенка устарелости, ни оттенка новизны, в то время как слова, которые уходят из языка (устаревшие слова), и слова, которые окончательно не вошли еще в общелитературное употребление (неологизмы), не должны являться основным предметом обучения в иностранной аудитории. Однако представляется, что содержание обучения студентов-филологов должно включать и культурно маркированные единицы, имеющие как оттенок устарелости, так и новизны, поскольку они отражают динамические процессы в обществе и культуре, имеют значительную культурную ценность, часто используются в текстах художественной литературы. Ввиду этого знание таких лексических единиц необходимо для формирования профессиональной компетенции студентов-филологов.

По мнению лексикологов, наименования лиц по профессии составляют одну из самых подвижных групп лексики в языке. Изменения в составе этой группы слов обусловлены как экстралингвистическими (в связи с перестройкой социально-экономических отношений, углублением общественного разделения труда, изменениями в технологии производства, переосмыслением социальной роли той или иной деятельности), так и собственно лингвистическими причинами (в частности, эволюцией словообразовательных средств, стремлением к экономии речевых усилий и т. д.) [2: 178].

Если говорить об устаревших лексических единицах, то среди них можно отметить значительное число наименований лиц по профессии: как *историзмов* (слова пассивного запаса, названия исчезнувших предметов, явлений, понятий и.т. д.), так и *архаизмов* (слова пассивного запаса, названия предметов и явлений существующих, вытесненные, однако, их синонимами — словами активного употребления)» [4: 74]. Показательно, что Н. М. Шанский и В. В. Иванов в учебнике «Современный русский язык», предназначенном для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература», перечисляя примеры историзмов из романа А. Н. Толстого «Петр I», упоминают немало наименований профессий и видов трудовой деятельности, например: *ямщик, стольник, сокольничий* [7: 59]. Наименования лиц по профессии, ставшие историзмами, как правило, фиксируются в толковых словарях современного русского литературного языка с пометой (ист.), например: *ловчий* — Лицо, ведавшее разными видами ловли, главным образом, охотой; *приказчик* — 1. Наемный служащий в торговом заведении, занимавшийся по доверенности хозяина торговлей в магазине. 2. Управляющий имением помещика; *денщик* — солдат в царской армии, состоящий при офицере для личных услуг; *стремянной* — слуга, конюх, ухаживающий за верховой лошадью, а также слуга, сопровождающий барина во время охоты и т. д. [6].

В современном русском языке функционирует значительное количество наименований лиц по профессии, перешедших в разряд архаизмов, например: *брадобрей* (парикмахер), *богомаз* (иконописец), *комедиант* (актер) и др. Данная лексика сопровождается в словарях пометой (устар.), однако является ярким стилистическим средством в произведениях художественной литературы. Ср., например, стихи А. С. Пушкина: «Здесь вижу двух озер лазурные равнины,/ Где парус *рыбаря* белеет иногда».

Хотя основным предметом обучения РКИ должны стать наименования лиц по профессии, относящиеся к активному словарному запасу языка, однако, согласно лингвокультурологическому подходу к обучению РКИ, те историзмы и архаизмы, которые имеют особую культурологическую ценность, целесообразно включать в содержание обучения на продвинутом этапе. Например, культурную значимость для носителей языка имеет существительное *дядька,* которое хотя и утратило в современном русском языке значение «Слуга в дворянских семьях, приставлявшийся для надзора за мальчиком, а также служитель в дореволюционных мужских закрытых учебных заведениях» (МАС), связано с прецедентным именем Савельича (дядьки Гринева), главного героя повести А. С. Пушкина

«Капитанская дочка», известной любому представителю русской культуры. Ср.: «С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки» [Пушкин. Капитанская дочка]. Лексема *ямщик* (ср.: Ямщик — возница, кучер на ямских, почтовых лошадях (МАС)), имеет для носителей русского языка культурное и историческое значение, обнаруживая в многочисленных поэтических текстах связь с образами бесконечности, заснеженности, пустынности российских дорог; с тоской и одиночеством находящегося в долгом пути человека [1: 13].

«Вечным образом» русской культуры стала и «старуха-процентщица» из известного романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Представляется, что известная всем носителям русского языка комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» стала причиной культурной отмеченности ныне существующей, но неяркой и малопривлекательной профессии, а фраза «К нам едет ревизор!» стоит в ряду самых ярких прецедентных высказываний русской культуры.

Кроме того, культурологическую значимость, которую нельзя не учитывать в обучении РКИ, имеют процессы возвращения некоторых видов деятельности и их наименований, ранее вышедших из употребления. Так, например, Е. И. Голованова пишет о том, что «в связи с развитием системы услуг на дому возрождаются такие ушедшие в прошлое профессии, как *гувернантка, домашний учитель, семейный врач*; активнее используются наименования *няня, сиделка, домработница, прачка.* Изменение социально-экономической ситуации в стране вызвало к жизни давно исчезнувшие из языка такие наименования как, например, *дворецкий, крупье, маклер, консьерж* и др. Произошла «профессионализация» таких названий лица, как *гадалка, ворожея, знахарь, экстрасенс, целитель, тамада*» [2: 182].

Противоположным процессу исчезновения слов из языка является процесс появления в нем новых слов — неологизмов, которые осознаются как новые лексические единицы, не вошедшие в активный словарный запас. Отмечая непрерывность процесса обновления лексического состава языка, авторы фундаментального исследования «Русский язык и советское общество» пишут, что «появление чего-то нового в жизни общества, точно так же, как и познание новых предметов и явлений, вызывает необходимость номинации, что влечет за собой образование в языке новых слов и выражений или образование новых значений у ранее существовавших единиц лексики» [5: 50].

Появление неологизмов всегда отражает важнейшие социальные и экономические изменения в жизни общества. Например, делая широкий обзор пополнения словарного состава русского языка в советскую эпоху, авторы названного выше исследования прослеживают и пути пополнения лексики словообразовательными неологизмами, среди которых отмечены и наименования лиц по профессии и роду деятельности. Так, например, с конца 20-х годов в лексику литературного языка начинают вливаться многочисленные наименования различных профессий: *нефтяник, отопленец, подземщик, прокатчик, тоннельщик, бетонщик, шлифовальщик* и др. В 40–60-е годы эта группа существительных пополняется новыми словами: *сварщик, буровик, снабженец, холодильщик, высотник, газовик, атомщик, электронщик, бульдозерист, программист* и др. Как видно, появление данных неологизмов красноречиво свидетельствует об этапах экономического развития советского государства. Несмотря на то, что ряд перечисленных наименований профессий вышел из употребления, большинство из них сохранилось в активном словарном запасе языка.

В начале XXI века отмечается активный приток наименований новых профессий и видов трудовой деятельности в словарный состав русского языка. Так, в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Скляревской зафиксировано около 200 названий профессий (автодизайнер, ароматерапевт, букмекер, дистрибьютор, имиджмейкер, клипмейкер, конфликтолог, логистик, перформансист, пиарщик, риелтор, тестолог, туроператор, фитодизайнер и др.), которые свидетельствуют об активизации ряда областей профессиональной деятельности, прежде всего, *компьютер-*

ных технологий (веб-программист, веб-дизайнер, веб-мастер и др.), *сферы маркетинга* (маркетолог, маклер, мерчандайзер и др.) и др. Следует отметить, что большая часть этих наименований являются заимствованиями из иностранных языков, что свидетельствует о чрезвычайной открытости рассматриваемой группы лексики.

В профессиональной речи и современной прессе отмечается значительное количество неологизмов, называющих лиц по профессии, имеющих разговорный характер: «системщик» (системный администратор), «айтишник» (специалист по информационным технологиям), «продажник» (менеджер по продаже), рекламист (специалист по рекламе) и др., которые не фиксируются толковыми словарями, не входят в активный словарный запас языка, но могут быть включены в фонд лексики, предназначенный для пассивного владения языком.

Динамические процессы, отражающие культурологические особенности профессиональной деятельности, проявляются и в процессах межъязыкового заимствования. Межъязыковое заимствование лексических единиц как естественный процесс за последние два десятилетия стал наиболее характерной чертой функционирования многих языков в связи с активно происходящими в мире процессами экономической, политической и культурной интеграции и глобализации. Как отмечают исследователи, в России процесс глобализации совпал по времени с переориентацией экономики и политики на западный путь развития: в экономике произошел резкий поворот к рыночным формам хозяйствования и торговли, в политике — переход к президентской республике и многопартийной системе. В связи с этим в разных сферах русского языка, и прежде всего в профессиональных, появились и стали активно функционировать заимствованные наименования лиц по профессии [3: 33–37]. А. Ю. Епимахова в исследовании, посвященном иноязычным заимствованиям в группе наименований лиц по профессии, подчеркивает их концептуальный характер для принимающей лингвокультуры: «В эпоху межгосударственной интеграции и глобализации экономик и культур процесс заимствования наименований лиц по профессии носит системный и осознанный характер, а потому может быть определен как процесс трансплантации лексических единиц из одной языковой системы в другую. Результатом такого процесса становится закрепление за определенным фрагментом концептосферы языка совокупности иноязычных единиц, носящей взаимосвязанный и взаимообусловленный характер: в результате лексической трансплантации система языка обеспечивает концептуальное выравнивание в семиотическом пространстве принимающей культуры и дает дополнительные возможности и стимул для его развития. Заимствованные концепты получают дальнейшую разработку в культуре-реципиенте, что находит отражение в производных наименованиях» [Там же].

Лексикологами определяются основные сферы жизни общества, для которых характерны заимствованные наименования лиц по профессии. Это экономическая, административная, научно-техническая сферы, а также круг профессий, связанных с искусством [8: 10], со сферой маркетинга и рекламы, управления (менеджмента), со сферой услуг [3: 50–54]. Исследователи подчеркивают, что «в языке наблюдается общая закономерность: заимствованные наименования лиц по профессии приходят целыми тематическими блоками и заполняют определенные участки концептосферы» [Там же]. Данные толковых словарей и словарей иноязычной лексики свидетельствуют о том, что ряд таких номинаций лиц по профессии является составляющей интернациональной системы наименований и имеет латинские корни (вокалист, редактор, юрист и др.).

Иноязычные наименования лиц по профессии, пополнявшие русский язык в разное время, были заимствованы из тюркских языков: например, лексемы ямщик, палач и др. были заимствованы из тюркских языков еще в древнерусскую эпоху; а таможенник, барабанщик, чаевод, тюремщик и др. — в более позднее время [2: 198–205]. Многие наименования лиц по профессии были заимствованы из немецкого языка (вахтер, егерь, реставратор и др.), из итальянского языка (бутафор, инкассатор, солист, штукатур и др.).

Поскольку, по общему мнению исследователей, донором для лексического обогащения заимствованиями той или иной сферы профессиональной деятельности выступает язык той страны, в которой соответствующая сфера деятельности получила наибольшее развитие, то неудивительно, что современные заимствования имеют в основном англо-американское происхождение (брокер, дизайнер, менеджер, мерчендайзер, трейдер, продюсер, промоутер, риэлтер и др.), «отражая тесные экономические, политические и культурные контакты с США, а также с миром в целом, говорящем на английском языке как международном» [8: 10].

Показательным является и тот факт, что заимствованные слова активно осваиваются русским языком. Иноязычные элементы включаются в грамматическую систему русского языка не только в качестве простых наименований, но и активно участвуют в образовании сложных наименований лиц по профессии по русским словообразовательным моделям (электросталеплавильщик, автомеханик, врач-анестезиолог, грузчик-экспедитор и др.) [Там же: 12].

Следует отметить, что данная особенность наименований лиц по профессии в русском языке не характерна для китайского языка. Несмотря на то, что сферы экономики, дизайна, компьютерных технологий и т. п. в Китае активно развиваются и в них, соответственно, возникают новые профессии и виды деятельности, в китайском языке для их обозначения используются преимущественно собственные, а не заимствованные наименования. Ввиду этого активное пополнение наименований лиц по профессии иноязычными заимствованиями можно отнести к асимметричным процессам в русском и китайском языках, которые требуют учета при формировании лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов.

Перечисленные особенности группы наименований лиц по профессии и роду деятельности (прежде всего, ее подвижность и открытость к культурным, экономическим, социальным изменениям) свидетельствуют о том, что хотя в обучении РКИ необходимо, прежде всего, опираться на активный словарный запас языка, в рамках задач лингвокультурологического подхода к обучению студентов-филологов необходимо учитывать и культурологическую ценность этих лексических единиц, т. е. их связь с актуальными явлениями действительности и употребительность в текстах художественной литературы, где они становятся значимым фактом истории и культуры изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева Г. М., Ян Лю.* Наименования лиц по профессии: культурноориентированные принципы отбора для обучения китайских студентов-филологов // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2013. № 1 (38). С. 11–14.

2. *Голованова Е. И.* Категория профессионального деятеля. Формирование. Развитие. Статус в языке. М., 2008.

3. *Епимахова А. Ю.* Межъязыковое заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009.

4. *Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1974.

5. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

6. Словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

7. *Шанский Н. М., Иванов В. В.* Современный русский литературный язык: Учеб. пособие. Л., 1981.

8. *Яковлева А. В.* Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке (семантические особенности и пути формирования): Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009.

Р. М. Теремова

ИНТЕРАКТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

RIMMA M. TEREMOVA

INTERACTIVE AND COMMUNICATIVE COMPONENT OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOK AND ITS IMPLEMENTATION IN TEACHING PROCESS

В статье характеризуется реализация принципа интерактивности в учебном процессе: доказывается, что учебник по русскому языку как иностранному является сценарием учебного процесса, организует речевую деятельность учащихся, погружает в концептосферу русского языка и речевой культуры, формирует тезаурус, вырабатывает единую стратегию взаимодействия.

Ключевые слова: учебник, русский язык как иностранный, принципы интерактивости.

The article considers implementation of interactivity mode in teaching process. The author demonstrates that Russian as A Foreign Language Textbook is a script of a teaching process. It organizes students' speech activity and is to merge students into Russian Language and speech culture sphere of concepts and forms thesaurus and single strategy of interaction.

Keywords: textbook, Russian as a foreign language, interactivity mode.

Интеграция России в мировое образовательное сообщество, вхождение в систему международного информационного и коммуникационного пространства, расширение сфер международного сотрудничества создают предпосылки для обновления процесса обучения иностранцев русскому языку и, соответственно, современной лингводидактики, характеризующейся рассмотрением проблем обучения в широком контексте диалога культур.

Коммуникативно-прагматический ориентир лингвометодической мысли предполагает обращение к диалектике взаимоотношений коммуникантов: адресанта и адресата, обучающих и обучаемых.

Качественно новый подход к целям обучения (формирование у инофонов черт вторичной языковой личности), к его содержательному наполнению с учетом диалога культур, понимания культуры как всечеловеческого достояния, к методической организации учебного процесса, строящегося с ориентацией на эффективное взаимодействие обучающих и обучаемых, обусловил необходимость создания интерактивно-коммукативных учебников, обеспечивающих оптимальную организацию процесса обучения иностранных учащихся русскому языку, деятельностный, развивающий характер образовательного процесса[1].

Базовой составляющей концепции учебника по русскому языку как иностранному нового поколения является принцип интерактивности.

Римма Михайловна Теремова

Доктор филологических наук, профессор кафедры интенсивного обучения РКИ Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
► teremova_2003@mail.ru

В методике преподавания РКИ данный принцип рассматривается прежде всего как принцип адресованности, воздействия автора учебника на учащихся с целью формирования в них черт вторичной языковой личности.

Воздействие осуществляется в двух формах: непосредственное обращение к учащимся и опосредованное воздействие, через межперсонажную коммуникацию: персонажи (герои) учебника — представители разных лингвосоциумов — действуют в вымышленном мире, и именно через них, опосредованно, автор реализует свою обращенность к обучаемым. Проявляя в самых различных, близких к реальным, ситуациях общения национальные черты персонажей, автор постепенно, по мере развертывания сюжета, показывает процесс их вторичной социализации, и уже через них «выходит на контакт» с обучающимися: инофоны идентифицируют себя с героями учебника.

Не менее важна и вторая сторона принципа интерактивности: косвенное воздействие обучаемых на автора учебника. Прежде чем создать виртуальный мир персонажей учебника, автор должен овладеть знаниями о своем адресате — иностранных учащихся, для которых и пишется учебник, понять «образ» адресата: принять систему ценностей, культуру, предусмотреть все трудности восприятия им иной, русской, культуры, все возможные проявления непонимания, ошибки и конфликты, связанные с тем, что обучаемый будет оценивать явления российской действительности в «кодах» своей культуры, и, уже принимая во внимание менталитет, мировосприятие, специфику образа жизни, быта, духовные ценности обучаемых — представителей разных лингвокультурных общностей, наделить героев учебника соответствующими чертами характера, определить нормы их поведения в самых различных ситуациях.

Только в этом случае обучающий может построить действенную систему воздействия на обучаемых, свой диалог с ними. И именно поэтому студенты в процессе обучения ощущают себя героями учебника.

Созданный на кафедре интенсивного обучения русскому языку как иностранному комплекс учебников[2] в 2012 году пополнился еще одним — «Поговорим о вашей внешности: это и актуально, и интересно», на материале которого целесообразно рассмотреть методический инструментарий реализации в учебнике интерактивно-коммуникативной составляющей концепции учебника нового поколения. Актуальность данной книги определяется коммуникативной значимостью представленных в ней учебных материалов: знание лексического богатства, связанного с этими темами, необходимо при посещении музеев, театров, чтении литературы. Проблемный характер представленного в пособии материала обеспечивает не только коммуникацию, адекватную условиям общения, но и формирование социокультурной компетенции иностранных учащихся: внешность и нравственная сущность человека, внешность как путь к успеху, внешность и профессия, особенности коммуникативного поведения, внешность и характер, взаимоотношения мужчины и женщины, проблемы долголетия, здорового образа жизни, возраст и творчество, возраст и социальные проблемы.

Представленные в учебном пособии «Поговорим о вашей внешности: это и актуально, и интересно» темы («Как вы выглядите?» и «Ваш возраст»), хотя и связаны сюжетной линией, самодостаточны и могут рассматриваться самостоятельно, строго выдержана определенная модель тематической организации: последовательная, сориентированная на логику мысли и логику подачи материала внутритемная градация. Например, в теме «Как вы выглядите?» выделяются такие подтемы, как «Ваша внешность: какие здесь плюсы и минусы?», «На кого вы похожи?», «Красота — страшная сила!», «Ну кто не мечтает о стройной фигуре?», «Обладаете ли вы харизмой?», «Подарите людям улыбку!», «Давайте говорить друг другу комплименты», «Вы и... зеркало», «Он и она. А как с внешностью?», «Ваша внешность — путь к успеху».

Прямое обращение автора к обучаемым осуществляется через формулировки заданий. Роль данных текстов можно определить как интерактивную, «организующую» взаимодействие коммуникантов. Они в максимальной степени

должны способствовать воссозданию в сознании адресата адекватной картины того, что хотел сообщить ему адресант (автор учебника) и как он, адресат (студент), должен отреагировать. Тексты такого рода, отражающие интеракции, взаимодействие коммуникантов с целью достижения эффективного результата, целесообразно квалифицировать как диалогичные.

Формулировки заданий в учебном пособии, адекватные условиям естественного общения, в разговорной стилистике, обнаруживают сходство с интерактивными моделями разговора, приближаясь к реальному общению («Вы согласны с тем, что „глаза — зеркало души?“ Отлично. И какими могут быть глаза? Используя материал для справок, распределите слова по смысловым группам»). Интерактивная роль формулировок заданий еще более усиливается, когда в процесс взаимодействия коммуникантов вовлекается личность обучаемого, факты его жизни, жизни близких («Как вы оцениваете свою внешность? И важно ли это для вас: выглядеть хорошо?»).

В аспекте интерактивно-коммуникативной организации учебника особенно важен вопрос о текстовом пространстве, вводимом в учебный процесс. Типы дискурсов, функционирующих в текстовом пространстве учебника, можно определить как диалогический, игровой и монологический.

Диалог стоит на первой ступени этой иерархии и может быть интерпретирован для остальных видов дискурса как инвариантная структура. Динамика речевого взаимодействия коммуникантов и порождения диалогического дискурса связана с речевыми действиями партнеров, которые целесообразно рассматривать как тактики речевого общения: коммуниканты знакомят собеседников с информацией, выражают свою точку зрения по той или иной проблеме, стремясь убедить собеседников в правильности своих идей, дополняют и уточняют информацию партнеров.

Диалоги в пособии сопровождаются заданиями различного типа (Прочитайте диалоги. Озаглавьте их. Определите героев диалога, охарактеризуйте их. Выделите в них фразы .... Вставьте пропущенные реплики. Реплики перепутаны, восстановите правильный порядок. Инсценируйте диалоги, дополнив их своей информацией. Продолжите диалоги. Придумайте аналогичные диалоги. Трансформируйте диалоги в текст). Они приближены к реальному общению и по замыслу, и по теме, и по особенностям разговорной речи.

Широко представлена в пособии ролевая игра, одна из наиболее эффективных форм коммуникации, приближающая обучаемых к ситуации реального общения. Ролевая игра — это особого рода коммуникативное событие, интерактивная форма которого связана с набором ролей и определенными ролевыми отношениями. Диалогическая (полилогическая) сущность ролевых игр в сравнении с диалогом носит более «скрытый» характер. При этом мера имплицитности тактик коммуникантов в развертывании процесса их взаимодействия различна, что и определяет градацию ролевых игр. С учетом этого фактора можно выделить два основных типа интерактивных моделей игры.

Первая ролевая модель сопровождается информацией, на основании которой можно прогнозировать процесс взаимодействия коммуникантов.

Во втором типе ролевой модели трудно прогнозировать процесс полилогического (возможно, диалогического) взаимодействия коммуникантов и, соответственно, характер полилога в тех случаях, когда роли имеют ярко выраженный и известный иностранным студентам социальный статус, связанный с положением в обществе, профессией, возрастом, отнесенностью к определенной эпохе, времени, событиям, однако эти роли не сопровождаются информацией. В качестве участников дискуссии могут выступать уже знакомые герои — персонажи учебника, социокультурный облик которых понятен из развивающегося сюжета учебника. Во всех этих случаях ход полилога и развитие взаимоотношений коммуникантов надо домысливать, опираясь на «фоновую» информацию, что и определяет менее предсказуемый характер полилога.

В пособии «Поговорим о вашей внешности: это и актуально, и интересно» представлен в ос-

новном первый тип ролевой модели. Это может быть составление полилога по тексту письма, по результатам социологического опроса, круглый стол, телепередача, шоу, дискуссионный клуб, клуб интересных встреч, где социальные роли подтверждены соответствующим текстом. Так, при рассмотрении целого ряда тем участниками дискуссий являются представители различных профессий: в дискуссии «Как надо жить, чтобы дожить до...» участвуют ведущий, врач-геронтолог, социолог; в симпозиуме «Самый творческий возраст... Это какой?» принимают участие, кроме ведущего, социолог, футуролог, геронтолог; участниками полилога «В чем секрет привлекательности людей?» являются психолог (в роли ведущего), преподаватель, студенты, психотерапевт, журналист, художник, продавец; в телепередаче «Хорошо ли это — быть красивой?» участвуют ведущий программы, актриса, телеведущая, парикмахер, стилист, визажист и психолог.

В ряде случаев участниками дискуссий являются герои учебника — иностранные студенты, приехавшие на стажировку в Санкт-Петербург. Таким образом строятся дискуссии по проблемам: «Ну кто не мечтает о стройной фигуре?», «Что такое искусство комплимента?», «Внешность и успех», «Возможна ли жизнь без старости?».

Особый тип дискурса в учебном пособии — монологический, представленный письмами (главный герой учебника пишет письмо на родину), текстами от лица иностранных студентов, данными социологических опросов, проведенных в России или в какой-либо другой стране, материалами прессы, представляющими собой экспресс-интервью, лаконичными, экспрессивными текстами-шутками.

В реализации в учебном пособии принципа интерактивности существенную роль играют языковые, а также параграфические элементы графостилистического оформления учебника. Например, при имитации устного диалога герои перебивают друг друга, не договаривают (ставится многоточие), специально приостанавливаются в своей речи, чтобы подчеркнуть важность сообщаемого («и... не забудьте улыбнуться»), недосказанность («А вы говорите...»), неожиданность сообщения («А полюбила... совсем другого»), раздумье («Так что племянник у меня скоро появится... какой?», «Ее и не замечают...», «А насчет анорексии...»).

Совершенствованию навыков русской разговорной речи иностранных учащихся способствует введение в учебный процесс характерных для русской разговорной речи синтаксических фразеологизмов (под рубрикой «Русские говорят так!»), например, междометных выражений типа «Ой ли!», синтаксических фразеологизмов, выражающих положительную, отрицательную оценку, оценку как соответствие норме, обычному.

В учебном пособии представлен богатый иллюстративный материал (таблицы, фотографии, рисунки, ассоциограммы), стимулирующий активность и творческую деятельность учащихся. Иногда они играют основную роль в организации того или иного задания («Рассмотрите фотографию. Эти люди различаются своим внешним обликом, не так ли? А теперь соедините описания внешности этих людей с фотографиями»), иногда только подчеркивают основную мысль, тему («Возможна ли жизнь без старости?», «Возраст и женщина...», Они «дружат»?»), оформляют заставки.

Отражая реальную действительность, являясь моделью реального мира, учебник в то же время представляет собой сценарий учебного процесса, организуя его содержание и методику в целом, обеспечивая интерактивно-коммуникативный режим обучения иностранных учащихся[3].

Реализуемый в учебнике нового поколения принцип интерактивности позволяет рассматривать учебный процесс как целостную структуру, коммуникативно-интерактивная организация которой концептуально определяется взаимодействием обучающего (преподавателя) и обучаемых, а также взаимодействием обучаемых (составляющие речевого общения в учебном процессе).

Весьма значимым для интерактивной организации учебного процесса является использование проблемных текстов учебника, являющихся базой для самостоятельной презентации иностранными учащимися выбранных ими тем на за-

нятиях по разговорной практике и лингвокультурологии («Мировое шоу красоты „Мисс мира“» — мечта для многих девушек», «Лицо и характер: губы скажут сами...», «Такая загадочная улыбка», «Ученые вычислили мировые центры долголетия»). Такие материалы дают возможность иностранным учащимся не только выступать в роли преподавателя, но и, самостоятельно подготавливая программу дискуссии, проявлять свои креативные способности.

Успех речевой интеракции инофонов в учебном процессе в большой степени зависит от того, насколько информативен и актуален представленный в учебнике материал, насколько точно он отражает русскую языковую картину мира, насколько выверен методический аппарат интерактивной составляющей учебника, проецируемой на учебный процесс с ориентацией на все формы ее реализации в учебном процессе: в диалогическом общении, в различных формах монологической речи, в системе заданий и упражнений с ярко выраженным творческим началом, в широком использовании ролевых игр, когда преподаватель и учащиеся, а также учащиеся как субъекты коммуникации, в процессе учебного общения становясь партнерами, вырабатывают единую стратегию взаимодействия.

Овладение иностранными учащимися в процессе обучения новым для них социальным, культурным и языковым опытом, навыками результативного общения на русском языке позволяет им в ходе реальной коммуникации с носителями русского языка вести позитивный, конструктивный диалог, обеспечивает достаточно корректное вербальное и невербальное поведение в различных ситуациях межкультурного общения и, в итоге, плодотворное сотрудничество.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Теремова Р. М.* Учебник по русскому языку как иностранному нового поколения: содержательный и дидактический аспекты // Вестн. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 6. С. 25–29.

[2] *Теремова Р. М., Гаврилова В. Л.* Актуальный разговор: чем живет человек: Учеб. пособие по русскому языку для иностранцев. СПб., 2005 // Мир русского слова. 2006. № 4; *Теремова Р. М., Гаврилова В. Л.* Традиции в России: вчера, сегодня, завтра: Учеб. пособие по русскому языку для иностранцев. СПб., 2007 // Мир русского слова. 2010. № 1; *Теремова Р. М., Гаврилова В. Л.* Мы учимся в Герценовском университете. Учеб. пособие по русскому языку для иностранцев. СПб., 2009 // Мир русского слова. 2011. № 1.

[3] *Теремова Р. М.* Учебник по русскому языку как иностранному нового поколения: каким ему быть? // Мир русского слова. 2007. № 1–2.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ... *(Продолжение. Начало на с. 90)*

го ученого Теуна ван Дейка — профессора Университета Помпеу Фабра (Испания), широко известного лингвиста, разработчика теории текста и анализа дискурса. Впервые приехав в Санкт-Петербург, он выступил с открытой лекций на тему «Дискурс, знание и новости» по материалам своей новой книги, недавно вышедшей в России, и докладом «Дискурс и власть». Сошлемся на отзыв Е. С. Кара-Мурзы, доцента кафедры стилистики факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова: «Это здорово, что организаторы семинара предоставили участникам возможность послушать „вживую” эту легенду мировой коммуникативистики и когнитивной лингвистики, познакомиться с его популяризаторской манерой. Но еще отраднее, что, как оказалось, российские и восточноевропейские ученые давно освоили концепцию Т. ван Дейка, говорят с ним на одном научном языке и развивают его исследования в области журналистского дискурса, языка вражды и власти и проч., — это блестяще продемонстрировал проф. В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет), выступавший на пленарном заседании сразу после ван Дейка. И надо выше ценить достижения отечественной коммуникативистики-речеведения...» Как бы подхватывая последнюю фразу, другая представительница МГУ доктор филологических наук И. В. Анненкова пишет: «Масштаб этого форума продемонстрировал широкое, мощное течение медиалингвистических исследований как у нас в стране, так и за рубежом. Тематика и проблематика пленарных докладов, панельных дискуссий, круглых столов отразили практически весь спектр изысканий в области исследований медиадискурса, влияния языка СМИ на культуру современного человека». Именно к такому совокупному эффекту мы и стремились при организации конференций — к полнозвучному интернациональному полилогу специалистов, в котором отечественная наука представлена со всеми своими реальными достижениями и проблемами роста.

Вторая доминанта научной весны может быть выражена словом *«взаимосвязь»* — опять-таки с учетом неразъемности мирового исследовательского пространства. «Научная весна журфака СПбГУ еще раз показала, насколько важно сегодня объединение усилий ученых разных стран в исследовании журналистского процесса, — пишет В. И. Ивченков. — Он стал центричным, определяющим в нашей жизни: информационные технологии, вторгшись в размеренное бытие XX века, стремительно меняют всех нас и общество в целом. Меняются и наши взгляды на жур-

(Продолжение на с. 104)

А. Л. Кузнецов, М. Н. Кожевникова

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ
(О ПОСОБИИ «РУССКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ МИРА»)

ALEXANDER L. KOUZNETSOV, MARIA N. KOZHEVNIKOVA

THE ROLE OF INFORMATION AREA IN FORMING LEARNERS' INTEREST IN THE RUSSIAN HISTORY (ON "RUSSIAN NAMES IN THE WORLD MAP" TEXTBOOK)

Александр Леонидович Кузнецов
Кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой страноведения Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
► tanjalex@yandex.ru

Мария Николаевна Кожевникова
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных граждан Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
► kozhevnmariya@yandex.ru

В статье обсуждаются способы повышения интереса российских и зарубежных учащихся к изучению истории России. Исследуются особенности современного сознания, сформировавшиеся под влиянием Интернета и других электронных источников информации, а также возможности использования этих особенностей при создании учебных пособий нового типа. В качестве примера такого пособия приводится книга для чтения «Русские имена на карте мира».

Ключевые слова: история России, Интернет, мотивация, патриотизм.

The article covers different ways of attracting Russian and foreign learners' interest to the study of the Russian history. The authors' research lays in the field of modern consciousness, formed by the internet and other electronic sources of information, they also discuss the possibility of using thus features in creating text-books of a new generation. A new book "Russian Names In the World Map" is set as an example.

Keywords: Russian history, internet, motivation, patriotism.

В последнее время часто обсуждается вопрос о том, что учащиеся российских школ и вузов плохо знают отечественную историю и проявляют мало интереса к её изучению. Похожую проблему отмечают специалисты, которые работают с иностранными учащимися в России: уровень знаний иностранцев, приезжающих на обучение в нашу страну, заметно снизился. Как привлечь интерес современных учащихся в России и за рубежом к изучению истории?

Мы предлагаем взглянуть на эту проблему с учётом адаптации, которая представляет собой двусторонний процесс достижения гармоничного равновесия между субъектом и внешней средой. Достижение этого равновесия происходит либо в процессе аккомодации (внешние условия изменяются в соответствии с потребностями объекта), либо в процессе ассимиляции (субъект приспосабливается к условиям внешней среды). [3: 18–21]. В нашем случае объектом является изучение истории, а внешними условиями — познавательные особенности современных учащихся, изменившиеся под влиянием Интернета, компьютерных игр и других факторов информационной среды. Новые учебники и книги по истории должны учитывать эти особенности, то есть адаптироваться к когнитивным потребностям нового поколения.

Прежде всего, следует отметить, что интерес к истории — как отечественной, так и зарубежной — у молодёжи есть. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов. Так, в преддверии 65-летия Дня Победы Всероссийский центр изучения общественного мнения проводил опрос, в котором приняли участие 1600 человек из 42 регионов страны. Почти все назвали это событие самым важным в истории страны, большинство подтвердило, что считают знание истории своей страны необходимым для каждого гражданина. Но при этом только 20%–30% в среднем дали правильные ответы на вопросы о самой войне (когда началась, кто был главнокомандующим и т. д.). «Молодые русские люди хотят гордиться своей страной, а это значит — гордиться её историей», — сказал в одном из интервью генеральный директор ВЦИОМ Валерий Фёдоров*. Молодёжь хочет гордиться своей страной, ощущать свою причастность к её достижениям, найти настоящих, не выдуманных героев.

Таким образом, задача авторов учебников по истории и педагогов, которые её преподают, использовать эту мотивацию и представить отечественную историю не набором дат и фактов, а живым, увлекательным материалом, с которым интересно работать.

Влияние Интернета и других современных средств массовой коммуникации на сознание и способы познания всё чаще становятся объектом исследования в психологии, но пока эти исследования не находят серьёзного отражения в методике преподавания. Речь идёт не о том, чтобы использовать компьютерные методы обучения — это направление развивается очень активно. Мы говорим о том, что под влиянием новых средств коммуникации (мобильные телефоны, Интернет, видеосвязь и пр.) меняется сознание человека и его способы восприятия внешнего мира. Сознание человека, сформированное современной информационной средой, значительно отличается от сознания предыдущего поколения, привыкшего воспринимать информацию, прежде всего, в печатном виде. При взаимодействии современного молодого человека с внешним миром преобладают фрагментарность (мозаичность) сознания, возможность быстрого переключения между различными каналами (это явление получило название *заппинг* от английского *zapping*), ориентация на визуальную и развлекательную информацию, непоследовательный стиль изложения и отсутствие аргументации при дискуссии.

В то же время у массового увлечения молодёжи Интернетом есть и положительное: возможность мгновенного доступа к широкому кругу источников информации. Исследователи отмечают возникновение эффекта полифоничности сознания пользователя Интернета (по сравнению с диалогичностью живых дискуссий), увеличение скорости реагирования, умение ориентироваться в огромном количестве предлагаемой информации, а также использовать мета- и гипертексты с их разветвлённой системой ссылок [1: 57–73]. Описанные изменения в восприятии характерны для молодого поколения в целом, хотя могут иметь национальную окраску.

Это необходимо учитывать при создании учебно-методической литературы по разным предметам, в том числе по истории. Попробуем определить, какими качествами должна обладать современная книга по истории, чтобы привлечь молодого читателя.

Во-первых, занимательность, увлекательность. Среди огромного количества фактов, связанных с историческим событием, можно найти те, которые будут интересны современной аудитории.

Во-вторых, функциональность в отборе материала. Большинство академических учебников стремятся к последовательному, полному изложению хода истории. Однако это не исключает возможности создания пособий, в которых будут представлены отдельные факты по выбранной теме.

В-третьих, наглядность. Известно, что 70% информации о внешнем мире человек получает через органы зрения, поэтому следует использовать больше иллюстраций.

В-четвёртых, опора на эмоциональную составляющую. Читатель, особенно если это молодой человек, должен сопереживать происходящему, видеть не исторических персонажей, а живых людей, тогда возникнет момент сопереживания.

В истории нашей страны много настоящих героев, которые достойны стать образцами для подражания.

В-пятых, гипертекстуальность. Гипертекстом является текст в Интернете, в котором содержатся ссылки на другие тексты. Переключение между ними создаёт новые смысловые связи и расширяет возможности текста. Сама идея набора текстов, выполняющих вспомогательную функцию по отношению к основному, появилась в литературоведении и текстологии гораздо раньше Интернета.

Обратимся к книге «Русские имена на карте мира» [2], вышедшей в издательстве «Русский язык. Курсы». Адресат книги — иностранные учащиеся подготовительных отделений российских вузов и другие иностранцы, интересующиеся русской историей. Поэтому в книге можно встретить традиционные для данной аудитории предтекстовые задания. Однако в процессе работы над книгой авторы пришли к пониманию того, что материал книги может заинтересовать и российского читателя.

Приведём один из текстов книги, посвящённый Семёну Челюскину — великому русскому полярнику XVIII века, чьё имя носит самая северная точка евразийского континента.

Подвиг на Таймыре. Семён Челюскин

Мыс Челюскин — самая северная точка материка Евразия. Здесь всегда зима, снег, мороз. Средняя годовая температура — 15 градусов. Трудно поверить, но к этой точке три отважных человека ехали 2 месяца по льду и снегу на собачьих упряжках больше 1500 км! Этот подвиг совершил в 1742 году русский путешественник Семён Челюскин с товарищами.

Челюскин был штурманом на судне «Якутск», которое участвовало в Великой Северной экспедиции. Судно затонуло в Северном Ледовитом океане, но капитан Харитон Лаптев спас команду и решил продолжить экспедицию на суше. Он разделил отряд на группы, которые должны были изучить разные части полуострова Таймыр.

Челюскин получил самое трудное задание — найти самую северную точку Таймыра. Это было опасно, поэтому он взял с собой только трёх самых надёжных товарищей. 3 апреля 1743 г. на север отправились 4 собачьи упряжки. Собаки — лучшие помощники человека на Севере. С давних времён народы Севера используют собачьи упряжки как транспорт. Несколько собак везут по снегу лёгкие кожаные сани с людьми или грузом. Ни лошади, ни олени не могут пройти по снегу — они слишком тяжёлые и еды для них здесь нет. А собаки едят рыбу, могут спать на снегу, предупреждают человека об опасности. Сколько раз они спасали полярникам жизнь! Даже в XX веке знаменитые норвежские исследователи Фритьоф Нансен и Руаль Амундсен покупали в России собак для своих экспедиций.

Но вернёмся к отряду Челюскина. В пути часть собак погибла от голода, поэтому один из участников экспедиции не смог пойти дальше. Остальные продолжили путешествие.

Перед Челюскиным лежала ледяная пустыня. Мороз был такой, что железо ломалось как стекло, люди не всегда могли развести огонь. Инструменты, которые взяли с судна, были слишком тяжёлыми для суши. Работать с ними в 20-градусный мороз было трудно — пальцы примерзали к железу, снег слепил глаза. В записях Челюскин часто говорит о том, что собакам тяжело, им не хватает еды. О себе он ничего не пишет. Но исследования продолжались. Люди не просто шли, они работали — измеряли широту и долготу, делали записи, составляли карту!

7 мая 1942 года Челюскин измерил широту и понял, что берег поворачивает на юг. Значит, они только что прошли самую северную точку Таймыра! 7 лет назад Челюскин на «Якутске» вышел в море, чтобы исследовать эту землю. Нет уже судна, его раздавили льды. Погиб первый капитан «Якутска» Прончищев, погибли многие товарищи. Но эти жертвы были не напрасными, цель экспедиции была достигнута.

Долгое время никто не мог повторить путь экспедиции — ни по морю, ни по суше. Только через сто лет другой русский путешественник Александр Миддендорф подтвердил открытие Челюскина и назвал мыс его именем. Во время плавания он использовал карты, которые остались после похода Челюскина и Лаптева. Миддендорф назвал Челюскина настоящим русским моряком, который не боялся трудностей и смог сделать то, что другие только пытались.

Имя Челюскина также носит остров в Карском море. А в 1933 году о Челюскине снова заговорил весь мир. Пароход «Челюскин», названный в честь великого путешественника, ожидали удивительные приключения. Это история нового полярного подвига, которую вы узнаете из рассказа об Отто Шмидте.

Из массива русской истории авторы выбрали тему географических открытий, сделанных нашими соотечественниками. Современные молодые люди много путешествуют, а тема первооткрывателей всегда привлекала молодёжь. Иностранцам и нашим соотечественникам будет интересно узнать, какой вклад внесли российские путешественники и учёные в изучение планеты и какие географические объекты носят их имена. Каждое географическое открытие сопровождают опасности и приключения, неожиданные встречи и драматические повороты. Это позволяет сделать тексты по-настоящему интересными (принцип занимательности). А сильные личности, неординарные характеры, примеры бескорыстного и самоотверженного служения своему делу вызывают симпатию и сопереживание (опора на эмоциональную составляющую). Можно привести описанные в книге примеры поразительной супружеской любви (Василий и Татьяна Прончищевы, супруги Невельские), преданной дружбы (Василий Головнин и Пётр Рикорд), упорства в достижении цели и храбрости (Семён Челюскин, Николай Пржевальский и др.).

Многие географические исследования имели долгую историю и были связаны между собой, например, поиск Земли Санникова или открытие Северного морского пути. Авторы постарались показать эту связь, чтобы с её помощью обратить внимание читателя на другие тексты. Книга для чтения прекрасно проиллюстрирована — здесь есть портреты персонажей, обязательные карты с маршрутами путешествий, рисунки самих путешественников и современные фотографии (принцип наглядности).

Книга «Русские имена на карте мира» интересна иностранным учащимся, так как не все герои книги были русскими по происхождению, но все они служили интересам России. Датчанин Беринг, прибалтийские немцы Крузенштерн, Беллинсгаузен и Литке, латыш Шмидт, родившийся в Германии Лангсдорф — все они были или стали российскими подданными и посвятили свою жизнь исследованиям во благо России.

ПРИМЕЧАНИЯ

* http://ria.ru/press_video/200100427/227290520.html

ЛИТЕРАТУРА

1. *Катречко С. Л.* Интернет и сознание: к концепции виртуального человека. Влияние интернета на сознание и структуру знания: Сб. ст. М., 2004.

2. *Кузнецов А. Л., Кожевникова М. Н.* Русские имена на карте мира. М., 2012.

3. *Мнацаканян И. А.* Адаптация учащегося в новых социокультурных условиях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ... *(Продолжение. Начало на с. 90, 100)*

налистику как профессиональную деятельность, методологию творчества, сферу научного познания. Сверив позиции с научными взглядами авторитетных западных медиаисследователей... российских ученых, приходишь к мысли о том, что мы едины в порыве научного осмысления сути происходящего в медиа и коммуникации вообще...» «Мы» в данном случае относится к участникам конференций из Великобритании, США, Польши, Франции, Германии, Латвии, Эстонии, Марокко, Словакии, Болгарии, стран СНГ и России. Особенно наглядно эта потребность в глобальном единстве и его реальность были выявлены в пленарном докладе профессора Паоло Манчини (Университет Перуджи, Италия) «Медиафрагментация: технология, рыночное сегментирование и плюрализм». В международном сообществе заслужили признание его труды по сравнительному анализу национальных медиасистем. Однако его яркий доклад, изобиловавший статистикой, схемами, аналитическими параллелями, завершился откровенной и грустной констатацией недостатка материалов для надежных сравнений и выводов. По существу, не только в планетарных масштабах, но и в отдельных странах не сформированы надежные базы данных о состоянии медиаресурсов и тем более о кадровом потенциале журналистики и других видов массовой коммуникации. Начинать глобальные проекты надо с кропотливого собирания и систематизации сведений в национальных пределах. Разумеется, объединенными усилиями разных научных центров.

Между прочим, в своей области заметно продвинулись вперед петербургские исследователи языка медиа. Созданный на кафедре речевой коммуникации сайт «Медиалингвистика XXI» (http://rus.jf.spbu.ru/medialingvistika/2661.html) мгновенно обрел популярность далеко за пределами Санкт-Петербурга и России и стал центром притяжения разнообразнейших исследовательских материалов.

Итак, третья доминанта научной весны — это *национальная идентичность* исследований и исследователей. Названная тематика прочно вошла в число наших научных приоритетов. Еще в 2010 году сотрудники факультета журналистики СПбГУ подготовили специальный выпуск журнала Russian Journal of

(Окончание на с. 112)

К. М.-Ш. Юнал

СЛОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ РОДА РУССКОГО ЯЗЫКА ТУРЕЦКИМИ УЧАЩИМИСЯ

KERAMI UNAL
DIFFICULTIES OF THE TURKISH STUDENTS IN RUSSIAN GENDER STUDYING

В русском языке категория грамматического рода имеет широкое распространение, однако семантических критериев недостаточно для понимания сложной природы этого грамматического явления. Необходимо рассмотрение всех лингвистических фактов, относящихся к этой категории. В статье доказывается, что именно форма, а не значение является решающим фактором при обучении русскому языку турецких учащихся.

Ключевые слова: категория грамматического рода, обучение русскому языку турецких учащихся.

The article covers category of grammar gender widely spread in Russian language, while semantic criteria are not enough for understanding of its complicated essence. The author considers it necessary to analyze all the linguistics facts related to the category. It is proved the form but not the meaning is to be the determinant while teaching Russian Language.

Keywords: category of grammar gender, teaching Russian Language for Turkish students.

Для подавляющего большинства современных индоевропейских языков характерно наличие особой лексико-грамматической категории рода. Она проявляется в способности существительных уподоблять себе в выражении грамматических значений формы зависимых от них слов — прилагательных, местоимений и т. д.

В русском языке существуют категории рода и одушевлённости-неодушевлённости, которые выражаются не только семантически (то есть с заменой на местоимения), но и грамматически (то есть согласовательно). Род существительного можно определить двумя способами: либо подставить вместо данного слова одно из местоимений 3-го лица («**он**», «**она**» или «**оно**»), либо подобрать подходящее согласующееся слово — прилагательное (местоимённое прилагательное, причастие) — и по его окончанию определить род, что указывает на согласовательную функцию рода в русском языке. В обоих случаях существительное должно стоять в форме именительного падежа единственного числа.

Все существительные делятся на три класса, называемые родами — мужской, женский и средний, произвольно (например, «**дерево**» относится к среднему роду, а «**лес**» — к мужскому), за исключением одушевлённых объектов. Так, существа мужского пола относятся к мужскому роду, существа женского пола — к женскому роду. Это свидетельствует о том, что разбиение на три рода всё же небезосновательно и имеет от-

Керами Мехмет-Шукру Юнал

Кандидат филологических наук, и. о. доцента, заведующий кафедрой русского языка и литературы Фатих университета (Стамбул, Турция)
► kunal@fatih.edu.tr

ношение к логической классификации объектов окружающего мира. Кроме того, в русском языке нет противопоставления взрослых одушевлённых существ и маленьких.

Все существительные можно разделить на одушевлённые и неодушевлённые. В обоих классах будут присутствовать слова, принадлежащие ко всем трём родам: одушевлённые — мужской род: **«слон»**, женский род: **«зебра»**, средний род: **«насекомое»**; неодушевлённые — мужской род: **«диван»**, женский род: **«кровать»**, средний род: **«полотенце»**. Категория одушевлённости-неодушевлённости проявляется грамматически только в форме винительного падежа единственного числа. При этом форма винительного падежа у одушевлённых существительных совпадает с формой родительного падежа (отвечает на вопрос «кого?»), а форма винительного падежа у неодушевлённых существительных — с формой именительного падежа (отвечает на вопрос «что?»): **я вижу *(кого?)* жирафа**, НО: **я вижу *(что?)* холодильник**. У одушевлённых существительных род одного и того же объекта может обозначаться при помощи разнокоренных слов: например **«бык»** и **«корова»**.

Таким образом, можно заметить, что деление существительных на одушевлённые и неодушевлённые происходит непроизвольно и выражено грамматически, а деление по родам — практически произвольно, за исключением оговорённых случаев. Род чаще всего говорит только о том, как согласуется данное существительное, и является в первую очередь согласовательным классом.

В русском языке категория грамматического рода имеет широкое распространение. Каждое существительное в составе своих сем, определяющих его грамматическую сущность, обязательно имеет сему рода — мужского, женского или среднего. Категория рода у существительных русского языка носит формальный характер, кроме существительных, обозначающих людей и животных, поскольку уже нет возможности установить какие-либо семантические основания наличия данной категории у целого класса существительных, например, установить реальные основания того, что существительные *мост, склад, месяц* относятся к мужскому роду, существительные *звезда, земля, вода* — к женскому, существительные — *солнце, море, яблоко* — к среднему роду. Семы рода вместе с семами падежа и числа входят как семантические компоненты в аффиксальные морфемы имен существительных. Так, в морфему *–ем* в существительном *месяцем* входят семы предметности, единичности, мужского рода, падежа, а в морфему *–ой* в существительном *звездой* — семы предметности, единичности, женского рода, падежа. Из сопоставления набора сем этих двух морфем явствует, что различие в роде выражается материальным различием морфем *–ем* для мужского рода и *–ой* для женского рода.

Ранее исследовались различные аспекты проблемы грамматического рода, такие, как связь между значением существительного и его родом [12], соотношение между родом существительного и его окончанием [5: 112–130], соответствие рода в плане содержания и в плане выражения [11: 74–79; 1: 68–126; 15: 463–464], с точки зрения синтаксических и контекстуальных связей [6: 171–193; 2: 25–40; 3: 61–76], с точки зрения его происхождения и эволюции, т. е. в диахроническом аспекте [9: 97–105; 8: 1980]; [13: 407–413; 14: 133–136; 7: 1989], наконец проблема рода изучалась синхронически [4: 122–144].

Некоторые из этих вопросов, разумеется, тесно связаны; другие, напротив, решаются независимо. К настоящему времени почти все авторы сходятся на том, что только семантических критериев явно недостаточно для понимания сложной природы грамматического рода и необходимо использовать все лингвистические факты, относящиеся к этой категории. По этому поводу L. Hjelmslev [10: 142–143] пишет: «Мы нередко отдаем предпочтение семантическим определениям или определениям через субстанции, которые чаще всего неоднозначны и трудно применимы. Вряд ли можно найти лучший пример этого, чем пример грамматического рода: здесь семантическое определение недостаточно и даже невозможно, и лишь функциональное определение рода как показателя соответствия позволяет получить твердую и надежную точку зрения». Очевидно, что если мы принимаем, что грамматический род не совпадает с естествен-

ным (т. е. с полом), то мы должны признать, что форма, а не значение является решающим фактором в рассматриваемой проблеме.

Известно, что в турецком, как и во всех тюркских языках, отсутствует категория рода. Категория грамматического рода — мужской, женский, средний — была некогда присуща существительным древнеанглийского периода. Однако историческое развитие морфологической структуры английского языка привело к тому, что категория грамматического рода, лишенная морфологических средств выражения, перестала существовать.

Одной из особенностей грамматической категории рода в русском языке является то, что эта категория присуща лишь существительным единственного числа. У существительных множественного числа родовых различий нет, поэтому те имена существительных, которые употребляются только во множественном числе (каникулы, щипцы, дрожжи) не относятся ни к одному грамматическому роду.

Укажем наиболее часто встречающиеся трудности с категорией рода.

1. Род имен существительных мы определяем главным образом по окончаниям и в некоторых случаях по значению слова (*дядя, папа, дедушка* и т. д.). Достаточно легко определить род таких традиционных и умещающихся в четко выраженные правила слов, как *стол, дом, комната, семья, окно, бельё.* Окончания этих слов помогают турецким студентам без особых проблем определить род.

Однако есть имена существительные, родовую принадлежность которых по окончанию определить достаточно трудно. Это слова, которые оканчиваются на мягкий знак. К какому роду и по какому признаку студент должен отнести следующие слова: *уголь, гвоздь, жизнь, дверь, роль, цель, шампунь?* Он не может, как русский человек, если вдруг начнет испытывать какие-то сомнения в родовой принадлежности той или иной лексемы, подобрать правильное зависимое слово: *хороший шампунь или хорошая шампунь*. Для турецкого обучающегося русскому языку остаётся в таком случае единственное: обращаться к словарю и запоминать родовую принадлежность слова.

2. Если взять простое имя существительное (*книга)* и попросить турецких студентов составить с ним элементарное по сложности предложение, то им придётся сразу же столкнуться с несколькими трудными задачами. Так, в предложении *Я читал мою любимую книгу* студенту нужно поставить в правильной форме все слова, кроме первого местоимения *я*.

3. Следующая трудность связана с именами существительными, оканчивающимися на *й*. Турецкие студенты часто путают существительные, оканчивающиеся на *й,* с прилагательными. Например, слова *трамвай, сарай* студенты иногда определяют как прилагательные. При этом даже когда они правильно определят часть речи, то при склонении этих слов используют формы прилагательных. К примеру, вместо *я иду к трамваю*, студенты могут сказать: *я иду к трамвую*.

4. Подобную же трудность представляют субстантивированные прилагательные мужского рода: *портной, дежурный, рабочий.*

Студенты склоняют эти слова по типу существительных. Вместо *нет рабочего* они говорят *нет рабочия* по типу *нет музея.* Поскольку таких слов не так много, нужно рекомендовать студентам их запомнить. Также нужно рекомендовать запомнить, что эти слова склоняются как имена прилагательные.

5. Сходные трудности вызывают и субстантивированные прилагательные женского рода: *столовая, мастерская.* И здесь студентам трудно определиться как с частью речи, так и с их формами объяснения.

6. Особую трудность вызывают имена существительные, использующиеся только во множественном числе: *брюки, очки, ножницы и др.* Турецкий студент по привычке переводит эти слова в начальную форму, т. е. в единственное число, а затем определяет род. Турецким студентам очень трудно воспринять мысль, что некоторые имена существительные не могут в принципе иметь единственное число. Здесь тоже остаётся рекомендовать запомнить эти слова.

7. Вызывают затруднения и имена существительные на *мя*: *имя, время, знамя, стремя, пламя* и т. д. Студенты относят эти имена суще-

ствительные к женскому роду и соответственно их склоняют: *нет знами, нет време* и т. п. вместо *нет знамени, нет времени*.

8. Некоторое недоумение у студентов вызывают заимствованные слова из других языков, которые, как оказывается, совсем не склоняются: *метро, кофе, жюри* и т. д. Ясно, что по привычке студенты склоняют их как существительные среднего рода, а слово *жюри* воспринимается как слово множественного числа.

Вместе с тем понятно, что эти слова во многом являются исключениями. Но они, к сожалению, усложняют общую картину категории рода в русском языке для турецких студентов.

Таким образом, категория рода очень непроста для изучения турецкими студентами. Важнейшими принципами при их обучении категории рода являются систематичность и целенаправленность.

Понятие «род» имеет грамматическое значение. Мы в силу исторической привычки наделяем предметы качествами мужественности или женственности. Деление на роды основано не на природе вещей, а на внутренних законах языка. Иначе как объяснить, что одно явление названо разными словами: месяц и луна.

Отметим, турецкие студенты, в целом неплохо владеющие английским языком, и здесь не сталкиваются с феноменом родового деления слов. Для них это в принципе новый и непонятный феномен, кажущийся даже излишним, поскольку в известных им языках без категории рода прекрасно обходятся. Здесь даже возникает определённое психологическое неприятие, которое тоже, в свою очередь, необходимо помочь студенту преодолеть. Прежде всего, необходимо объяснить, что у каждого языка своя специфика, своя история. И если категория рода несёт в себе немалые трудности для иностранных студентов, то для самих русских родовое деление несёт и немало преимуществ как в плане оптимизации и рационализации языка, так и в эмоционально-выразительной сфере.

Для турецких студентов само деление слов на мужской, женский и средний роды является ещё одним абсолютно новым и затруднительным делом. При этом по родам меняются все части речи, кроме служебных и наречия, а у глагола изменение по родам наблюдается только в прошедшем времени. У каждой части речи свои формы, при этом они изменяются при склонении по падежам. Всё это нужно запомнить и правильно оформлять речь. На занятиях с турецкими студентами целесообразно использовать некоторые упражнения. 1. Переведите на русский язык данные существительные, определите их род: (в статье приводим существительные по-русски) *картофель, дождь, день, ночь*. 2. Переведите на русский язык данные словосочетания, составьте с ними предложения: *осенний день, длинная ночь, маленькая мышь*.

Подводя итог рассмотрению категории рода, следует отметить, что эта категория в составе трёх родов — мужского, женского и среднего — является типологической для русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Матер. к спецкурсу по структурной топологии языков / Сост. О. Г. Ревзина. М., 1975. С. 68–126.
2. *Зализняк А. А.* Категория рода одушевленности в русском языке // Вопр. языкознания. 1964. № 1. С. 25–40.
3. *Карпинская О. Г.* Типология рода в славянских языках // Вопр. языкознания. 1961. № 6. С. 61–76.
4. *Маркус С.* Грамматический род и его логическая модель// Математическая лингвистика. М., 1984. С. 122–144.
5. *Мельчук И. А.* Статистика и зависимость рода французских существительных от окончания// Вопр. статистики речи. Л., 1978. С. 112–130.
6. *Diaconescu P.* Le nombre et le genre du substatif roumain (Analyse contextuelle) // Rev. Roumaine Linguistique 9. 1964. N 2. P. 171–193.
7. *Fodor I.* The origin of grammatical gender // Lingua 8. 1989. N 1–2.
8. *Graur A.* Contributions du genre personnel en roumain // Bull. Linguistique 13. 1985. P. 97–105.
9. *Graur A.* Studii de lingvistica generala // Editura Academiei R. P. R.. Bucuresti, 1980.
10. *Hjeemslev L.* Essais linguistiques, Trav. Cercle lingustique // Copenhague 12. 1979. P. 142–143.
11. *Jakobson R.* Zur Struktur des russischen Verbums // Charisteria G. Mathesio oblata. Prague, 1932.
12. *Lohmann J.* Genus und Sexus. G. 1960.
13. *Rosetti A.* Despre genul neutrul s genul personal on limba rombna// Studii Cercetari Lingvistice 8. 1987. P. 407–413.
14. *Rosetti A.* Remarques sur la catgorie du genre en roumain// Studia Lingvistica 13. 1989. P. 133–136.
15. *Vasiliu E.* Observatii asupra categoriei genului on limba rombna// Studii Cercetara Lingvistice 11. 1990. N 3. P. 463–464.

Юбилей заслуженного профессора МГУ Майи Владимировны Всеволодовой

В июне 2013 года отмечает юбилей доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета, почётный профессор Шанхайского университета иностранных языков М. В. Всеволодова. С именем этого известного учёного связана целая эпоха в отечественной и зарубежной лингвистике, теории и практике преподавания иностранных языков и, в частности, русского языка как неродного.

Творческий путь Майи Владимировны, её научная и педагогическая деятельность пришлись на вторую половину XX века — период становления и развития специальности «Русский язык как иностранный» (РКИ). Ещё в послевоенном 1948 году при кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в то время возглавляемой академиком В. В. Виноградовым, была открыта секция по преподаванию РКИ. На её основе в соответствии с духом времени и возрастающими потребностями в кадрах в декабре 1951 года была создана первая в СССР кафедра русского языка для иностранцев (аналогичные кафедры были открыты также в Ленинградском и Киевском государственных университетах). Это послужило толчком для возникновения нового, прикладного направления в русистике. В 1953 году в МГУ было уже две кафедры русского языка для иностранцев: на одной из них обучались студенты гуманитарных факультетов, на другой — естественных.

Именно в тот знаменательный 1951 год филологический факультет МГУ окончила и юная М. В. Всеволодова — выпускница «золотого» курса. «Золотым» её курс назвали потому, что в 1946 году на него поступили исключительно золотые и серебряные школьные медалисты, имеющие право на зачисление без экзаменов, а также, естественно, вернувшиеся с фронта участники Великой Отечественной войны. Среди выпускников этого курса — известнейшие лингвисты, литературоведы, журналисты, психологи, преподаватели: Ю. А. Бельчиков, Т. В. Булыгина, И. Ф. Волков (декан филологического факультета МГУ в 1980–1991 годах), Т. Я. Елизаренкова, В. В. Иванов, А. А. Камынина, Е. С. Кубрякова, Н. М. Лариохина, В. Я. Лейчик, А.М. Селькина, Ю. Ф. Поляков, Ю. Б. Рюриков, В. Н. Топоров, Н. И. Формановская и многие другие достойнейшие люди.

После окончания славянского отделения факультета М. В. Всеволодова намеревалась посвятить свою жизнь преподаванию польского языка, однако в это время, к сожалению или к счастью, на филологическом факультете не оказалось вакансий для преподавателя польского языка русским, но появилось место для преподавателя русского языка полякам, которое и было предложено Майе Владимировне. Так благодаря случаю началась её долгая и плодотворная научно-педагогическая жизнь.

С первых дней работы на кафедре русского языка для иностранцев, (возглавляемой в то время Г. И. Рожковой), а позже — на кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов М. В. Всеволодова не только преподавала русский язык нашим зарубежным друзьям и коллегам, но и обобщала накопленный индивидуальный и коллективный опыт в научных статьях, учебных пособиях, учебниках и диссертациях. В них как на русском материале, так и на основе сопоставительного анализа самых разных языков была сделана попытка взглянуть на родной язык по-новому, глазами не только носителя языка, но и инофона, который сталкивается с трудностями овладения русской языковой системой. Иными словами, в работах М. В. Всеволодовой с самого начала был представлен взгляд на систему русского языка как «изнутри», так и «извне».

М. В. Всеволодова создала одно из первых и одновременно лучших пособий по русской звучащей речи — «Фонетические упражнения по русскому языку для поляков» 1960 года, а также «Учебник русского языка для поляков» 1963 года в соавторстве с Л. П. Юдиной. Обе книги остаются актуальными и по сей день, потому что, в отличие от множества издававшихся в советскую эпоху учебников и учебных пособий, не были перегружены политизированными текстами, а представленный в них языковой материал не устарел до сих пор.

В 1966 году под руководством профессора Т. П. Ломтева Майя Владимировна защитила кандидат-

скую диссертацию, посвящённую средствам выражения временных отношений в польском языке, а в 1983 году — докторскую диссертацию на тему «Категория именной темпоральности и закономерности её речевой реализации», где дано описание фрагмента одной из важнейших грамматико-лексических категорий русского языка — времени.

Вместе со своими коллегами М. В. Всеволодова обратила внимание на то, что научить носителя другого языка, иностранного учащегося, общению на русском языке, опираясь на данные традиционной формально-описательной грамматики, очень трудно или даже совсем невозможно. Для обучения иностранцев практическому русскому языку требуется совершенно иная, новаторская по своей сути грамматика, которая бы описывала, во-первых, содержательное, семантическое пространство языка, включающее объективные (диктальные, по Ш. Балли, или диктумные в терминах ряда авторов) и субъективные (модальные в терминах Ш. Балли, или модусные) смыслы; во-вторых, совокупность средств их выражения вне зависимости от принадлежности к тому или иному языковому уровню; в-третьих, типологию этих средств и их функционирование в речи; наконец, в-четвёртых, языковые механизмы, определяющие адекватное потребностям коммуникантов функционирование в речи языковых средств.

Таким образом, возникла необходимость в новой, прикладной по своему характеру, грамматике, ориентированной на овладение языком, а не на схоластический анализ абстрактных примеров. С именем М. В. Всеволодовой связано принципиально новое направление в описании русского языка — функционально-коммуникативная грамматика. Именно ею впервые были использованы сами термины — «функциональный» и «коммуникативный» применительно к грамматическому строю русского языка и самому описанию этого строя. Данные термины Майя Владимировна использует отнюдь не как синонимы: функциональной эта грамматика является потому, что стремится ответить на вопросы «Как функционирует язык?», «Как функционируют при речепостроении все уровни и единицы языка?». Коммуникативной она является потому, что ориентирована на решение коммуникативных потребностей говорящего.

Функционально-коммуникативная грамматика не просто одно из направлений, это этап в развитии лингвистики, включающий в себя достижения самых разных направлений и школ. И наличие в рамках этой грамматики целостной модели языка, ориентированной на его преподавание, закономерно. Мысль о необходимости создания такой функционально-коммуникативной грамматики для преподавателя, позволяющей увидеть весь объём языкового материала, данного в определённой системе, которая содержала бы объяснение языковых закономерностей, выявляющихся в речи, т. е. имела бы выход непосредственно в методику преподавания русского языка как неродного, была высказана М. В. Всеволодовой ещё двадцать пять лет назад — в статье 1988 года «Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка», опубликованной в сборнике «Языковая системность при коммуникативном обучении». Такая грамматика основана на практике, истинность её выводов проверяется в учебной аудитории.

Именно потребности практики вызвали к жизни ту модель языка, которая получила название лингводидактической (её называют также прикладной, педагогической). Эта модель, с одной стороны, объединяет сферы, разрабатываемые представителями академического направления, в некоторую единую систему, а с другой — базируется в первую очередь на опыте преподавания русского языка как иностранного.

Чисто практические потребности привели к необходимости глубокого теоретического осмысления и переосмысления как фактов языка, так и методик их анализа и описания. Был выработан принципиально новый взгляд на язык, создана другая система ценностей в представлении языковых фактов. Описанию этой системы ценностей, рассмотрению теоретических основ одного из разделов функционально-коммуникативной грамматики — синтаксиса посвящён опубликованный в 2000 году учебник М. В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка». Однако функционально-коммуникативная грамматика не ограничивается исключительно прикладными задачами. Являясь грамматикой открытой, она использует также достижения других школ и направлений.

В компетенцию функционально-коммуникативной грамматики, «грамматики речи», входит гораздо более широкий круг вопросов, нежели в традиционную формально-описательную «грамматику языка», поскольку практика потребовала обращения и к тем языковым фактам, которые при чисто теоретическом подходе к языку не относятся к числу изучаемых объектов или оцениваются как периферийные. Например, в сферу интересов синтаксиса вошли, с одной стороны, лексика как его «тело», его интегральная часть, а с другой — определённые сферы собственно синтаксиса: 1) семантическое пространство языка, его структуры:

функционально-семантические поля, функционально-семантические категории, системы значений, типовые ситуации; 2) формальные единицы и объекты синтаксиса; 3) языковые механизмы.

Научные интересы Майи Владимировны поражают своей широтой, однако главное направление деятельности её научно-педагогической школы — теория функционально-коммуникативного синтаксиса и практика преподавания грамматики русского языка. Исследования М. В. Всеволодовой посвящены различным аспектам парадигматики (системы парадигм) предложения, анализу лексико-синтаксических категорий времени, пространства, причины, синтаксических фразеологизмов, вопросам аспектологии. Среди её лучших работ — монографии «Способы выражений временных отношений в современном русском языке» 1975 года, «Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке» 1982 года (в соавторстве с Е. Ю. Владимирским, 2-е изд. — 2008 г.), «Причинно-следственные отношения в современном русском языке» 1988 года (в соавторстве с Т. А. Ященко, 2-е изд. — 2008 г., 3-е изд. — 2012 г.).

С первых лет работы на кафедре М. В. Всеволодова буквально «обросла» учениками. Среди них трое уже защитили докторские диссертации (В. В. Красных, 1999; Д. Б. Гудков, 2000; Ф. И. Панков, 2009), сорок три — кандидатские, а магистрантов и дипломников просто не счесть. Последователи Майи Владимировны преподают русский язык и занимаются научной деятельностью в самых разных уголках мира, работают на кафедрах русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, гуманитарных и естественных факультетов.

Многие работы М. В. Всеволодова написала в соавторстве со своими учениками. Так, в 1989 году была опубликована коллективная монография «Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка» в соавторстве с О. Ю. Дементьевой, В. Т. Марковым, М. Н. Михайловым, Т. Е. Чаплыгиной, С. А. Шуваловой и др. В 1997 году в соавторстве с О. Ю. Дементьевой вышла книга «Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума)». Совместно с Ф. И. Панковым в 1999 году ею был подготовлен информационно-аналитический обзор «Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях его преподавания иностранцам», а в 2005 году издана рабочая тетрадь «Практикум по курсу „Теория функционально-коммуникативной грамматики”».

Одно из важных направлений научной школы М. В. Всеволодовой — сопоставительные исследования. Они нередко проводятся с участием её иностранных учеников и коллег из Болгарии, Ирана, Китая, Кореи, Польши, Японии и многих других стран мира. Только за последние десять-пятнадцать лет были опубликованы такие замечательные книги, как «Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка)» 1998 года (в соавторстве с Мадаени Али, 2-е изд. — 2010 г.), «Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка)» 1999 года (в соавторстве с Го Шуфень), «Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки» 2002 года (в соавторстве с Лим Су Ён), «Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка)» 2002 года (в соавторстве с Ким Тэ Чжином, 2-е изд. — 2008 г.).

Сейчас профессор М. В. Всеволодова устремлена в будущее. Значительно опередила наше время её концепция функционально-коммуникативной грамматики русского предлога, ставшая началом подлинно научного изучения этого служебного категориального класса слов. Под её руководством был создан структурированный реестр русских предложных единиц, которых оказалось более семи тысяч, готовятся к изданию словарь русских предлогов, включающий несколько томов, в частности «Введение в грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Реальное употребление» (в соавторстве с О. В. Кукушкиной, и А. А. Поликарповым); а также материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке» (в соавторстве с Е. Н. Виноградовой и Т. Е. Чаплыгиной).

Интерес к научным трудам профессора М. В. Всеволодовой чрезвычайно высок. Её книги стали библиографической редкостью. Поэтому неудивительно, что крупные издательства вновь и вновь обращаются к Майе Владимировне с просьбой о публикации её уже формально «старых», но никогда не стареющих работ. Только за последние пять лет было переиздано (конечно, с исправлениями и дополнениями) семь её книг. Планируются и новые переиздания раритетов, автором которых она является.

Талант учёного у Майи Владимировны гармонично сочетается с талантом преподавателя. В течение нескольких десятилетий на отделении РКИ она читает лекционные курсы «Функциональный синтаксис»

и «Теория функционально-коммуникативной грамматики», ведёт спецсеминар «Проблемы функционально-коммуникативной грамматики», пользующиеся неизменным интересом со стороны студентов, аспирантов и преподавателей-практиков.

Организационной формой воплощения научно-педагогических идей М. В. Всеволодовой и её ближайших коллег стала открывшаяся в 2009 году на филологическом факультете кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного (заведующая — профессор Е. Л. Бархударова). В создании этой кафедры Майя Владимировна приняла самое активное участие в качестве идейного вдохновителя. Основной задачей новой кафедры является обучение специалистов в области преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Можно ещё добавить, что в оставшееся «свободное» время профессор М.В. Всеволодова принимает активнейшее участие в работе трёх диссертационных советов филологического факультета МГУ.

Сердечно поздравляя Майю Владимировну с юбилеем, коллеги, ученики и друзья желают ей крепкого здоровья, душевных и физических сил для новых научных и педагогических свершений.

Ф. И. Панков

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ... *(Окончание. Начало на с. 90, 100, 104)*

Communication (США) на тему «Дисциплинарная идентичность исследователя медиа. Взгляд из Петербурга», в содержании которого внимание акцентировалось на своеобразии российской традиции в изучении журналистики и массовых коммуникаций. Поэтому так органично была воспринята идея провести в ВШЖиМК конференцию Национальной ассоциации исследователей массмедиа «Российские исследования массмедиа и журналистики в международном контексте». Надо добавить, что и для членов НАММИ из других регионов страны и мира тема оказалась близкой и острой. Показательно, что только материалов к публикации поступило около сотни.

Если коротко суммировать обнародованные идеи и данные, то итоги сводились, во-первых, к признанию конвергенции теорий в межстрановом профессиональном общении, во-вторых, к обобщению богатейшего нового опыта сотрудничества с зарубежными партнерами, в-третьих — и это самое существенное — к потребности перейти на следующий этап в отношениях с так называемыми западными научными школами и их лидерами. Ушло время почти безоговорочного приятия популярных за рубежом концепций как эталонов теоретического мышления — на фоне массового отречения от собственных, отечественных традиций в исследовании журналистики. Как выяснилось, в заемные матрицы не укладываются реалии нашей медийной практики, равно как и проверенные подходы к ее интерпретации, которые как раз зачастую оказываются вполне адекватными действительности. Эти мысли отчетливо звучали в выступлениях директора ВШЖиМК А. С. Пую, декана факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Е. Л. Вартановой, профессора Алтайского государственного университета В. Д. Мансуровой, шведского исследователя П. Петрова и других ораторов. Печально, однако, что мы не проделали необходимой работы по сбору и осмыслению того колоссального теоретического материала, который накоплен в российской науке за долгие годы ее истории и который активно пополняется сегодня. Нам пока почти нечего предъявить миру в качестве своего интеллектуального вклада, во всяком случае, в систематизированном виде, и не стоит обижаться на зарубежную общественность, которая мало интересуется отечественными разработками в теории журналистики и массовых коммуникаций. Значит, сообщество исследователей должно незамедлительно приступить к решению этой практической задачи.

В такой постановке вопроса нет признаков реставрации прежних установок на самодостаточность или тем более конфронтацию с научным зарубежьем. Характерно, что параллельно и по соседству с конференцией НАММИ проходил семинар Media in transition, организованный в ВШЖиМК по инициативе Центра российских и евразийских исследований Университета Уппсалы (Швеция). В соответствии с согласованными программами обоих мероприятий российские и зарубежные эксперты «перетекали» из одного зала в другой, без труда находя общий язык с разными аудиториями. Примечательно и то, что если в итоге конференции НАММИ осуждалась идея межвузовского проекта по разработке свода российских теорий журналистики, то на параллельном семинаре нашло поддержку наше предложение подготовить международную антологию на тему «Национальное и интернациональное в отечественной журналистике». Между прочим, благодаря такому тесному взаимодействию, кажется, удалось отчасти поколебать приверженность некоторых зарубежных участников стереотипным представлениям о состоянии медиасистемы в России: на их взгляд, она построена на жестких авторитарных основаниях и тем самым радикально отличается от положения дел в западных демократиях. Думается, что и в целом движение разных научных культур навстречу другу стало несомненным фактом для большинства участников. Об этом пишет профессор Института полонистики и культурологии Опольского университета (Польша) Дорота Бжозовска: «Мы надеемся, что вы и ваша команда посетите нас и мы будем сотрудничать на регулярной основе». В том же духе высказывается и Грег Саймонс из Университета Уппсалы: «Я верю в долгое и прочное взаимодействие со всеми вами, как при подведении итогов конкретного проекта, так и в других проектах, которые появятся в дальнейшем».

Мы тоже убеждены, что еще не одна научная весна на Первой линии принесет столь же значимые для российских исследований медиа результаты — как в национальном, так и в мировом контекстах.

С. Г. Корконосенко, д-р полит. наук, проф., зав. каф. теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

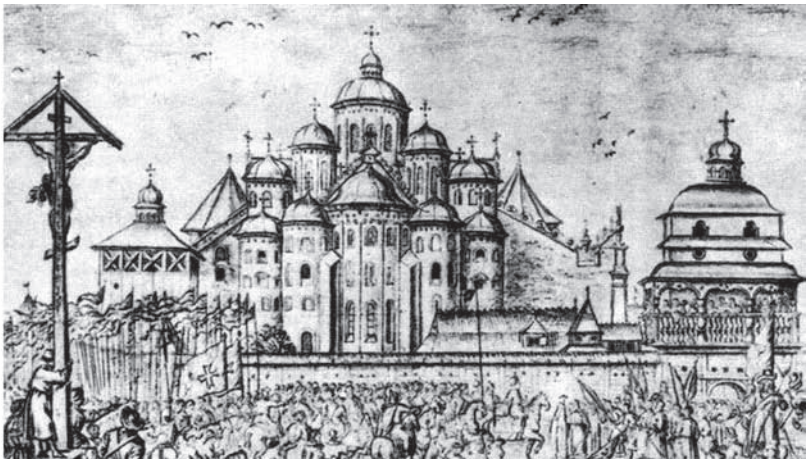
Сегодня, когда книга меняет свой облик, когда её жизнь требует от всех нас — заинтересованных читателей, не мыслящих своего существования без неё, — усилий по сохранению великого наследия прошлого, вступления на новые пути общения с ней, наш журнал хочет рассказать своим читателям о пяти главных библиотеках России: Библиотеке АН, Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва), Библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино и Президентской библиотеке имени Бориса Ельцина. Мы ждём Ваших рассказов о библиотеках родного города или села — которые всегда были лучшим «местом обитания» жителей нашей страны, местом познания, размышлений, эмоциональных переживаний.

500 томов — столько книг было в библиотеке Ярослава Мудрого (978–1054). Сын Владимира Святославича, он правил в Новгороде, а с 1019 года утвердился в Киеве. При нём был построен Софийский собор (1037), где и размещалась первая русская библиотека. Ярославу принадлежат слова, записанные в Изборнике 1075 года: «Добро есть, братие, почитание книжное... Красота воину оружие, кораблю — ветрила, так и праведнику почитание книжное». Любовь к книге была воспитана и в его сыновьях. Владимир Ярославич — новгородский князь основал библиотеку в Софийском соборе Новгорода, который был построен в 1045–1051 гг. Для приближённого князя Изяслава Ярославича было создано Остромирово Евангелие — старейшая из сохранившихся точно датированных книг. Ещё один сын Ярослава — Всеволод «дома сидя, изучил пять языков, за что ему воздавали честь в чужих землях». Святослав Ярославич, по свидетельству современника, «много старался для собирания книг», его приравнивали к египетскому царю Птолемею II, прославленному книголюбу древности.

Хранившиеся в библиотеке Ярослава «Жития святых», богослужебные книги, летописи были ничем иным, как самыми современными и актуальными знаниями о мире. С развитием общества менялись библиотечные собрания, на смену монастырским приходили библиотеки учебных заведений, а позже — публичные библиотеки.

Библиотека Российской академии наук

В начале XVIII века в Санкт-Петербурге появилась первая в истории России библиотека, в которую мог прийти любой грамотный житель города. Первый историк Петербурга, хранитель русского книжного фонда Библиотеки Андрей Иванович Богданов назвал Библиотеку Императорской Академии наук — одной из самых ранних и главных, которая, — писал он, — «...начала собиратися по всевысочайшему указу государя императора Петра Великого с 1714 года, а в им-



ператорскую Академию наук соединена 1724 года». Основу её фондов составили три богатых книжных собрания: библиотека Аптекарского приказа, библиотека герцога Курляндского и коллекция книг, подаренная Петру I герцогом Голштинским. Первое время эту библиотеку называли императорской, публичной или казенной, она размещалась в Кикиных палатах, а затем перешла в ведение Императорской Академии наук. Вместе с ней Академии наук был передан музей Кунсткамера, и библиотека долгое время размещалась в его здании на Васильевском острове. В XIX веке из её фондов стали формироваться различные научные книжные собрания. Сначала они существовали в виде отделов Библиотеки Императорской Академии Наук, а затем превратились в самостоятельные библиотеки.

Для библиотеки покупались частные собрания, например, рукописи историка В. Н. Татищева и большая часть книг из библиотеки Я. В. Брюса, кроме того, собрание научных и художественных книг самого Петра I тоже стало собственностью Библиотеки ИАН. Собрание книг постоянно пополнялось, в неё поступали книги известных академиков, периодические издания Министерства народного просвещения, карты Российского географического департамента. Литература поступала в Библиотеку и от учреждений, ведавших цензурой, доставляли свои издания все правительственные учреждения, университеты, другие учебные заведения, научные организации и общества. В 1910 году встал вопрос об острой нехватке помещений и была утверждена правительственная смета на строительство нового здания Библиотеки по проекту архитектора Р. Р. Марфельда. В 1914 году оно было закончено, но из-за начавшейся Первой мировой войны освоение нового здания было невозможно, так как оно было передано Военному министерству, которое разместило в нем 166-й сводный эвакуационный госпиталь. Только в 1924 году Библиотека начала перевод своих фондов в это здание.

9 октября 1925 года в дни празднования 200-летнего юбилея Академии наук состоялось официальное открытие Библиотеки. Площадь его была 12,5 тыс. кв. м, общая длина полок около 47 км, что соответствовало длине линии по прямой от Библиотеки до Ладожского озера. С 1925 года Библиотека стала называться Библиотекой Академии наук СССР (БАН). В этот же период в ней было выделено четыре самостоятельных отделения — Русское (I), Иностранное (II), Славянское (III), Рукописное (IV), в свою очередь делящиеся на ряд отделов. Позднее к ним присоединилось Картографическое отделение (V отделение) и Читальный зал (VI отделении. После ряда переименований в XX веке она опять носит имя Библиотеки Российской академии наук, БАН. Её общий фонд составляет более *19 миллионов экземпляров* книг, рукописей, карт и других печатных изданий, как российских, так и зарубежных. В ней хранятся древнерусские рукописи XI, XV и XVI вв., уникальные рукописные карты и атласы, созданные в XVI–XVIII вв., и много других редких исторических документов.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) Библиотека Академии наук была переведена на военное положение. Уже в июле 1941 года были подготовлены к эвакуации в тыл страны ценнейшие материалы семимиллионного фонда. Однако быстрое приближение фронта к Ленинграду не позволило осуществить их отправку в тыл: все подготовленные к отправке книги и материалы остались в Библиотеке. Их перенесли в цокольный этаж здания, окна заложили песком, щитами и засыпали землей. В Библиотеке было отключено электроосвещение, не работал водопровод и центральное отопление. В книгохранилища попадал снег, температура в здании опустилась до -25 градусов.

Люди были изнурены и обессилены голодом. Из 150 человек, оставленных в БАН по штатному расписанию на начало войны, погибло около 80% сотрудников. И при этом весь период войны в Библиотеке работали абонемент и читальный зал, создавались передвижные библиотеки для ленинградских дивизий народного ополчения, для воинских частей и госпиталей. Библиотека обслуживала не только учёных Академии, остававшихся в блокадном городе, но и работников оборонных предприятий, военнослужащих, врачей. Сотрудники Библиотеки продолжали устраивать выставки литературы, лекции, вели справочно-библиографическую работу. Библиотекари проводили в блокадном городе разыскание и спасение, оставшихся без присмотра, частных коллекций и библиотек.

С 1944 года БАН становится хранительницей Бронированного фонда Президиума Академии наук СССР. Этот фонд представляет собой собрание изданий Академии с момента её основания.

Сильный пожар, случившийся в библиотеке в конце XX столетия, уничтожил большую часть книг и периодических изданий советской эпохи. Многие другие издания пострадали от воды при тушении пожара. Но до помещений, в которых хранились древние рукописи и другие книжные раритеты, огонь, к счастью, не добрался.

В 2004 году Библиотека Российской академии наук отметила свой 290-й юбилей. В честь этого события 28 сентября одной малой планете № 30772, имеющей предварительное обозначение 1976RN5, было присвоено имя BIBLIORAN.

Сайт библиотеки:
http://www.rasl.ru/library/history2.php

Особую гордость Санкт-Петербурга составляет **Российская национальная библиотека**. Её торжественное открытие — тогда Императорской Публичной библиотеки — состоялось 2 (14) января 1814 года. Но решение о её создании возникло гораздо раньше: В 1766 году план создания публичной российской библиотеки был предложен на рассмотрение Екатерины II. К тому времени уже распространился обычай заводить библиотеки в аристократических и богатых домах. Но было ясно, что частные коллекции и книжные собрания не могли ускорить формирование русской интеллигенции из «просвещённых дворян», способствовать наращиванию слоя образованных «государственных людей», потребность в которых ощущалась всё более. Не решало проблему и появление в первой половине XVIII века государственных ведомственных библиотек (Академии наук, Академии художеств и др.). Екатерина сразу поняла ценность предложения, его значимость для «народного просвещения», о котором она заботилась. Однако только 16 (27) мая 1795 года, за полтора года до своей кончины, императрица одобрила и подписала проект создания в Санкт-Петербурге Императорской библиотеки. Этот день и считается днём её основания. Место для неё было определено в самом центре столицы на углу Невского проспекта и Садовой улицы, строительство здания по проекту архитектора Е. Т. Соколова началось немедленно, но продолжалось около 15 лет. Открытие задерживалось и в период царствования Павла I, и в связи с событиями Отечественной войны, когда самая ценная часть уже имеющегося собрания была на целый год эвакуирована из Петербурга.

Её главным директором в это время был А. С. Строганов. Благодаря его хлопотам и настойчивости, по замечанию А. Н. Оленина, Императорская Публичная библиотека «сохранила свое бытие». Ему она обязана решением Александра I приобре-

сти и передать в собственность собрание рукописей П. П. Дубровского, бывшего чиновника русского посольства в Париже, страстного библиофила и коллекционера. Этот человек собрал до 8000 автографов знаменитых людей Франции (в том числе — письма и государственные бумаги почти всех французских королей, начиная с Людовика XI), приобрёл также рукописи и письма Эразма Роттердамского, Лейбница, Дидро, Руссо, Вольтера и других великих учёных и писателей XVI–XVIII вв. Кроме того, в его собрании имелись древнеславянские и восточные рукописи. Свои рукописи дарили Дубровскому как «охотнику до подобных редкостей» и многие русские писатели и учёные. С этой замечательной коллекции и возникло в Библиотеке в 1805 году особое хранилище, получившее название «Депо манускриптов». Позднее, в 1861 году при Александре II в Библиотеку из Эрмитажа была переведена Библиотека Вольтера, насчитывающая 6814 томов. Она была куплена в 1778 году Екатериной II у племянницы и наследницы Вольтера Дени и в 1779 году на специальном корабле доставлена в Санкт-Петербург.

Ещё при А. С. Строганове библиотека пополнилась ценнейшими памятниками древнерусской письменности. Среди них — старейшая из всех известных в настоящее время датированных русских книг — Остромирово Евангелие (1056–1057), Оно было найдено после смерти Екатерины II в её гардеробе (известно, что в последние годы жизни императрица усиленно собирала и изучала материалы по истории России). А также знаменитая Лаврентьевская летопись (1377) — древнейший список начальной русской летописи, открывающийся всемирно известной Повестью временных лет — «Откуда есть пошла русская земля, кто Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть».

Собрание библиотеки регулярно пополнялось: в 1810 году Александр I утвердил первый российский библиотечный законодательный акт, содержавший пункт об обязательной доставке в Библиотеку двух бесплатных экземпляров любой печатной продукции, издаваемой в России.

Преемник А. С. Строганова А. Н. Оленин разработал структуру Библиотеки, собрав книги на русском языке в особом отделении (1811). Организация самостоятельного русского фонда подчеркивала национальный характер Публичной Библиотеки.

Общественную атмосферу, в которой начала жить и действовать Публичная библиотека, в полной мере определяли слова, украсившие её первый законодательный регламент: «На пользу общую», «без разбора лиц». А. Н. Оленин писал в августе 1814 года: «Истинная цель открытого книгохранилища состоит в том, чтоб всякий, кто бы он ни был, мог требовать для своего употребления всякого рода печатные книги, даже самые редкие... и пользоваться ими безмездно, не унося их токмо домой».

Во второй половине XIX века значительно расширился круг читателей. Подсчитано, что количество выданных читательских билетов и посещений выросло за 1860–1913 гг. в десять раз, среди посетителей Публичной библиотеки становилось всё больше выходцев из мещанской и крестьянской среды, а также женщин. Появились женщины и среди персонала Библиотеки, правда, ещё пока в качестве не штатных сотрудников, а так называемых вольнотрудящихся.

К 1913 году число книг на русском языке достигло 1 000 000 экземпляров, а весь фонд Библиотеки превысил 3 000 000, она стала одним из крупнейших книгохранилищ в мире и располагала также самым богатым в России собранием рукописей.

В советские годы библиотека утвердилась в статусе национальной библиотеки РСФСР. В марте 1992 года на основании Указа Президента Российской

Александр I

Александр II

А. С. Строганов

Федерации Б. Н. Ельцина Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина была преобразована в Российскую национальную библиотеку и отнесена к особо ценным объектам национального наследия, составляющим историческое и культурное достояние народов Российской Федерации. В 1995 году Указом Президента Российской Федерации **день основания Публичной библиотеки, 27 мая, был объявлен Общероссийским Днём библиотек — всероссийским профессиональным праздником библиотечных работников.**

В настоящее время старейшая публичная и первая национальная библиотека России является одной из крупнейших библиотек мира и второй по величине фондов в Российской Федерации, хранилищем национальной памяти, общероссийским информационным, научно-исследовательским и культурным центром.

Сайт Российской национальной библиотеки: http://www.nlr.ru/

Замечательную историю имеет крупнейшая по величине фондов **Российская государственная библиотека**, открывшая двери для читателей в 1862 году. Это была первая публичная библиотека Москвы — Библиотека Румянцевского музея. Тогда её фонд составлял около 100 тысяч томов, а сейчас РГБ располагает более 43 млн единиц хранения — любой: будь то студент или учёный, профессионал или дилетант, может получить здесь всю необходимую ему информацию.

Первое упоминание о Николае Петровиче Румянцеве, дипломате, канцлере, председателе Государственного Совета как о собирателе древностей относится к 1784 году. После выхода в отставку в 1814 г. Румянцев занялся науками. Вокруг него сплотилась «Учёная дружина». При его участии печатались учёные труды, за его счёт осуществлялись многие экспедиции. В собранной Н. П. Румянцевым коллекции было более 28 тысяч книг, более 700 рукописей, большое количество русских первопечатных изданий, произведения ученых XVIII–XIX вв., описание путешествий, первое издание 1800 года «Слова о полку Игореве», первые два издания Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера.

В 1827 году брат Николая Петровича после его смерти обратился к Николаю I: «Всемилостивейший Государь! Брат мой покойный, изъявляя мне желание свое о составлении Музеума...» Император ответил: «Граф Сергей Петрович! Я с особенным удовольствием узнал, что следуя побуждениям усердия Вашего к благу общему, намерены, принадлежащий Вам известный своими драгоценными собраниями Музеум, передать в ведение Правительству, дабы сделать его доступным для всех и тем содействовать успехам народного просвещения. Изъявляю Вам благоволение мое и признательность за сей дар, наукам и Отечеству вами приносимый и, желая сохранить память основателей сего полезного заведения, я повелел именовать сей Музеум Румянцевским».

23 ноября 1831 года Румянцевский музеум открылся для посетителей. На должность Старшего библиотекаря Музеума назначен А. Х. Востоков (1781–1864) — поэт, лингвист, палеограф, археограф. Позднее на этой должности его сменил В. Ф. Одоевский.

В 1861 году Александром II было утверждено положение Комитета Министров — «*О переводе Румянцевского Музеума из Санкт-Петербурга в Москву*»... При поддержке министра народного просвещения Е. П. Ковалевского генерал-губернатор П. А. Тучков и попечитель Московского учебного округа Н. В. Исаков приглашали всех москвичей принять участие в становлении вновь создаваемого, как тогда говорили, «Музея наук и искусств». И москвичи поспешили на помощь своей долгожданной Библиотеке.

А. Н. Оленин

Н. П. Румянцев

А. Х. Востоков

Более трёхсот книжных и рукописных коллекций, отдельных бесценных даров влилось в фонд Московского публичного и Румянцевского музеев. Местом их расположения стал Дом Пашкова — одно из самых красивых и знаменитых зданий Москвы. Шедевр архитектуры классицизма, он был построен по заказу Петра Пашкова, разбогатевшего сына денщика Петра I. Распространено мнение, что автором проекта был Василий Баженов.

В мае 1862 года в Доме Пашкова открылись Московский публичный (его базу составило собрание Московского университета) и Румянцевский музеумы. В этом же году здесь начала работу и Румянцевская публичная библиотека Одним из её читателей в течение сорока лет был Лев Толстой.

Первоначально здесь хранились произведения декоративно-прикладного искусства и живописи, в том числе и «Явление Христа народу» Александра Иванова, которое приобрёл Александр II через несколько часов после смерти художника и подарил его музею. Однако позднее — в 1920 году специальная комиссия Главнауки постановила: «Освободить Пашковскую усадьбу для занятия ее библиотекой имени Ленина». В итоге хранившиеся сокровища разъехались по другим адресам. Ныне там работают три библиотечных отдела — научно-исследовательский отдел рукописей, отдел нотных изданий и звукозаписей, отдел картографии. А в парадном зале (культурно-выставочный центр) регулярно проходят международные конференции, вернисажи, презентации книг, церемонии вручения литературных премий.

В 1926 году Совнарком признал «существующее здание Ленинской библиотеки несоответствующим ее работе и значению». По проекту архитекторов Владимира Гельфрейха и Владимира Щуко в конце 30-х годов было построено 19-ярусное книгохранилище, в 1957–1958 гг. завершили сооружение корпусов «А» и «Б», строительство и освоение всего библиотечного комплекса продлилось до 1960 года.

Сайты Российской государственной библиотеки: http://leninka.ru/index.php?doc=378 и http://www.rsl.ru/

На фоне прославленных библиотек кажется ещё очень молодой недавно отметившая своё 90-летие ВГБИЛ — **Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино —** одна из крупнейших публичных и научных библиотек России, с уникальным профилем фондов и многогранной деятельностью, занявшая особое место среди российских библиотек.

История библиотеки начиналась с небольшой библиотеки Неофилологического института, насчитывающей немногим более 100 книг. Здесь следует сделать маленькое отступление, чтобы вернуться к её истокам: В1920 году в Наркомпросе обратили внимание на молодую девушку — библиотекаря из бывшего Саратовского реального училища Маргариту Рудомино. Она была командирована в Москву для приобретения текущей советской литературы. Преодолев массу трудностей, получив товарный вагон, она привозит в Саратов множество свежих книг. Перед отъездом в Наркомпросе её приглашают на работу в Москву с тем, чтобы приступить к созданию библиотеки вновь открываемого Неофилологического института. Обстоятельства сложились так, что начавшая работу Маргарита Ивановна оказалась одна со всеми заботами и трудностями создания нового дела. Не раз менялись помещения для библиотеки, всегда неприспособленные, требующие элементарного ремонта. С помощью всего трёх сотрудников делались первые шаги в обустройстве библиотеки, получении из Госфонда книг, а потом и в открытии филиалов для ведения разъяс-

Дом Пашкова

Современное здание РГБ

нительной работы, в отправке по межбиблиотечному абонементу иностранной литературы.

В апреле 1922 года библиотека открыла двери своим первым читателям, которыми были преимущественно студенты-филологи, преподаватели, переводчики. В 1924 году Неофилологическая библиотека (Неофилологический институт, при котором она создавалась, так и не был открыт) была переименована в Государственную библиотеку иностранной литературы.

За 52 года, в течение которых Маргарита Ивановна руководила библиотекой, ВГБИЛ стала современной научной и в то же время публичной библиотекой с образцово составленными каталогами и высококвалифицированными работниками, местом встреч с выдающимися писателями, деятелями культуры зарубежных стран. Неоценима её роль в установлении добрых отношений с библиотечным содружеством послевоенной Германии, её деятельность в качестве вице-президента ИФЛА (Международной федерации библиотечных ассоциаций). О М. И. Рудомино написаны книги (напр., «Великий библиотекарь. Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990)», предисловие к которой написал Д. С. Лихачёв), которые помогают сложить образ этой прекрасной, мудрой женщины, имя которой справедливо носит созданная ею библиотека.

90 лет существования Библиотеки сделали её одним из самых значительных хранилищ иностранной литературы в мире, она получила признание как крупный международный культурный, просветительский и исследовательский центр. Основные направления исследовательской деятельности ВГБИЛ — культурология и культурные связи между народами; зарубежное библиотековедение; книговедение и история книги; консервация и реставрация библиотечных фондов; информатизация библиотечных процессов и функций.

Многие библиотечные программы и проекты осуществляются в тесном сотрудничестве с международными организациями, зарубежными библиотеками и культурными центрами — ИФЛА, ЮНЕСКО, Библиотекой Конгресса США, Немецким культурным центром им. Гете, Мортенсоновским центром международных библиотечных программ и др. В соответствии с договорами о сотрудничестве, читатели ВГБИЛ обслуживаются в находящихся в её стенах библиотеке Французского культурного центра и Информационном центре Британского совета.

В начале третьего тысячелетия ВГБИЛ стремится стать международным культурным форумом — местом встречи и живого общения представителей разных стран, народов, культур, языков, конфессий.

Сайт ВГБИЛ: http://www.libfl.ru/

Все библиотеки, о которых мы писали, оснащены современным оборудованием, ими создана первая корпоративная библиотечная система в России ЛИБНЕТ, разработаны стандарты библиографического описания в национальном коммуникативном формате RUSMARC, реализованы другие инновационные проекты, поднимающие обслуживание на качественно новый уровень. Всё это и многое другое — веление времени. Но есть у нас ещё одна принципиально новая библиотека — это **Президентская библиотека имени Ельцина**, расположенная в историческом здании Синода в центре Санкт-Петербурга. Она была открыта 27 мая 2009 года — в Общероссийский день библиотек и день города.

Эта библиотека мало похожа на обычное книгохранилище. Её фонды пополняются в центре оцифровки и обработки. А вместо книжных полок здесь столы с мониторами, сидя за которыми посетители могут изучить царский документ, старопечатную книгу или

М. И. Рудомино

Здание ВГБИЛ

ценную рукопись, которую им никогда бы не предоставили в натуральном виде. И всё это в прекрасно отремонтированном здании Синода, построенном по проекту Карла Ивановича Росси. В здании размещены кабинет патриарха и представительская зона (кабинет и приёмная) президента России. В день открытия библиотеки Патриарх Кирилл совершил малое освящение восстановленного домового храма Святых отцов семи Вселенских Соборов и председательствовал на сессии Священного Синода Русской Православной Церкви.

С самого первого дня существования началась работа по оцифровке изданий и документов. В электронном виде сейчас существуют старинные печатные и рукописные книги (особо ценные фолианты переводят в электронный формат на опережающем время, не имеющем аналогов в мире оборудовании, представлены фонды редких исторических документов, книг и архивных материалов по истории российской государственности и русскому языку, ранее не доступные широкому кругу читателей).

Цифровой фонд библиотеки насчитывает более 42 тысяч единиц хранения и постоянно продолжает пополняться. Основу собрания составляют документы Российского государственного исторического архива и Российской национальной библиотеки, посвященные истории нашего государства. Планируется создание разветвленной сети филиалов, которая в будущем станет связующим звеном для библиотечной системы всей страны.

Как пользоваться библиотекой? Сюда можно зайти в любое время суток и из любой точки доступа в Интернет. Но предоставляются только те издания, на которые не распространяется действие авторских прав. Доступ к материалам, не отражённым на интернет-портале, всё равно имеется в электронном зале Президентской библиотеки или в любом из многочисленных региональных центров доступа в библиотеку, расположенных по всей стране — от Дальнего Востока до Калининграда. За рубежом библиотека имени Бориса Ельцина представлена в 12 странах (даже в Вифлееме, Палестина).

Библиотека работает и как крупный культурный центр, в её залах проходят научные конференции, в Большом главном зале — концерты. Посещение библиотеки производит огромное впечатление — здесь Вы, погружаясь в будущее, ощущаете всю силу нашего далёкого прошлого.

Сайт Библиотеки имени Ельцина: http://www.prlib.ru/pages/about.aspx

Текст составлен по материалам сайтов библиотек и текущей периодики.

Составители: зав. отраслевым отделом РЯ НБ им. М. Горького, зав. библиотекой ИРЯК СПбГУ А. В. Иванова; проф. СПбГУ К. А. Рогова